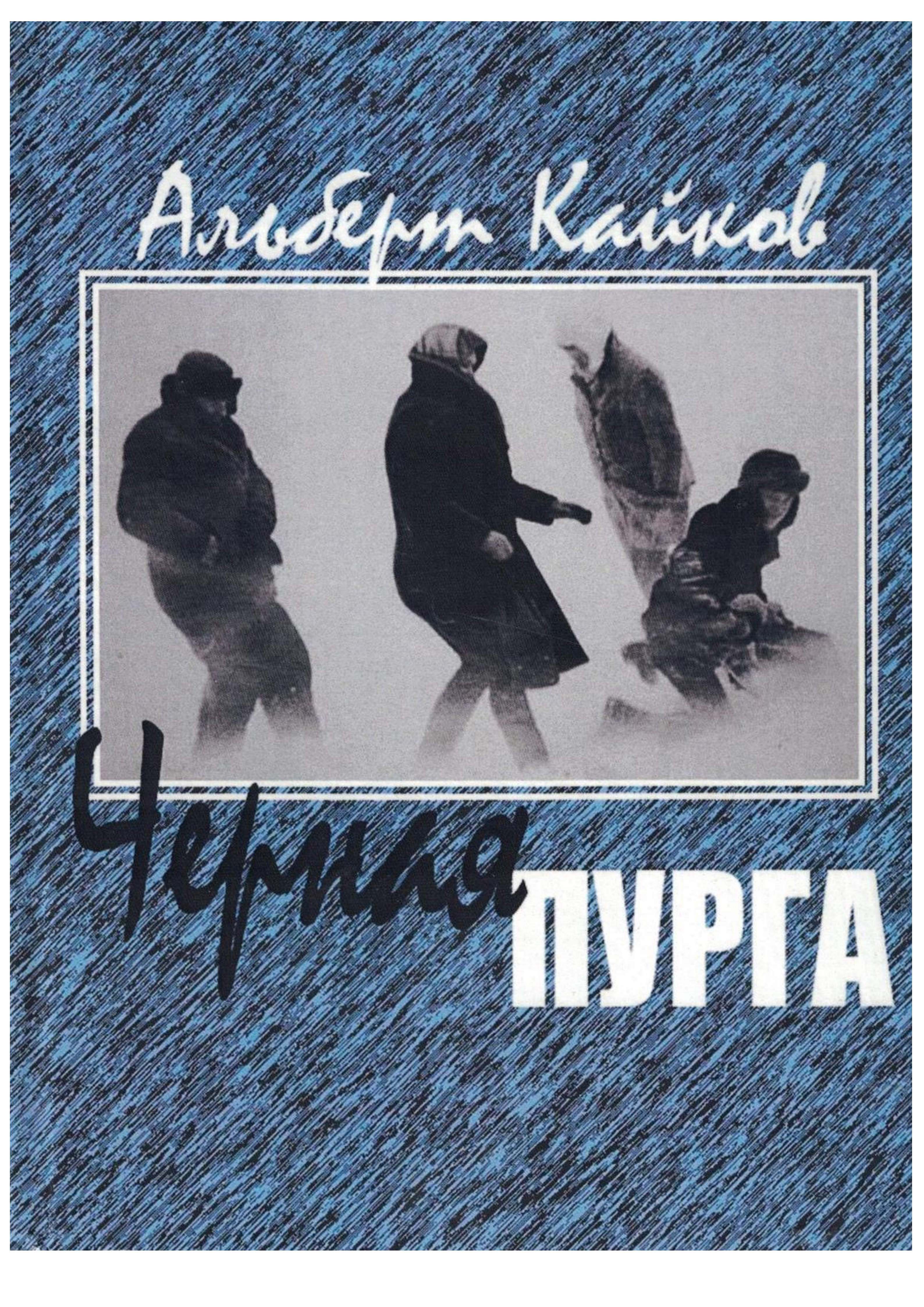

Альберт Кайков
Черная
ПУРГА

Альберт Кайков

Ч Е Р Н А Я П У Р Г А

Повесть

Москва, 2015

УДК
ББК 84 (2Рос-Рус)
К 15

Сборник: Современники и классики.
Кайков Альберт: «Черная пурга». – М: Интернациональный Союз писателей, 2015 – 295с. (Сборник Современники и классики).

В повести рассказывается о судьбе девочки Глаши Грудзинской, у которой мать осудили и отправили в норильские лагеря, когда ей не было года. После смерти бабушки она жила у чужих людей, а после смерти отца мачеха сдала ее в Туруханский детский дом. Детство Глаши проходило в Туре, Туруханске, поселке Лебедь на берегу Енисея, в Норильске.

Долгие годы Глаша ждала освобождения матери и мечтала о встрече с ней. С приключениями двенадцатилетней девочке удалось добраться до Норильска и встретиться с матерью. Эта встреча не принесла ей радости.

Реальные события из жизни девочки описаны на фоне событий, происходящих в стране, которые давно ушли в историю.

Значительное место в книге уделено описанию природы заполярья.

ISBN 978-5- 9907187-7-7

ББК 84(2Рос=Рус)6

От автора

Теплоход «Валерий Чкалов» отошел от причала Красноярского порта и взял курс на север. Остались позади речной вокзал, гостиница «Огни Енисея», удалялся все дальше и дальше коммунальный мост, соединяющий два берега реки, на которых раскинулся город. Пассажиры столпились у борта и любовались панорамой большого города, который вскоре растаял в утренней дымке, и судно оказалось среди просторов могучего Енисея. В безветренную погоду река спокойно несла свои воды в Северный Ледовитый океан. В лучах утреннего солнца она казалась темно-синей и суровой. По радио туристов пригласили в ресторан на завтрак. За столом собрались люди разных возрастов, не знакомые друг с другом. После завтрака руководитель туристической группы, представившаяся Ириной Александровной, предложила каждому коротко рассказать о себе. Я слушал невнимательно. Меня не интересовали биографии туристов. Мне хотелось скорее увидеть места, в которых жил полвека тому назад, узнать какие изменения произошли за этот срок. Мое внимание, однако, привлек рассказ симпатичной, стройной женщины в белой кофточке и белых брюках. В детстве Глафира Александровна Грудзинская проживала в Заполярье и хотела, как и я, посмотреть знакомые места. За ужином выяснилось, что она замечательно поет. Каждый вечер посетители ресторана задерживались и наслаждались ее прекрасным голосом. Мы познакомились, и она каждый день рассказывала мне кусочек своей жизни и своих предков. Судьба рода Грудзинских во многом типична для жителей России моего поколения и зависела от исторических событий, происходящих в стране. Меня тронуло ее детство, проведенное в детских домах на берегах Енисея. Я не мог не написать об этом.

Ч Е Р Н А Я   П У Р Г А

В Идринском

1

В тот год декабрь выдался снежным. По лесной дороге мелкой рысью трусила лошадь, запряженная в сани, нагруженные стопой коровьих шкур. Перед шкурами на охапке соломы в овчинном полушубке сидела молодая женщина Миля Грудзинская. Ее голова, повязанная шерстяным платком, покачивалась и склонялась в дреме. Она опустила вожжи, предоставив лошади свободу. По обе стороны дороги лежали сугробы, и лошадь не могла свернуть с накатанного пути. День клонился к исходу, небо заволокло темными тучами, в лесу стоял полумрак.

Внезапно лошадь дернула сани и понеслась во всю прыть. От внезапного рывка Миля ударилась спиной о шкуры. Ее дремота мгновенно улетучилась. Оглянувшись назад, увидела стаю волков, мчавшихся по дороге. Она ухватилась руками за сани, чтобы не вывалиться на поворотах. Ее охватил страх. «Только бы не догнали», – думала она. Один волк вырвался вперед и стал приближаться к саням. Вот он поравнялся с санями, намереваясь догнать лошадь и вцепиться в нее. Миля видела его раскрытую пасть с красным языком и белыми зубами. От его сосредоточенных глаз веяло ужасом. Она пожалела, что никогда не брала с собой кнут. Сейчас можно было бы хлестнуть по серой голове зверя и не дать ему возможности догнать лошадь. Миля попыталась поднять верхнюю шкуру и ударить ею волка. Шкура оказалась твердой и тяжелой как железо. Тогда она столкнула шкуру под ноги хищнику. Он споткнулся и кубарем покатился по дороге. Подоспевшая стая сгрудилась около него. Волки рвали сброшенную шкуру или раненного собрата. Воспитанная в комсомоле, Миля не верила в Бога, но в экстремальной ситуации вспомнила о нем и прошептала: «Господи, помоги лошади уйти от погони» . . .

2

Село Идринское Красноярского края, основанное в 1736 году, раскинулось на берегах реки Сыды, впадающей в Идру, которая в свою очередь впадает в Енисей. С трех сторон его окружала сибирская тайга. Вдали возвышались горы Крапивиха и Колываниха. Дома в селе добротные, рублены из красного леса, вытянулись по прямым улицам вдоль реки. Достопримечательностью села была каменная церковь, выстроенная в 1914 году и освещенная в честь Георгия Победоносца. После революции церковь закрыли, а в шестидесятые годы – разрушили. У

каждого дома огород и надворные постройки. Один из лучших – крестовый дом Михайловых. Он выделялся открытой террасой, на которой часто собирались родственники за кружкой чая. Постоянными атрибутами чаепития были самовар и примус. Дом отличался резными карнизами, наличниками и филенчатыми ставнями. В погребе под домом хранились картофель, овощи, всевозможные соления и варенья. На участке размещались сарай, амбар, погреб, баня, навес, огород и сад, примыкающий к лесу. Под развесистой сосной стоял столик с точеными ножками как у рояля, выполненный руками хозяина. Александр Георгиевич окончил в Смоленске реальное училище и получил специальность архитектора. Он был мастером на все руки. Брал подряды на строительство жилых домов и других объектов. В Минусинске строил церковь. Алтарь и другие резные элементы из дерева выполнял собственноручно. Его уважали заказчики. Все договорные обязательства выполнял качественно и в установленные сроки, следуя любимой поговорке: «Слово дороже головы».

Во время его поездок на строящиеся объекты все заботы по дому и хозяйству ложились на плечи жены Анастасии Даниловны. Муж всегда называл ее ласково Тюней. Статная, трудолюбивая, молчаливая, она была хорошей женой, прекрасной хозяйкой и любящей матерью. Иногда, устав от домашних хлопот, садилась на ковер и играла с годовалым сыном Витей. В таких случаях муж откладывал в сторону чертежи и смотрел, очарованный, на жену и сына. Настя чувствовала на себе его взгляд, но не поворачивалась в его сторону. Александр Георгиевич подходил к жене, присаживался рядом, обнимал за плечи, прижимался лицом к ее пышным светлым волосам и произносил:

– Тюня, какая ты чудесная. Сидел бы вечность рядом.

– А кто будет зарабатывать деньги и содержать семью?

Он не стал отвечать на ее вопрос, а продолжил восхищаться женой:

– Мне очень повезло, что я женился на тебе. Лучшей жены мне не надо. Ты прекрасно со всем справляешься.

Анастасия Даниловна промолчала. Она знала, что муж ее любит беззаветно. А вот любит ли она? Ее родители выдали дочь замуж против ее воли. Им не хотелось отказывать известным в городе сватам. По их мнению, это была блестящая партия для дочери. Сами они хоть и были знатного происхождения, но к тому времени род Байкаловых почти разорился. В восьмидесятые годы девятнадцатого века это был типичный случай выдачи дочерей замуж без их согласия. Обычно родители рассуждали: «поживут – слюбятся». Она же любила другого человека, но не смела ослушаться родителей. Может поэтому была молчаливой и задумчивой. После рождения первого сына Вити, испытав радость материнства, Настя привязалась к Александру Георгиевичу. Она уважала и ценила его. Ей хотелось иметь большую семью. Повернувшись к мужу, поцеловала в щеку, всегда чисто выбритую. Александр Георгиевич крепче прижал жену к себе.

– Саша, тебе не кажется, что у нас слишком маленькая семья?

– Тюня, неужели тебе мало одного сына?

– Конечно, мало. С одним ребенком – это не семья. С двумя детьми – полсемьи. С тремя – полноценная семья.

– Не беспокойся. У нас все впереди. Даст Бог, будут у нас еще дочки и сыночки.

По воскресным дням у Михайловых часто собиралась сельская интеллигенция: настоятель церкви протоирей Александр Суматохин, учитель сельской школы и доктор. Мужчины усаживались на веранде за уже накрытый стол, а хозяйка хлопотала у примуса. Она жарила шампиньоны, которые в изобилии росли на огороде, хорошо удобренном навозом.

Доктор, оглядев заставленный яствами стол, произносил:

– Под рыжики неплохо было бы пропустить по рюмочке.

Александр Георгиевич тут же обращался к священнику:

– Батюшка, позвольте налить наливочки? Или медовой настойки прикажете?

У Михайловых всегда в погребе стояла бутыль медовухи, настоянная на травах. Анастасия Даниловна была большой мастерицей по ее приготовлению.

– Ежели по единой, то можно, – с достоинством отвечал протоирей.

Хозяин наполнял бокалы, все дружно со звоном чокались и выпивали.

Хозяйка, нажарив грибов, принималась печь блины. Она знала, что батюшка очень любил блины со сметаной. В его утробу, скрытую под рясой, их вмещалось большое количество.

Во время поста готовился рыбный стол. В Идре водилась разная рыба. У рыбаков можно было недорого купить стерлядь и судака. Обычно готовился разварной судак. Его подавали на большом блюде с зеленью. Из огромной пасти торчали зеленые перья лука. Обязательным атрибутом было заливное из стерляди. Его готовили на рыбном желатине. Хозяин отрезал голову судака и клал на тарелку священника, на что тот произносил:

– Благодарствую.

Насытившись, мужчины начинали обсуждать сельские новости, постепенно переходя на политику. Газеты из Петербурга приходили с большим опозданием. Учитель, который регулярно выписывал газету «Санкт-Петербургские ведомости» стал рассказывать о революции, которая произошла в столице.

– Даст Бог, до нас она не докатится, – произносил священник и крестился.

Доктору надоедал разговор о политике, и он предлагал:

– Господа! Давайте попросим Александра Георгиевича что-нибудь спеть.

Его дружно все поддерживали. Александр Георгиевич приносил гитару, и на веранде лилась мелодия, завораживая слушателей.

После нескольких песен священник убежденно говорил:

– Уважаемый Александр Георгиевич, с вашим голосом надо петь в церковном хоре.

– Куда там мне до хора, – отвечал тот, – мне бы успеть с хозяйством управиться. Много времени отнимают поездки на строящуюся церковь.

– Жаль, очень жаль, – с сожалением произносил священник, – такой талант пропадает.

Хозяева провожали гостей за калитку. Александр Георгиевич пожимал им руки, а они целовали руку хозяйке.

В любви и заботах друг о друге у Михайловых в 1917 году родилась долгожданная дочка. Отец собственноручно изготовил деревянную кроватку -

качалку. На токарном станке выточил фигурные балясины ограждения. Кроватка получилась на славу и на загляденье родных и близких. Анастасия Даниловна заблаговременно приготовила приданое для ребенка. Временами ее душу точило беспокойство: плохая примета – готовить приданое не родившемуся ребенку. Она старалась не думать об этом. Будучи атеисткой, считала приметы пережитком прошлого.

Покачивая кроватку и любуясь спящим ребенком, Анастасия Даниловна, обращаясь к мужу, произносила:

– Наша Миля ровесница революции. Что, интересно, ей предначертано судьбой?

– Вряд ли тебе кто-нибудь ответит на этот вопрос. Я не представляю, какая ей жизнь уготовлена революцией.

Родители с ранних лет приучали дочь к труду и прививали хорошие манеры. Анастасия Даниловна всегда привлекала дочь к посильной работе. Накрывая в саду стол к приезду гостей, обычно давала Миле в руки лукошко и просила набрать для самовара сосновых шишек, которые осыпались с дерева, под которым стоял стол. Девочка росла бойкой и расторопной. За самоваром собирались родственники и гости, приезжавшие из Минусинска.

3

К семнадцати годам Миля расцвела жгучей красотой. От отца ей достался звонкий певучий голос, от матери – твердый характер. На посиделках она всегда была в центре внимания. На стройную, высокую брюнетку засматривались многие парни, но она никому не позволяла себя провожать с вечеринок. Если кто-нибудь из парней увязывался за ней, она останавливалась и, посмотрев на него черными глазами, полными ярости и негодования, грубо произносила:

– Что тебе надо?

От такого обращения парень отставал и больше к ней не приближался. Ей нравился гармонист Александр Грудзинский, но он не обращал на нее внимания. С каждой вечеринки он провожал домой кого-нибудь из девушек. В душе Мили бушевала ревность. Она думала: «Я же красивее Верки. Почему он сегодня провожает ее?» Домой возвращалась расстроенной. Мать, увидев ее состояние, спрашивала:

– Что с тобой? На тебе лица нет.

– Саша пошел провожать страхотину Верку.

– Ты что, влюблена в него?

– Не влюблена, но обидно, что он не обращает на меня внимания.

– Что ты в нем нашла хорошего? Волосы у него как у рыжего колонка.

– Причем волосы! Послушала бы, как он поет, как играет на гармошке.

– Милочка, ты, однако, влюблена в музыку.

Мать прекратила расспрашивать дочь, посмотрела на ее статную фигуру и подумала: «Дочь уже выросла, стала настоящей невестой».

На очередных посиделках Миля села рядом с Александром и предложила:

– Давай споем на два голоса.

Дуэт получился замечательный.

С тех пор Саша стал провожать Милю. Домой она возвращалась радостной и счастливой.

– Что случилось? – удивлялась мать, – ты сияешь, как глазурованный пряник.

– Меня сегодня провожал Саша.

– Добилась все-таки своего, ну и характер, – произносила мать и замолкала.

Во время одной из бесед матери с дочкой в разговор вмешался отец:

– Доченька, ты бы поостереглась Грудзинского, он же поляк.

– Что из того, что поляк. Поляки разве не люди?

– В нашем роду была полячка. Ее усилиями весь наш род как пургой унесло из родных мест в Сибирь.

– Папа, ты никогда не рассказывал об этом. Расскажи, пожалуйста, подробно.

Александр Георгиевич задумался. При царском режиме он не афишировал свое положение ссыльного. При советской власти статус дореволюционного ссыльного мог принести дивиденды, но гордость не позволяла ему этим воспользоваться.

– Папа, почему ты молчишь?

4

Тяжело вздохнув, словно воспоминания о прошлом вызвали притупившуюся боль, отец начал повествование:

– До Сибири твои предки жили в Смоленске и носили всеми уважаемую фамилию Суворовы.

– Мы родственники Александра Васильевича Суворова! – обрадовавшись, вскричала Миля.

– Нет, мы были однофамильцами прославленного генералиссимуса.

– Жаль.

Мой отец – Суворов Георгий Михайлович – зажиточный мещанин, держал в Смоленске лучший извоз. Нанятые кучеры на его конях, запряженных в кареты, возили самых почитаемых в городе жителей. Человек гордый и самолюбивый, он не терпел несправедливости и обмана. Его жена, очаровательная полька Ядвига, блистала красотой и нарядами на всех городских мероприятиях. Она приглянулась городничему, у них завязался роман. Слухи дошли до Георгия Михайловича. В нем закипела злость и жажда мести. Он был горяч и скор на расправу со своими ямщиками. Многие испытали на себе его тяжелую руку. Не отдавая отчет, что городничий не ямщик, долго не думая, собрался и отправился в управление полиции. В приемной его встретил городовой вопросом:

– Вы, сударь к кому?

– Городничий у себя?

– Вас вызывали?

– Я спросил, у себя ли городничий, – произнес Суворов и направился к двери в кабинет.

– Нельзя без приглашения! – закричал городовой и попытался преградить дорогу посетителю, но не успел.

Георгий Михайлович распахнул тяжелую дверь и вошел в кабинет. Из-за стола поднялся городничий. Он был отставным майором и неробкого десятка. На его лице мелькнула насмешливая улыбка, которая взбесила Суворова.

– Что вам угодно? – спросил городничий.

– Не что, а кто, – ответил Георгий Михайлович.

Подойдя к городничему, он хотел отвесить ему пощечину, но кулак не разжался, и удар получился такой силы, что обидчик не устоял на ногах.

– Дежурный! – заорал во весь голос городничий.

В кабинет вбежали двое городовых.

– Арестовать! В каталажку, немедленно! – приказал подчиненным.

Городовые взяли Георгия Михайловича под руки и вывели из кабинета.

Городничему не составило труда отправить мужа любовницы на каторгу. При оформлении документов изменили фамилию, чтобы не позорить знаменитого полководца. Однофамильцы Суворова стали Михайловыми. Эту же фамилию дали его братьям, детям и всех сослали на поселение в Сибирь. Над нашей семьей пронеслась жестокая буря, которая унесла всех далеко от Смоленска. Твоего деда сослали на каторгу в Нерчинск, а сыновей на поселение в село Никольское. Жена твоего деда Георгия Михайловича не последовала за ним, как жены декабристов.

– Что стало с Ядвигой? – спросила Миля, не дожидаясь конца рассказа.

– Она быстро собралась и уехала в Польшу.

– Вы переписывались с ней?

– Нет, она навсегда исчезла из нашей жизни.

По истечении срока каторжных работ деда определили на поселение в село Никольское. Он сумел тайно съездить на золотые прииски. Вернулся с чекушкой золотого песка, построил большой дом для себя и двоих сыновей, у которых уже были семьи. Но вскоре дом сгорел, и все переехала в Идринское.

Люди, привыкшие трудиться, быстро обосновались на новом месте и завели хозяйство. Место здесь благодатное, – продолжал рассказ отец. Плодородные земли, рыбная река, лес с изобилием зверя, грибы и ягоды радовали душу ссыльных. С тех пор семейство Михайловых невзлюбило поляков, считая их способными на предательство и приносящих им несчастье.

5

Елисея Францевича Грудзинского – царского офицера – за участие в подготовке несостоявшегося восстания в Царстве Польском, в 1914 году сослали в Сибирь. В его походке чувствовалась военная выправка. Стройный, двухметрового роста, с гусарскими усами, он всегда ходил гордо, с высоко поднятой головой. В противоположность ему его жена Агафья Прокопьевна была низкого роста, энергичная и деловая. На ее красивом лице всегда сияла улыбка. Она обладала прекрасным голосом и всегда пела за работой. Ее прическа из светлых кудрявых волос на голове напоминала распушившийся одуванчик . Она

родила девятнадцать детей. Правда, некоторые скончались в младенческом возрасте. Муж относился к ней хорошо. В то же время имел двух любовниц – подруг жены. Она догадывалась о его связях, но молчала, чтобы не создавать в семье скандалов.

Жили Грудзинские в добротном пятистенном доме, к которому примыкал большой огород. Во дворе стояли: амбар, сарай, навес и баня. Главной достопримечательностью была кузница. У хозяина был единственный в селе паяльник. Он был мастер на все руки. Мог коня подковать, изготовить металлические детали для нехитрого сельскохозяйственного инвентаря. Мужчины ехали к нему починить плуг или борону. Женщины несли запаять и полудить посуду. Жители села его уважали. Он, один из немногих грамотных людей на селе, никогда не отказывал селянам прочитать письмо и написать ответ. Воспитанный в религиозной семье, он верил в Бога. По вечерам у Грудзинских часто собирались соседи. Елисей Францевич читал Святое Писание, пояснял Евангилие.

Все Грудзинские обладали прекрасным слухом и голосом. Бывало в праздник затянут песню – стекла дрожат, соседи собираются послушать. Елисей выводит басовую партию, Агапия – сопрано, сын Александр пел тенороу, а дочери Шура – альт. В их репертуаре звучали многие песни. Особенно хорошо удавалась: «Ревела буря, дождь шумел». Слушатели от ее исполнения приходили в восторг.

Во время коллективизации Елисей Францевич организовал артель «Красный пахарь». Когда НЭП (новая экономическая политика) была свернута, его как грамотного человека, назначили председателем Райпотребсоюза, затем заведующим молочно-товарной фермой.

Он продолжал верить в Бога, скрытно, так как это могло отразиться на его карьере. В стране шла борьба с религией, разрушали храмы, священников арестовывали. Большинство пожилых людей, воспитанных в религиозных традициях, смирились с существующими порядками, в душе продолжая верить в Бога, чтя церковные праздники.

У Грудзинских на кухне висела икона в серебряном окладе. Каждое утро Агапия молилась перед ней. От мужа она часто слышала:

– Гапа, ты бы убрала икону подальше, не дай Господи, кто-нибудь увидит. Могут быть крупные неприятности у меня на работе.

Должность заведующего молочно-товарной фермой считалась номенклатурной. Вера в Бога в те годы считалась чуть ли не преступлением.

– Она висит за печкой, – отвечала жена, – туда никто не заглядывает.

В пятилетнем возрасте сын Саша задал вопрос:

– Мама, зачем ты кланяешься в угол?

– Я молюсь Богу.

– Зачем ты молишься?

– Я прошу у Господа здоровья и благополучия нашей семье.

Когда Саша начал ходить в школу, у него появлялись все новые и новые вопросы. Однажды, придя из школы, он заявил:

– Учительница сказала, что Бога нет и не надо ему молиться. Почему ты, мама, продолжаешь молиться?

– По привычке, сыночек.

– Что такое привычка?

– По утрам ты чистишь зубы и умываешься по привычке. Потому, что я тебя научила. Так и моя мама научила меня молиться. Я не могу ее ослушаться.

В разговор вмешался отец:

– Саша, ты говорил кому-нибудь, что твоя мама молится?

– Нет, не говорил.

– Не рассказывай, пожалуйста, никому. Пусть это будет нашей семейной тайной.

– Хорошо, – ответил сын.

Елисей Францевич опасался потерять работу. Он был одним из немногих руководителей не рабоче-крестьянского происхождения.

Саша сдержал свое слово, но в его душе было посеяно семя сомнения и недоверия к людям. В школе, когда учительница проводила антирелигиозную беседу, его детское сердечко учащенно колотилось. Он думал: «Почему «религия опиум для народа», а его мама, самый близкий и любимый человек, молится». Придя домой из школы, задал вопрос:

– Мама, что такое опиум?

– Это лекарство.

– Ты его принимаешь?

– Нет, не принимаю. А почему ты об этом спрашиваешь?

– Я думал, что ты лечишься от религии.

После таких разговоров в детской душе накапливались большие сомнения, прививалась привычка обмана и скрытности.

6

Вернувшись на зимние каникулы из Абакана, Миля надела новое платье, демисезонное пальто, которое подчеркивало ее фигуру, и помчалась в клуб на танцы. Вечер был в разгаре. Александр Грудзинский сидел на стуле в центре зала и играл на гармошке. Вокруг него проплывали в вальсе счастливые пары. Миля ожидала, что закончив играть очередную мелодию, он подойдет к ней, но Саша продолжал играть танец за танцем. К ней подходили знакомые юноши и приглашали танцевать, но она всем отказывала. Гармонист все видел. Он был опытным любовником и знал: чем сильнее раззадоришь девушку и вызовешь в ней ревность, тем скорее добьешься ее расположения.

Теоретики коммунизма Карл Маркс и Фридрих Энгельс высказывали мысль, что социализм уничтожит буржуазную семью. В середине девятнадцатого века появилась теория «**стакана воды».** Это взгляды на любовь, брак и семью, которые были широко распространены среди молодежи в первые годы Советской власти. О теории писала пресса, ей посвящались комсомольские диспуты. Она стала инструментом пропаганды. Многим юношам эта теория пришлась по душе, они пользовались ею, чтобы добиться расположения девушек, не заботясь о последствиях таких связей.

После окончания танцев Александр подошел к Миле и ласково произнес:

– Я соскучился по тебе, можно тебя провожу?

Миля с трудом сдержалась, чтобы не нагрубить ему, резко повернулась и пошла из клуба. На улице он догнал ее и спросил:

– Почему ты сегодня такая невеселая?

– Иди лучше проводи Верку.

– Причем Вера, если я люблю тебя.

Сердце Мили начало понемногу оттаивать. Чтобы проверить его, спросила:

– В мое отсутствие провожал же ее.

– Кто тебе сказал?

– Какая разница кто сказал.

– Всего один раз, спроси кого угодно. Ее некому было проводить. Мое сердце принадлежит только тебе.

Он взял ее под ручку и произнес:

– Какая тихая ночь. Может, она будет для нас самой счастливой.

Они шли по заснеженной улице. На небе ярко мерцали звезды. Луна заливала желтым светом сугробы. На душе Мили появилось радостное умиротворение. «Вот так бы идти по жизни рука об руку с милым сердцу человеком», – думала она. Мороз пробрался под ее легкое пальто, и она обратилась к Саше:

– Я замерзла, проводи меня домой.

– Почему ты в мороз надела пальто, а не шубу?

– Чтобы понравиться тебе, – не задумываясь, выпалила она.

– У меня есть предложение, – ответил он, – родители сегодня топили баню. Они давно спят. Мы можем посидеть в тепле и о многом поговорить.

В ту ночь Миля не вернулась домой. Через месяц она сказала Саше:

– Я, кажется, забеременела.

– Не может быть, – испугавшись, произнес он, – с первого раза не беременеют.

Время шло, у Мили рос живот. Первой заметила мать.

– Миля, – обратилась она к дочери, – ты понимаешь, что натворила?

– Понимаю.

– От рыжего колонка?

– Да.

– Что он думает?

– Не знаю.

– Ты с ним разговаривала?

– Один раз сказала.

– Где не надо, ты очень бойка, а тут тихоней стала.

На следующий день Анастасия Даниловна направилась к Грудзинским. После ее разговора с матерью Александра, он подкараулил Милю на улице и предложил:

– Пойдем, распишемся.

– Это ты мне предложение делаешь или одолжение?

– Конечно, предложение.

– А где объяснение в любви?

– Слишком для меня все неожиданно.

– В бане красивые слова говорил, обещал до конца жизни любить, а теперь все забыл.

– Не забыл, все помню. Давай не будем ссориться, пока мы еще не муж и жена.

Милю эти слова резанули по сердцу, и она вспылила:

– После женитьбы, значит, можно будет ссориться?

– Не придирайся, пожалуйста, к словам. Давай лучше обсудим, где мы жить будем. Мои родители предлагают – у нас.

Миля поняла, что родители Саши оказали на него давление. У нее было безвыходное положение, и она согласилась пойти на регистрацию брака и жить у его родителей. Александр был мил ее сердцу, и она надеялась, что они заживут счастливо.

– Завтра мои родители придут к твоим договариваться о свадьбе, – продолжал Саша.

В тридцатые годы прошлого века у сельских жителей не было паспортов. Регистрация браков проводилась в сельском совете. Молодоженов записали в журнал и выдавали справку о регистрации брака.

Грудзинские приняли Милю в дом радушно. Свекровь Агафья Прокопьевна во всем сноху опекала, тяжести поднимать не разрешала. Свекор Александр Елисеевич относился с уважением. Осенью Миля родила сына Витю. Для бабушки и дедушки внук был желанным, а вот отец проявил полное равнодушие. Он считал ребенка обузой. Стал надолго уходить из дома и поздно возвращаться.

– Где тебя нелегкая носит допоздна? – бывало, спросит его мать.

– На репетиции, готовим самодеятельность к Новому году.

– Наверное, с Веркой репетировал, – вмешивалась в разговор Миля.

Ее слова были керосином в костер. Александр вспыхивал гневом, возбуждался, начинал кричать и ругаться:

– Нашла причину придраться! Не надо было рожать, вместе бы ходили в клуб на репетиции!

– Я что одна виновата в рождении ребенка?

– Досталась же мне жена, от которой кроме упреков ничего не услышишь!

Миле надоело терпеть выходки мужа. Она по вечерам сидела с ребенком, а он гулял неизвестно где. В один прекрасный день она забрала Витю и ушла к родителям. Дома застала мать, прижалась к ней и заплакала.

– Что случилось? – спросила Анастасия Даниловна.

Сквозь слезы дочь изложила свое горе.

– Я тебе раньше говорила, что у Шурки кудри к дури. Сильно не расстраивайся, вырастим твоего сына.

Прошло достаточно много времени. То ли одумавшись, толи под давлением родителей Александр пришел к Михайловым. Попросил прощения и уговорил Милю вернуться к нему. Впервые взял Витю на руки и понес домой. Жили они в ладу и мире до новой беременности Мили. Второго ребенка он не хотел, стал часто выпивать, встречать жену с дочкой при выписке из роддома не поехал. Когда их привезли из роддома, он был пьян и встретил руганью. Увещевания матери не помогали. Отца он побаивался и устраивал дебоши в его отсутствие.

Однажды напился до неузнаваемости, стал буянить, бросаться на жену с кулаками, перевернул стол, разбил стоящую на нем посуду. Она схватила дочку и выскочила на улицу. Остановившись у крыльца, стала думать куда бежать. «Надо бежать к маме», – подумала она. В это время в коридоре раздались шаги. «Догонит». – Мелькнула у нее мысль, и она побежала в баню просить помощи у ссыльных, которые там временно проживали. Во дворе ходили куры, которые бросились врассыпную. Одна попала под ноги. Миля споткнулась, чуть не уронив ребенка. Курица, кудахтав, побежала, теряя перья. Вбежав в баню, испуганным голосом закричала:

– Помогите! За мной гонятся.

В бане у маленького окошка за приставным столиком сидели двое. Мужчина интеллигентного вида с острой бородкой снял очки, отложил в сторону книгу и спросил:

– Кто за вами гонится?

– Муж.

– Успокойтесь, в нашем присутствии он вас пальцем не тронет.

Младший сын Грудзинских Григорий, которому было пятнадцать лет, решил пошутить. Подошел к двери бани и пьяным голосом стал требовать:

– Откройте дверь! Я сейчас ей покажу!

У Мили начался психоз. Ее трясло, дрожали руки. Видя ее состояние, мужчины поднялись с мест и открыли дверь, намереваясь поговорить с Александром. Вместо него у дверей увидели подростка.

– Ты, что творишь, негодный мальчишка? – произнес мужчина с бородкой.

Григорий рассмеялся и убежал домой довольный своей шуткой.

Елисей Францевич о скандале в доме узнал в поле на уборке урожая. Он распряг лошадь, молодецки вскочил на спину и галопом помчался в село. Сельчане были удивлены, видя скачущего по улице всадника, поднимающего клубы пыли. Вбежав в дом, он увидел беснующегося сына и разбросанные вещи. Недолго думая, скрутил Александра, повалив на пол, заломил руки за спину и крикнул Агафье Прокопьевне, наблюдавшей за мужем:

– Подай рушник!

Она повиновалась, принесла полотенце и подала мужу. Он связал сыну руки и поднялся на ноги. Немного подумав, выдернул ремень из его брюк и связал ему ноги.

– Еля, не затягивай сильно ремень, – обратилась Агафья Прокопьевна к мужу, – ему будет больно.

– Больно ему надо бы сделать этим ремнем, но пьяный не поймет, за что выпороли.

Александр почувствовав сильные руки отца, лежал тихо и не сопротивлялся.

Больную отвезли в районную больницу, а девочку, которой было всего двенадцать дней, забрала бабушка Анастасия Даниловна. После выздоровления родители посоветовали Миле не оставаться в селе, а поехать учиться в Абакан. Так она и поступила. С мужем Александром решила расстаться, а детей поделить. Витя остался у Грудзинских, а Глаша у Михайловых.

Бабушка устроила внучку на русской печи. Девочка оказалась на удивление очень спокойной. Накормят ее жеваным хлебом с молоком и медом, она и спит, только посапывает. Придет, бывало, в дом соседка Шура и спросит:

– Где у вас внучка?

– На печке спит, – ответит Анастасия Даниловна.

– Что-то молчит?

– Сытая – вот и спит.

– Без материнского молока растет, – вздохнет соседка.

– Что поделаешь, видимо, судьба такая.

– Знает, наверное, что матери нет, и на руки не просится?

– Нет у меня времени на руках ее нянчить. На мне дом, корова, куры, гуси, пасека и огород.

– Нелегкая наша судьба бабья, – грустно скажет соседка, покидая дом.

7

Советская власть в сибирской глубинке установилась значительно позже, чем в центральной России. Александр Георгиевич воспринял ее без энтузиазма, но не враждебно.

В июльский жаркий день, когда селяне изнывали от жары и покосом занимались только по утрам, в село приехали сотрудники НКВД. По их сведениям в селе скрывались контрреволюционеры. К поиску посторонних подключился комитет бедноты. Они обошли село и обыскали каждый дом, но никого подозрительного не нашли.

– Не может быть, чтобы в селе не было контры, – произнес сотрудник НКВД.

– Надо посмотреть у лесника, – предложил нетрезвым голосом председатель комбеда Федор.

– Обыскать дом лесника! – приказал уполномоченный.

Трое комитетчиков, обливаясь потом, поспешили к колхозной конюшне. Стояла июльская жара, почти месяц не было ни одного дождя. В дверях их встретил сторож – дед Кондратий:

– Куда разогнались?

– Открывай ворота, – командным голосом произнес Федор.

– Это еще зачем?

– Коней седлать будем.

– Мне указание дать коней не поступало.

– Я тебе разве не указ, – произнес Федор и грубо оттолкнул старика от дверей.

Его товарищи распахнули ворота, а он подошел к вороному племенному жеребцу и отвязал недоуздок. Конь мотнул головой, вырвал недоуздок из рук и поднялся на дыбы. Федор еле успел отскочить в сторону, чтобы не попасть под копыта.

– Не тронь жеребца! – закричал дед Кондратий, – зашибет!

Федор не на шутку испугался. Он никогда не имел своих лошадей. Поле пахал ему брат. Выбрав смирную лошадь, снял со стены седло и накинул на круп.

– Что творишь, бестолочь, положи сначала подседельник, – произнес сторож, а сам подумал: «Голь перекатная, коня запрячь не может, а туда же, в начальство лезет».

Кондратий помог запрячь лошадей и напутствовал:

– Жара стоит несусветная, езжайте шагом, а то запалите лошадей, не дай Бог.

– Знаем, – ответил Федор и пустил лошадь рысью.

Он торопился. Ему очень хотелось отличиться, задержав контру. До дома лесника было пять верст по накатанной дороге вокруг лесного массива. Федор знал тропу через лес, которая короче в несколько раз и свернул на нее. Лесная прохлада освежала вспотевшее лицо, легкие наполнял воздух с запахами хвои и смолы. Ударив лошадь голыми пятками и дернув уздечку, погнал быстрее. За поворотом перед ним неожиданно оказалась наклоненная поперек дороги вершина березы. Федор растерялся и не успел наклониться к шее лошади. Удар пришелся в грудь. Обняв ствол руками, повис над дорогой и закачался на высоте около сажени. Лошадь, освободившись от седока, убежала по тропе.

Подъехавший первым Иван с ухмылкой спросил:

– Федя, зачем на березу залез?

– Перестань зубы скалить, помоги слезть.

– Прыгай, здесь невысоко.

Федор осторожно, выпуская ствол из-под мышек, ухватился за толстую ветку, повис на ней и спрыгнул на землю.

– Пешком пойдешь или нас здесь подождешь? – спросил Иван горе-наездника.

Федора взбесил издевательский тон Ивана, и он обрушил на него поток отборного мата.

– Не кипятись, – примирительным тоном сказал Иван, – садись сзади меня.

Федор уселся на лошадь позади Ивана, ухватился за его пояс руками, и они продолжили путь. Его давила злость на убежавшую лошадь, в груди отдавалась боль при прикосновении к Ивану.

Домик лесника стоял на поляне около небольшой речки. С одной стороны за забором из жердей виднелся огород и посадки картошки. С другой стоял сарай для скота и стог свежеубранного сена.

Спешившись у крыльца, комитетчики, как буран ворвались в дом, надеясь застать незнакомого человека. Их встретила беременная женщина. На ее красивом лице появился испуг.

– Где лесник?

– Где же ему быть? В лесу, на объезде.

– В доме кто есть?

– Кому быть кроме меня, когда мужа нет.

– К нему кто-нибудь приезжал?

– Некому к нему приезжать.

– С кем он в лес уехал?

– Один. Ей Богу, один! Вот вам крест, – и она перекрестилась.

– Ты брось эти штучки - дрючки, Бога нет, – произнес Федор и взял женщину за руку. Она стала вырываться. У него заиграла кровь, он схватил ее в охапку и потащил к кровати. . .

По селу разнеслась весть, что жена лесника изнасилована.

Виновников арестовали, увезли в райцентр, по слухам, их судили. Вскоре они вернулись в село, видимо, своих за решетку не садят.

В это время Александр Георгиевич был в отъезде. Когда вернулся, односельчане наперебой рассказывали ему о неслыханном раньше в их селе случае. Он задумался и произнес:

– Если представители власти так ведут себя, как мы будем жить дальше?

Кто-то из односельчан, слышавших эти слова, написал донос. Через несколько дней в село приехали трое сотрудников НКВД, Александра Георгиевича арестовали и повели к черной автомашине «Эмке». Анастасия Даниловна смотрела им в след. Мужа сопровождали люди в темно-синей форме с кобурами на поясных ремнях. Она не могла предположить, что видит мужа последний раз. Через два дня собрала передачу и поехала в Абакан, надеясь на свидание с мужем. Передачу у нее приняли, но свидания не разрешили. Она спросила у дежурного:

– Можно в следующий раз привезти теплое белье и носки?

– Все можно, – ответил тот.

Трижды возила Анастасия Даниловна передачи мужу, а на четвертый раз ей сообщили, что он отправлен на лесоповал.

– Скажите, пожалуйста, его адрес, чтобы мне можно было написать ему письмо.

– Адресов не даем, дождитесь от него письма и узнаете адрес, – был ответ. Тогда шел 1938 год. Миле шел двадцать второй год. Она стала дочерью врага народа. Анастасия Даниловна ждала письма от мужа, но так и не дождалась. Она до конца жизни ждала его возвращения.

Только в восьмидесятые годы двадцатого века Михайловы узнали, что Александр Георгиевич реабилитирован. Он был расстрелян на третий день после ареста.

8

После окончания учебы в Абакане Миля поступила работать агентом Заготживсырья. Она одна, на лошади, запряженной летом в телегу, зимой в сани, ездила по деревням и по ведомости собирала у жителей шкуры скота. В то время существовал порядок, по которому при забое скота хозяева обязаны были сдать шкуры государству.

В одну из поездок за лошадью погналась стая волков. Оторвавшись от стаи хищников, Миля долго не могла успокоиться. Руки тряслись, сердце учащенно билось в груди, словно сама убегала от погони.

Кладовщик, пересчитав шкуры, спросил:

– Где еще одна шкура? По ведомости должно быть на одну больше.

– Я бросила ее волкам.

– Государственным добром разбрасываешься? – возмутился кладовщик.

– Они могли задрать лошадь и меня.

– Не рассказывай сказки. Мне придется написать докладную начальству о недостаче. Они решат, что с тобой делать.

В августе 1932 года вышло постановление ЦИКа «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов, кооперации, укреплении общественной социалистической собственности». Размер похищенного не имел значения. Наказание предусматривалось вплоть до расстрела. Это был политический заказ, позволяющий избавиться от врагов Советской власти и пополнить лагеря дешевой рабочей силой.

Милю арестовали. Следователь поверил ее рассказу, но когда из личного дела подозреваемой узнал, что она дочь врага народа, то следуя установкам борьбы с антисоветскими элементами, передал дело в суд.

Через несколько месяцев Милю отпустили. Она не пошла трудиться на прежнее место работы, а поступила учиться на лаборанта маслоделия. После успешного завершения учебы ее направили на Абаканский маслозавод. В ее обязанности входило ежедневное определение химического состава продукции и докладывать директору о результатах анализов.

Директору маслозавода приглянулась молодая, стройная и энергичная женщина. Ее черные густые волосы, подстриженные популярной стрижкой каре, создавали облик девочки. Короткая челка придавала задорный вид, а открытая шея притягивала взгляд. Ему хотелось дотронуться до ее волос, ровно подстриженных сзади.

Каждый раз, когда она приходила в его кабинет, он предлагал ей присесть к столу. Изучив сводку качества продукции, устремлял на нее маслянистый взгляд и бесцеремонно рассматривал посетительницу. От его взгляда Милю коробило, и она отводила взор.

Директор изучил ее личное дело и знал, что у нее двое детей, но живет без семьи. Это его вдохновляло на успех задуманных отношений. Однажды, провожая ее из кабинета, он обнял за талию. Миля решительно отвела его руку и произнесла:

– Михаил Васильевич, – не надо.

Это его только раззадорило. Он не привык, чтобы женщины не отвечали ему взаимностью. Чем сильнее женщина сопротивлялась его домогательствам, тем настойчивей он добивался цели. На следующий день, поговорив с Милей о производственных делах, неожиданно предложил:

– Милисина Александровна, зайдите после работы ко мне в кабинет.

– Зачем после работы? Мы все вопросы уже обсудили.

– Я вас очень буду ждать, – многозначительно произнес директор.

Миля, промолчав, ушла из кабинета. Целый день она думала о предложении. Директор был не в ее вкусе. Низкого роста, светловолосый, с грубыми чертами лица. Она продолжала любить своего мужа и не могла позволить себе стать любовницей.

Михаил Васильевич ждал Милю. В сейфе была приготовлена бутылка коньяка, конфеты и закуска. По опыту он знал, что выпившая женщина легче

поддается уговорам. Прождав около часа и поняв, что зря потерял время, в нем закипела злость: «Я сломаю твою гордыню, ты у меня еще попляшешь», – решил он.

На следующий день Михаил Васильевич спросил:

– Почему вы не пришли вчера?

– Я не могу.

– Приходите сегодня. Нам надо поговорить.

– О чем?

– Придете – узнаете.

Миля не пошла на свидание. Через несколько дней к ней на квартиру пришли директор, милиционер и двое понятых с обыском. Обыск длился недолго. Милиционер перевернул постель, порылся в столе и открыл сундук, в котором среди одежды нашел кусок сливочного масла, завернутый в пергаментную бумагу. Хозяин квартиры удивился:

– Мужики, вы что, с ума сошли? Какая баба будет хранить масло среди белья?

– Может она и тебя снабжала маслом? – спросил директор.

– Упаси Бог, – произнес хозяин и стал креститься.

Участковый сел к столу составлять протокол, а директор, глядя на испуганную Милю, сквозь зубы процедил:

– Допрыгалась, впредь умнее будешь.

Миля увидела в его глазах злорадство. Она не понимала, каким образом в ее сундуке оказалось масло, и не представляла, какую роль в ее судьбе сыграет этот мстительный человек.

К зданию суда задержанную привезли в черной крытой автомашине. Проходя по коридору здания суда в сопровождении охранников, Миля верила, что на суде выяснится недоразумение с маслом и ее отпустят, как было со шкурой. Когда судья зачитал приговор: «Семь лет тюрьмы строгого режима и десять лет поселения в месте отбывания наказания», у нее подкосились ноги, в голове зашумело, перед глазами поплыли темные и красные круги. Она ухватилась за решетку, чтобы не упасть. Придя в себя, подумала о детях: « Когда я увижу Витю и Глашу? Что будет с ними без матери?». Ей было всего двадцать два года.

Анастасия Даниловна, узнав, что дочь осуждена, не раздумывая, с ребенком на руках, отправилась в Абакан. Свидания ей не разрешили. Она стояла у ворот тюрьмы и успокаивала плачущую Глашу, у самой слезы катились из глаз. Проходящий мимо охранник спросил:

– Почему плачете, мамаша?

– Хотела повидать дочь, но не разрешили.

– Ребенок ваш?

– Что ты, милый? Внучка, хотела, чтобы мать с ней простилась.

Солдат посмотрел по сторонам и тихо сказал:

– Через два дня заключенных повезут на вокзал для отправки на поезде. Там сможете свидеться.

– Спасибо, родной. Дай Бог тебе здоровья, – произнесла Анастасия Даниловна, глядя в спину удаляющемуся солдату.

Она двое суток встречала и провожала все поезда проходящие через Абакан. Проходя мимо пассажирского поезда Абакан – Красноярск обратила внимание на товарный вагон с решетками на окнах, прицепленный первым за паровозом. Этот вагон всегда считался багажным. К нему на перрон подъехали две грузовые крытые автомашины. Из одной выскочили солдаты и стали двумя шеренгами от вагона ко второй машине, из которой стали выходить заключенные и следовать вдоль строя к вагону. Анастасия Даниловна через спины солдат не могла разглядеть дочь. Увидела ее только, когда та поднялась по ступеням вагона. Из груди матери вырвался крик:

– Миля!!

Дочь обернулась, но ее тут же толкнули в спину, и она оказалась в вагоне. У Мили долго стоял в ушах душераздирающий крик матери. Она думала: «Доживет ли мама да моего возвращения, и когда я увижу свою дочь, сколько ей будет лет?».

«Вряд ли она смогла разглядеть меня с ребенком на руках», – думала Анастасия Даниловна, возвращаясь с вокзала подавленная горем, прижимая ребенка к груди.

9

Просидела Глаша на печи, пока не научилась ползать и подниматься на ноги. Ей не исполнилось и года, когда были осуждены дед и мать. Бабушка оставляла внучку с соседкой, когда возила передачи мужу, а на свидания с дочерью, которые не состоялись, ездила с ребенком на руках, в надежде, что Миля подержит на руках свою дочь.

Прошло два года. Как известно, время лечит. Лишившись мужа и дочери, Анастасия Даниловна продолжала соблюдать установленные в семье традиции. По воскресным дням в саду за самоваром собирались близкие люди. Сын Виталий с женой, дочери Юнона и Маргарита, которой исполнилось семнадцать лет. Она уже окончила школу, работала учительницей в младших классах и заочно училась в педагогическом институте. В саду стояла тишина, слышалось только жужжание пчел. Воздух, наполненный запахами цветущих деревьев, был неподвижен и казался густым. Стол с точеными ножками, изготовленный Александром Георгиевичем, стоял в тени под высокой сосной, сохранившейся от леса, вырубленного при застройке села. Жаркие лучи летнего солнца не проникали сквозь ее густую крону. Анастасия Даниловна, разливая чай в тонкие стеклянные стаканы, стоящие в подстаканниках, думала: «Осиротела наша семья, нет той атмосферы, которая царила при Александре Георгиевиче».

Иногда приходила соседка Шура, жившая через дорогу. Из Никольского приезжал учитель Борис Артемьевич Никоненко, который познакомился с Маргаритой в институте. Рита выделялась среди подруг высоким ростом, темными волосами, спускавшимися двумя косами ниже пояса. Мать чувствовала, что молодые люди симпатизируют друг другу и старалась угодить будущему зятю. Постоянно подливала ему ароматный чай и подкладывала кусочки пирога.

Глаша пыталась залезть на колени к Маргарите. Та легонько отстранила ее от себя и сказала:

– Пойди, набери шишек для самовара.

Девочка подобрала две шишки и принесла их Маргарите. Той надоело нянчиться с племянницей, хотелось спокойно поговорить с Борисом. Взяв у племянницы шишки, предложила еще принести шишек.

Тетя Шура, наблюдавшая за ребенком, позвала ее к себе:

– Глашенька, иди ко мне, пускай взрослые побеседуют.

– Мы будем играть? – спросила Глаша, подойдя к Шуре.

– Конечно. Называй меня мамой, а дядю Борю папой.

Игра продолжалась в течение нескольких встреч. При очередной игре Шура заявила:

– Дядя Боря не твой папа, а мой.

Глаша захныкала, а Шура предложила:

– Купи его у меня за рубль, тогда он будет твой.

Девочка направилась к бабушке:

– Бабуся, дай рубль.

– Зачем? – удивилась бабушка.

– Куплю папу.

Получив рубль, Глаша отнесла его Шуре. Та долго крутила монету в руке, рассматривая барельеф Алексея Стаханова. Затем произнесла:

– Теперь дядя Боря окончательно твой. Как только в следующий раз приедет к вам, забирай его и делай с ним что хочешь.

При очередной встрече Глаша заявила:

– Дядя Боря мой.

– Я согласен, – сказал Борис Артемьевич, – мне нужна такая девочка.

Глаша целый день ходила за Борисом. Потеряв его, стала искать по дому. Приоткрыв дверь в одну из комнат, увидела, что Борис подарил Маргарите фетровые боты и поцеловал ее. Девочка со слезами побежала к бабушке:

– Бабуся, Боря мой, а дарит боты тете Маргарите.

– Тебе они велики, вот он и подарил их Маргарите. Попроси у них примерить боты и убедись, что они не для тебя.

Глаша направилась в комнату, в которой видела молодых людей. Они сидели на диване, рядом стояли боты.

– Что тебе здесь надо? – Спросила Маргарита.

– Хочу примерить боты.

– Незачем тебе примерять боты.

– Не лишай ребенка возможности походить в новой обуви, – сказал Борис и поставил боты перед Глашей.

Она сняла с ног жесткие сандалии, поставила ноги в мягкие боты и попыталась идти по комнате. Тяжелая для нее обувь не отрывалась от пола, а волоклась за ногами и не позволяла сделать привычный шаг. Глаша остановилась посредине комнаты, сняла боты и заявила:

– Плохие боты, мне такие не надо.

– Тебе их никто не предлагает, – отреагировала Маргарита, – иди, посмотри, чем занимается бабушка.

После примерки Глаша успокоилась, Вечером, напившись чая, повела Бориса спать в свою комнату.

Никоненко очень любил детей, ему нравилась бойкая и непосредственная девочка. Он предложил Рите:

– Давай удочерим Глашеньку.

– Нам сначала надо узаконить свои отношения.

– За этим дело не станет.

Шла война. Вскоре Бориса призвали в армию. Свадьба не состоялась, и Глашу не удочерили.

Подрастая, Глаша не отходила от бабушки. Та иногда скажет в сердцах: «Не путайся под ногами!». Затем одумается, погладит внучку по кудрявой головке и скажет: «Помоги мне, подмети пол, пока я обед готовлю».

Глаша брала веник и начинала водить им в разные стороны.

– Не поднимай пыль на кухне, иди, подметай в комнате.

Вскоре Глаше надоедало одиночество, и она возвращалась на кухню.

– Бабуся! Можно я суп помешаю?

– Кто мешает, того бьют и плакать не дают.

– Бабуся! Кипит!

– Не бабушка, а самовар кипит.

Глаше доставляло удовольствие во всем помогать бабушке. Она вместе с ней резала картошку, делала галушки, готовила начинку для пирожков. Став взрослой, готовила еду так, как учила ее бабушка, которая играючи готовила ее к будущей жизни.

Под Новый год Анастасия Даниловна вместе со старшими дочерьми Маргаритой и Юноной нарядили елку. Утром, войдя в зал, Глаша увидела чудо. Посреди комнаты стоит наряженная елка. Чего на ней только не было? Флажки, гирлянды из бумажных колец, фрукты из ваты, пингвины, петушки и курочки из папье-маше, стеклянные шарики. Больше всего Глаше понравились китайские фонарики абрикосового цвета из гофрированной бумаги. Она потянула к ним руку.

– Глафира! – раздался голос Маргариты, – ничего руками не трогай, а то Дед Мороз заберет елку.

Глаше не хотелось, чтобы елка, которую видит впервые, исчезла. Она заложила руки за спину, опасаясь случайно дотронуться до нее, и ходила вокруг круг за кругом.

Новый год в семью Михайловых большой радости не принес. В прежние годы у них собирались родственники и друзья. После застолья Александр Георгиевич брал гитару, и долго звучали его любимые песни. В этот год к ним в гости никто не пришел.

Через несколько дней Глаша просыпается, а елки нет. Сквозь слезы спрашивает:

– Где елка?

– Дед Мороз забрал, – ответила бабушка.

– Я же не трогала елку руками, только смотрела.

– Ты вчера перед сном отказалась от простокваши с сахаром.

– Дайте, я ее сейчас съем.

– Уже поздно, елка в лесу.

Глаша горько заплакала.

Как-то возвращаясь из Красноярска, зашел к Михайловым приятель дедушки узнать о его судьбе. Привез гостинцы – связку сушек. Одну протянул Глаше. В ее руке оказалась твердая баранка. Глаша не знала, что с ней делать, стояла и крутила в руках, не предполагая, что она съедобная. Бабушкина выпечка – каральки и медовая коврижка всегда были мягкими и ароматными.

– Ешь, – говорит гость, – это тебе Дед Мороз прислал.

– А где он?

– В саду на елке сидит.

– Я хочу его увидеть.

Рита надела на племянницу фуфайку, на голову шаль, завязав концы на спине, поставила в бабушкины валенки и выставила за дверь. Впервые за зиму девочка оказалась на улице, увидела чистый белый снег и вдохнула свежий зимний воздух. У нее закружилась голова, и перед глазами поплыли малиновые и бирюзовые круги. Она стояла и вглядывалась в ель, но Деда Мороза там не увидела. На ветках яркими блесками сверкали снежинки в лучах зимнего солнца. Ей захотелось подойти к ели и рассмотреть крону ближе, но не смогла передвинуть ногу в тяжелом валенке. Вскоре скрипнула дверь, вышла Рита и занесла племянницу в дом, раздела и посадила за стол. Бабушка налила внучке чая и положила рядом с блюдцем сушку. Откусив кусочек, внучка заявила:

– Невкусные у Деда Мороза каральки.

– Это не каральки, а сушки.

– Все равно невкусные.

С наступлением теплых дней Глаша стала больше времени проводить на улице, познакомилась и подружилась с девочкой Таней Пичугиной, которая старше ее на несколько лет. Однажды прибегает Таня и приглашает Глашу к себе.

– Бабуся, можно я пойду к Тане?

– Сходи, но ненадолго.

Девочки взялись за руки и побежали через огород, который примыкал к огороду Пичугиных. Оказавшись на соседнем участке, Глаша остановилась от удивления. На грядке, огороженной досками, красовалась зеленая лужайка лука, посаженного рядами.

– Какая прелесть! – произнесла Глаша, всплеснув ручонками.

– Это наш лук, сорви, если хочешь.

Глаша выдернула две луковицы с пером и помчалась показать бабусе. Думала ее удивить. Бабушка не обрадовалась, а скорее расстроилась:

– Ты украла чужой лук!

– Мне Таня разрешила его сорвать.

– Таня – не хозяйка. Что ты теперь скажешь ее маме?

У Глаши потекли слезы. Она не думала, что это воровство, и не ожидала такой реакции бабушки.

– Нечего плакать. Бери недоеденный в обед калач и ешь его с луком. Впредь не будешь брать чужое без разрешения.

Давясь сухим хлебом и горьким луком, размазывая по щекам слезы, Глаша съела две луковицы. Ей на всю жизнь запомнился этот урок, и она впредь никогда не брала ничего чужого.

Постепенно Глаша знакомилась с окружающим миром и сельской жизнью. У соседей Садовских впервые увидела теленка и закричала:

– Ой! Какая маленькая коровка!

– Это не коровка, а бычок, – ей ответили.

– Почему бычок?

– У коровы «титьки», а у бычка их нет.

Получив очередную порцию «знаний», девочка возвращается к своему дому. У калитки на лавочке сидят бабушка и соседки в ожидании коров с пастбища. Солнце клонилось к закату, спала летняя духота. Высоко в воздухе носились стрижи, выписывая пируэты, гоняясь за мошками. Настало время, когда женщины могли немного отдохнуть от постоянных дневных забот. В это время с речки чинно строем возвращались гуси. Впереди шла гусыня, шествие замыкал гусак. Увидев бабушку, гуси загоготали, давая понять, что пора их кормить. Подражая бабусе, Глаша услужливо распахнула калитку перед табуном, взяла у бабушки прутик и стала загонять гусей во двор.

– Какая хорошая у тебя растет помощница, – произнесла соседка.

Гордая похвалой Глаша стала активнее махать прутиком. Гусак последним оказалась у калитки и клюнул девочку в живот. От неожиданности Глаша вскрикнула. Ей было больно и обидно – опозорилась перед соседкой, которая ее похвалила.

По дороге запылило стадо коров. Пастух периодически играл в рожок, вызывая. Женщины поднялись с лавочки и вышли к дороге. Черная с белыми пятнами корова отделилась от стада и направилась к Анастасии Даниловне, подойдя к ней, вытянула шею. На ее лбу выделялось звездочкой белое пятно. Бабушка достала из кармана кусочек калача и протянула на ладони Каролине. Та слизнула его языком и последовала за хозяйкой во двор. Там уже были приготовлены подойник, тряпица и теплая вода для подмывания вымени.

– Бабуся, зачем вы корове «титьки» моете?

– Где ты слышала это слово? У коровы дойки.

– Нет. Это не дойки, а «титьки».

– Корову же доят, а не титятят. Значит дойки. Так же? – пыталась убедить внучку бабушка под звон двух струек молока, взбивающих пену в наполняющемся подойнике.

– Доят, но за «титьки», – упрямо произнесла Глаша, а сама думала: «Садовские знают, а бабушка не знает».

Чтобы сменить тему разговора, Анастасия Даниловна попросила:

– Сходи в дом и принеси чашку, я налью тебе парного молока.

Глаша вернулась с фарфоровой чашечкой. Бабушка зачерпнула из подойника полную кружечку пенящегося молока и протянула внучке:

– Пей на здоровье.

Как-то Каролина не пришла домой со стадом.

– Внучка! – обратилась бабушка к Глаше, – выйди за село, пригони корову домой.

Окраина села находилась через одну улицу вдоль реки. Оказавшись у поляны, заросшей цветами, Глаша увидела красивую бабочку и стала ее ловить. Бабочка перелетала с цветка на цветок и все дальше удалялась от дороги, и, наконец, улетела за прибрежные кусты. Девочка остановилась, из кустов доносилось птичье пение. Пернатый хор давал вечерний концерт. Она стояла зачарованная пением невидимых исполнителей. Когда солнце скрылось за тучей, птицы умолкли, Глаша побрела домой.

– Каролины нет за селом, – сказала она.

– Корова давно вернулась домой одна, мы послали ее искать тебя, – ответила та, – она тебя не нашла и вернулась в стайку.

Зимой бабушка заболела. Глаша большую часть времени проводила на печи без свежего воздуха. У нее не было теплой одежды для прогулок на улицу. Однажды приходит в дом врач. Женщина в белом халате помыла руки и прошла в спальню. Глаша прислушалась и слышит незнакомый голос:

– Больно? Здесь больно?

«Что это она делает с бабушкой?» – подумала Глаша и начала слазить с печи. У нее закружилась голова, перед глазами поплыл желтый круг, напоминающий луну. Ей показалось, что этот круг со ртом и глазами залез под фуфайку, расстеленную на печи. Она оступилась и упала с печи на пол. На грохот упавшего тела прибежали родственники:

– Глаша, что с тобой?

– Под фуфайку кто-то залез.

На печи перевернули все вещи, но никого не нашли.

Анастасию Даниловну увезли в больницу. По утрам Рита и Нона уходили в школу, а Глаша оставалась в одиночестве в большом доме. Она начинала уборку, старалась находить себе занятия, подражая бабушке. Польет цветы, оставляя на полу огромные лужи. Перестелет постели, распустив по всему дому перья при взбивании перин. Рост не позволял выровнять одеяла – оставляла их комком. Закончив уборку, открывала сундук и начинала примерять платья, принадлежащие Рите и Ноне. Укладывая их назад в сундук, все вещи перепутывала.

Тетки ее не ругали, понимая, что ребенку надо чем-то заниматься. Даже когда она изрисовала химическим карандашом их книги, они стерпели ее выходку. Вскоре их терпение лопнуло. Они жили в одной комнате, в которой стояла металлическая печь. На дворе трещали морозы, а у них не было дров. Комнату отапливали стружками, которые приносили в мешке из столярного цеха, находящегося невдалеке от дома. Уходя на работу, Рита предупредила:

– Глашка! В печурке стружки догорают, больше не подбрасывай.

Ребенок никогда к печке не подходил и не думал, что в нее можно что-то подбрасывать, а тут ее надоумили. Глаша подошла к печурке и стала наблюдать за огнем. Ее очаровали огоньки, которые медленно догорали, порой ярко вспыхивали, затем медленно превращались в золу. Ей стало грустно и жалко

угасающий огонь. Забыв наказ Риты, открыла дверцу и бросила в печурку горсть стружек. Они весело запылали ярким пламенем. Глаша обрадовалась: ей удалось оживить потухший огонь. Языки пламени на стружках раскачивались и кланялись в знак благодарности за спасение огня. Когда огонь стал затухать, его мерцание просило помощи, чтобы не погаснуть. Глаша бросала в печурку стружки горсть за горстью. Они цеплялись друг за друга и в какой-то момент загорелись на полу. Огонь по стружкам побежал к мешку и забрался внутрь. Гале удалось затоптать огонь в мешке. Дым распространился по всему дому. Глаша испугалась не на шутку и пошла окну. На нее навалилась душевная боль и тоска. За окном проходили люди – им дела нет до Глаши. «Хоть кто-нибудь бы спросил меня: «Что с тобой девочка?», – думала она.

Рита, вернувшись с работы, была возмущена:

– Что ты натворила? – обратилась к племяннице.

– Топила печурку.

– Я тебя предупреждала не подходить к печурке. Ты могла сжечь дом и сама сгореть. Больше тебе нельзя оставаться одной в доме.

– С кем я буду оставаться?

– Ни с кем. Отдам в детский сад.

– Там деревья растут как у нас в саду?

– Завтра отведу, узнаешь, кто там растет, – грубо ответила Рита, – а сейчас ступай в угол.

Племянница обиделась и надула губы.

Детский сад оказался деревянным домом, в котором было много ребят. Глаша быстро подружилась с девочками, активно принимала участие в играх. У нее пропала обида на Риту, она даже была благодарна ей, что не сидит одна дома, а находится в коллективе. Разочарование наступило, когда детей повели на прогулку. У нее не было теплой верхней одежды, и ее оставили в помещении. Она подошла к окну и наблюдала за детьми во дворе садика. Ребята из снега строили баррикады и перебрасывались кусками твердого снега. Шла война, и основные игры детей были в «войну». Девочки на маленьких саночках везли куклу. Скорее всего, они изображали санитаров и вывозили «раненую» с поля боя.

Вечером всех детей забирали родители. Глаша оставалась со сторожихой. Тетя Даша занималась своими делами, а она одиноко сидела на маленьком стульчике и смотрела в темноту комнаты. Вспоминала бабусю, дядю Борю, чаепитие в саду, сбор шишек для самовара. За окном гудела пурга, стучала в окна зарядами снега, усиливая душевную боль и сердечную тоску. Девочка не могла оценить своих чувств и воспринимала их как неизбежное состояние. Так просидела она до наступления теплых дней, потом стала гулять вместе со всеми.

Весной в детсад пришла ее подружка Таня, ничего не говоря, взяла Глашу за руку и увела домой, где она увидела настежь распахнутые ворота, во дворе толпу незнакомых людей. В зале на табуретах стоял гроб, в котором лежала бабушка. Девочка удивилась: почему бабушка сегодня очень красивая и спит не в своей кровати? На ней нарядное платье, голова украшена венком из цветов аспарагуса. Этот цветок рос в доме, и его не разрешали трогать, а тут, вдруг, срезали. Все вокруг озабочены, говорят тихо.

Бабушку повезли на кладбище. Агафья Прокопьевна взяла Глашу за руку и сказала:

– Ну вот, у тебя нет теперь бабушки.

До Глашиного сознания эти слова не дошли. Когда же на кладбище закрыли крышку гроба и стали забивать гвозди, она, рыдая, бросилась к гробу со словами: «Отдайте бабушку». У нее началась истерика. Каждый удар молотка по гвоздю отдавался в сердце болью. Со смертью бабушки у Глаши начался суровый период детства.

С кладбища Глашу забрала тетя Уля – подруга Мили, понимая, что у Риты горе и ей не до ребенка. Первое время она с удовольствием играла с девочкой и даже начала учить азбуке. Через месяц поняла, что девочка не игрушка, требует постоянного внимания и является обузой для одинокой женщины. Уходя на работу, оставляла Глашу одну. Задерживаясь после работы, она переживала, что ребенок голодный. После долгих колебаний спросила Глашу:

– Хочешь вернуться в бабушкин дом?

– Конечно, хочу, – обрадовалась девочка. Ей надоело сидеть в одиночестве в чужой квартире.

Глаша оказалась в родном доме, где ей знакома каждая комната, каждый цветок на окне. Она обратила внимание, что горшков с цветами стало меньше. Видимо, у Риты не было времени ухаживать за ними.

– Можно я полью цветы? – спросила она у тети.

– Не надо. Зальешь полы, – услышала грубый ответ.

– Можно пойду к Тане?

– Иди, куда хочешь.

Таня обрадовалась, увидев Глашу. Подошла к ней и крепко обняла. Ей захотелось сделать что-то приятное для подруги. Дети острее взрослых чувствуют беду других. Таня уже перешла в третий класс, а Глаше предстояло идти в школу только через год.

– Пойдем в огород, поедим гороха, – сказала Таня.

– Без разрешения нельзя, – сказала Глаша, вспомнив урок бабушки.

– Мне мама разрешает.

– А мне не разрешала.

– Подожди немного, я сбегаю и спрошу разрешения у мамы, – сказала Таня и побежала в дом.

Вернувшись, Таня радостно заявила:

– Идем в огород, мама разрешила.

Молодой горох пришелся девочкам по вкусу. Насытившись, Таня неожиданно предложила:

– Пойдем на речку купаться, сбегай, спроси разрешения у тети Риты.

– Она мне сказала: иди, куда хочешь.

Девочки взялись за руки и побежали к реке, которая протекала недалеко от дома Пичугиных. Яркое солнце припекало оголенные руки и ноги. Слабый ветерок раздувал подолы платьев, забирался под них, охлаждая вспотевшие тела. На пологом берегу Сыды там и тут загорали дети. На мелководье барахталась

детвора. Во время летних каникул река служила излюбленным местом отдыха ребят. Они подошли к группе девочек – одноклассниц Тани.

– Вода холодная? – спросила Таня.

– Не очень! – в один голос ответили двое. – Раздевайтесь, пойдем вместе окунемся.

Подружки улеглись на отшлифованные водой горячие гальки. Рядом в траве стрекотали кузнечики, в прибрежных кустах слышалось пение птиц.

– Не шевелись, – тихо произнесла Глаша, – тебе на голову села стрекоза. Сейчас я ее поймаю.

Стоило Глаше поднять руку, как стрекоза, зашуршав крыльями, улетела.

– Ты умеешь плавать? – спросила Таня.

– Не умею.

– Тогда не отходи от меня, будем вместе учиться плавать.

– Бежим в воду! – скомандовала одна из девочек.

Все соскочили на ноги и побежали к воде. Таня взяла Глашу за руку, и они побежали вместе со всеми. Зайдя в реку чуть выше колен, она предложила:

– Давай учиться плавать.

– Как учиться?

– Ложись в воду, перебирай руками по дну и плыви вдоль берега, булькая ногами.

Накупавшись вдоволь, подружки улеглись рядом на горячие гальки. Глаша замерзла, у нее посинели губы и появилась гусиная кожа.

– Сейчас я помогу тебе согреться, – сказала Таня и стала накладывать на спину подруги горячие плоские гальки. Обложив спину и бока, спросила:

– Где ты была? Я несколько раз заходила за тобой, но ваш дом всегда закрыт.

–Я жила у подруги мамы – тети Ули.

– У нее лучше, чем дома?

– Лучше, она не ругается. Только у нее мало еды.

– Почему ко мне не приходила?

– Тетя Уля не разрешала из дома отлучаться.

– Теперь будешь жить дома?

– Не знаю, меня только сегодня тетя Уля привела.

Когда Глаша вернулась домой, Рита обрушилась на нее с негодованием:

– Ты где шлялась?

Глаша молчала.

– Я тебя спрашиваю, ты где была?

– На речке.

– Кто тебе разрешал ходить на реку?

– Ты!

– Ты что несешь, негодная девчонка! Когда я могла тебе разрешить?

– Сегодня, сказала: иди, куда хочешь.

Риту возмутило поведение племянницы. Укрепилось желание избавиться от нее. На ее иждивении была младшая сестра Юнона, которая училась в школе. Шла война. Ей трудно было прокормить трех человек на скромную учительскую зарплату. У нее не было сил и времени вести оставленное матерью хозяйство.

Корову продала, птиц постепенно съели, а пчелы погибли зимой. Она колебалась. В конце концов, пришла к выводу, что у Глаши есть отец, который обязан ее содержать. Одела племянницу и сказала:

– Иди к отцу.

– Пойдем вместе.

– Иди одна, я не могу.

Рита не общалась с Грудзинскими. Она не могла терпеть Александра за его непорядочность по отношению к сестре.

10

По улице медленно шла семилетняя девочка. Судьба бросала ее по житейскому простору, как пурга носит снежинку в снежной буре. Ее душу раздирала неопределенность. «Как меня встретит отец, – думала она, – а вдруг у Грудзинских нет никого дома, куда мне идти?».

Поднявшись на крыльцо, Глаша постучала.

– Да! Да! – раздался нетрезвый голос отца.

Глаша открыла дверь и остановилась у порога, ей стало стыдно за себя.

Отец сидел за столом. Перед ним стояла сковорода с жареными пескарями. Он брал рыбок за хвост, опускал головой в рот и жевал с костями. Оторвавшись от еды и взглянув на вошедшую дочь, произнес:

– О, дерьмо, явилась, еще и стучишь. Я думал, кто путный пришел.

Александр Елисеевич был груб и горяч. На фронте в окопах простудился. Вернулся домой с туберкулезом бронхов и астмой. Нужных лекарств не было, и он снимал приступы боли самогоном. Стал раздражителен по любому поводу. После осуждения Мили женился на полячке Лизе из соседнего села Большие Салбы. Их знакомство состоялось на курсах киномехаников, которые вел Александр. Он обратил внимание на очень красивую девушку, а когда узнал, что она полячка, потерял покой. Они быстро нашли общую тему разговора. Каждый мечтал увидеть родину своих предков – Польшу. Об этой прекрасной стране они знали со слов своих родителей. Лиза ответила взаимностью, и они поженились. У них родилась дочь Валечка, которой уже было два года. Он любил свою жену, но очень часто бил, будучи пьяным. Лиза жалела его и терпела побои. Глаша никак не вписывалась в их семью.

Девочка опустила глаза и исподлобья смотрела на отца. Она походила на загнанного волчонка, ожидая приговора. «Неужели отец прогонит, куда тогда мне идти», – думала она. У нее засосало под ложечкой. В этот день она ничего не ела кроме гороха.

На голос Александра в горницу вошла Агафья Прокопьевна. Увидев внучку и оценив обстановку, произнесла:

– Глашенька, проходи в мою комнату.

Обняла внучку за плечи и увела к себе в спальню. Усевшись на сундук, взяла девочку за талию и приблизила к себе. Руки ощутили под тонким платьем выступающие ребра. «Какая худенькая», – подумала бабушка и спросила:

– Что случилось?

– Не знаю.

– Ты сегодня ела?

– Ела.

– Что ела?

– Горох.

– Какой горох?

– В огороде у Тани.

Агафья Прокопьевна посмотрела на худое лицо внучки с темными обводами под глазами, тяжело вздохнула и произнесла:

– Пойдем на кухню, я тебя накормлю.

Глаша чувствовала хорошее отношение к ней бабушки и старалась во всем ей помогать. Подметала и мыла полы, протирала пыль, поливала цветы, играла с Валей.

Вскоре Глашу поселили у тети Шуры – сестры отца, которая работала сторожем в клубе. Она проживала в комнате, в которой стояла русская печь. Мебель комнаты составляли стол, большой клубовский сундук и кровать. У Александры Елисеевны был сын младше Глаши, который оставался снею на весь день. Шура возвращалась домой поздно вечером. Дети целый день были голодными, и однажды, когда солнце сильно пригревало через окно, они решили испечь на теплом подоконнике лепешки. Взяли немного муки, чтобы тетя Шура не заметила, Глаша завела на воде тесто, слепила лепешки и поставила на солнце печь. Когда лепешки подсохли, дети с удовольствием их съели. Стряпня детям показалась очень вкусной, но брать еще муку не осмелились. Им стало легче ждать возвращения Александры. Глашу голод преследовал постоянно, пока она не вернулась к отцу. Игрушек у детей не было, и они развлекались вещами, вынутыми из сундука. Чего только не было в этом огромном ящике? В нем хранились рясы и подрясники, стихари парчовые и подризники. Вероятно, когда настоятеля храма арестовали, а церковь закрыли, кто-то из клубных работников забрал эти вещи. Глаша надевала вещи священнослужителей, а Эдик примерял широкий пояс, расшитый узорами.

Грудзинские в войну не голодали, но еды всегда не хватало, особенно в неурожайные на картошку годы. Весной приходилось в еду добавлять лебеду. С лебедой варили суп, ее добавляли в картофельные лепешки, которые панировали отрубями. Весной отец с сестрой решили, что Глаше лучше вернуться жить к Грудзинским.

Тетя Шура приводила Эдика на ее попечение. Здесь еда была регулярно, хотя и невкусная. Суп с лебедой ей казался отвратительным. Когда в лесу вырос дикий лук и кислица, Витя с Глашей приносили их пучками. Толстые стебли кислицы очищали, а кислую мякоть с удовольствием ели. Супы с диким щавелем и кислицей стали съедобнее.

Семья сажала в огороде много картошки, а в поле просо, держали корову, кур и пасеку. Однажды дедушка взял с собой на прополку проса Витю и Глашу. Дорога лежала по лугу между рекой и лесом. Вокруг цвели донник, ромашки, васильки и другие неизвестные Глаше цветы. В воздухе стоял терпкий аромат

разнотравья. В поднебесье звенел жаворонок. Глаша постоянно поднимала вверх голову, но не смогла заметить маленькую птичку.

– Дедушка, пахнет медом.

– Это запах цветов, с которых наши пчелы собирают нектар.

– Что такое нектар?

– Это сок, который выделяют цветки растений, а пчелы его собирают.

Внимание Глаши привлекли одиночно стоящие среди поля высокие цветущие кусты. Они казались засыпанные снегом.

– Дедушка! Смотри, какая красота.

– Это цветет боярышник, он будет еще красивее, когда на нем появятся темно-красные ягоды.

По полю, засеянному просом, повсюду торчал осот.

– Вставайте рядом, – предложил дедушка ребятам, – будем ходить поперек поля и выдергивать осот.

Витя имел опыт: брал стебель травы у корня и выдергивал его. А Глаша хватала осот за вершину и отрывала ее. При этом сильно ранила руку. Когда прошли поле и повернули назад, дедушка обратил внимание, что на Глашиной полосе торчит сорняк.

– Ты разве слепая? – обрушился дед на внучку, – разве не видишь, как мы выдергиваем осот?

Вслед за руганью последовал шлепок по мягкому месту.

Во дворе у Грудзинских всегда собиралось много детворы. К Вите приходили его двоюродные братья – одногодки Юра и Леня. Глаша развлекала Эдика. Мальчики устраивали игру в прятки. Она начиналась со считалки: «На золотом крыльце сидели. . .», чтобы определить, кто первым будет «голить». Глаша просила взять ее в игру, но братья ей отказывали. Витя заявлял:

– Тебе надо следить за Эдиком.

Девочка обижалась, но смирялась со своей участью. Она понимала, что Эдик для нее большая обуза. Когда же ребята засобирались купаться, она настойчиво стала проситься с ними, а Эдик запричитал во все горло. Отец, услышав этот шум, строгим голосом приказал:

– Отправляйтесь купаться все вместе или никого не пущу.

Спорить с Александром Елисеевичем никто не посмел, и все быстро вышли за калитку.

– Идем купаться на Идру? – спросил Юра.

– Там вода мутная, лучше на Сыду, – предложил Леня.

– Пойдемте купаться в заливе – там вода теплее и нырять с берега можно, – сказал Витя.

Все согласились с его предложением и направились к лагуне, которая заливалась весной водою при паводке. Когда в реке вода спадала, лагуна превращалась в озеро со стоячей водой. Ребята дружно зашагали по пыльной дороге вдоль реки. Их босые ноги чувствовали горячую пыль, натоптанную скотом. Глаша вела за руку Эдика и едва успевала за братьями. Неожиданно Витя предложил:

– Бежим, кто быстрее добежит до залива, – и помчался вперед.

Юра и Леня побежали за ним, сверкая голыми пятками. Глаша с Эдиком устремились за ними, но скоро отстали. Когда они подошли к лагуне, ребята уже искупались и лежали на песчаном пологом берегу.

– Заходите смело в воду, здесь мелководье, – предложил им Витя.

Глаша за руку повела братика в воду. Они поплескались у берега и, выйдя из воды, улеглись рядом с братьями.

На голубом небе ярко светило солнце, нагревая воздух и обжигая загорелые спины ребят. Леня ладонью вытер пот со лба и предложил:

– Пойдемте нырять с кручи.

Кручей назывался левый берег лагуны, возвышающийся на метр над водой. Предложение было принято, и все побежали на обрывистый берег. Трое братьев прыгнули в воду и резвились в ней, как утята. Глаша с Эдиком с завистью наблюдали за ними. Витя подплыл к обрыву и крикнул сестре:

– Прыгай!

– Боюсь, здесь глубоко.

– Смотри, какая глубина.

Он повернулся в воде в вертикальное положение и, усиленно работая ногами, поднял руки. Вода оказалась ему до груди.

– Глубоко, – произнесла Глаша и отошла от кромки берега.

Накупавшись, Виктор подошел к сестре и предложил:

–Давай вместе прыгнем.

Она согласилась. Оказавшись в воде, Глаша не нащупала дна. Она беспомощно колотила воду руками и ногами.

– Молодец, – подбадривал ее Витя, – плыви вдоль берега, – там мельче.

Так Глаша научилась плавать.

В жаркую погоду у Грудзинских любимой едой была окрошка. В погребе всегда стоял бочонок холодного кваса. Агафья Прокопьевна умела готовить превосходный напиток по старинному рецепту.

Как-то сидят Витя и Глаша рядом за столом и поочередно черпают деревянными ложками из алюминиевой миски окрошку. Когда в миске осталась одна жидкость, Витя взял миску и выпил содержимое. Глаша заревела и запричитала. Отец схватил ее за руку, выдернул из-за стола и швырнул через комнату к порогу. Она ударилась о порог бедром, на котором на всю жизнь остался шрам, напоминающий о «счастливом» детстве.

После этого случая Глаша замкнулась, стала избегать отца, а при встрече прятать глаза, хмуриться и смотреть исподлобья. Девочку словно подменили. Она стала «взрослым ребенком».

Глаша наравне с Витей помогала убирать картофель. Отец и дед вилами выкапывали из мягкой удобренной навозом земли кусты и складывали рядами. Бабушка, Витя и Глаша разгребали руками землю и складывали клубни в ведра, а затем пересыпали в мешки. Дедушка Елисей самодовольно заявлял: «В этом году земняков накопали сорок кулей». Земняки – название картошки на польском языке. Урожай хранили во вместительном подполье.

Мелкие клубни бабушка с внучкой перетирали на терке для крахмала. Детским умом она понимала, что отношение к ней зависит от ее поведения в

семье. Лиза оценила старательность девочки и жалела ее. Иногда тайком, стряпая на кухне, давала ей шанежку.

На зиму Грудзинским приходилось заготавливать брикеты торфа для отопления. В ближайшем лесу валежник и сухостой давно были собраны. Возить дрова за много километров было не на чем. За рубку леса без порубочного билета грозило суровое наказание.

Елисей Францевич запряг в телегу телку, кликнул Витю и Глашу, затем распахнул ворота, чтобы ехать за топливом. На его голос на крыльцо вышла Агафья Прокопьевна. Увидев запряженную телку, всплеснула руками и закричала:

– Что ты творишь? Испортишь скотину, она молока давать не будет!

– Мне что, на себе топливо возить? – огрызнулся муж и вывел телку на улицу.

Дедушка силой тянул телку вперед по дороге, она медленно, обреченно везла телегу. Дети шли сзади. Глаша с жалостью смотрела на несчастное животное, которое мотало головой, пытаясь вырваться и повернуть назад. Приехав на место, Елисей Францевич привязал Буренку и стал лопатой нарезать бруски торфа. Витя и Глаша носили их к телеге. Дедушка уложил бруски на телегу, и процессия двинулась в обратный путь. Буренка не сопротивлялась, смирившись со своей участью и поняв, что идет домой. Когда дорога пошла на косогор, телка остановилась и не смогла сдвинуть телегу с места. Дедушка и дети навалились на телегу и помогли Буренке вывезти ее на ровное место. Приехав к дому, брикеты торфа уложили под навес для просушки. Агафья Прокопьевна вынесла приготовленное для Буренки пойло и поставила перед телкой, приговаривая:

– Пей, моя хорошая, тебе еще расти надо, а тебя запрягать удумали.

Елисей Францевич слыл заядлым рыбаком, рыбачил сетями, неводом и вентерями, которые сам плел из ивовых прутьев. Он обмазывал входное отверстие в вентерь тестом, ждал, когда тесто присохнет к прутьям, и устанавливал в Идре, привязав шнуром к кусту тальника, который рос у самой воды. Пескарей набивалось в вентерь множество. Он иногда приносил их по полведра. Бабушка чистила и жарила, стараясь подсушить. При еде они хрустели как сухарики. Крупную рыбу дед ловил сетью в Сыде. Однажды приходит с рыбалки возбужденный, глаза сияют, места себе не находит.

– Что случилось? – спросила Агафья Прокопьевна.

– Такой огромный ушел!

– Кто ушел? Расскажи!

Она догадывалась, что муж упустил рыбу, а вопросы задавала, чтобы он, рассказав, успокоился.

– Ты понимаешь! – начал он повествование. – Вынимаю сеть, попалось несколько рыбешек. Вдруг чувствую – сеть кто-то дергает, из моих рук вырвать старается. Начал я ее к себе подтягивать и вижу: около сети стоит таймень длиной больше метра и держится зубами за ячею. Заторопился я, захотел быстрее к нему подобраться. Тяну сеть к себе, а он от меня. Отцепился от дели и ушел. Надо было мне поднять нижнюю тетиву, чтобы он в сети оказался, а я сплоховал, в азарте сразу не сообразил.

– Не расстраивайся, – сказала жена, – в следующий раз сделаешь, как надо.

– Следующего раза может не быть, – тяжело вздохнул Елисей Францевич. Александр Елисеевич работал начальником кинофикации района. Он был прирожденным механиком, любил поковыряться в любой технике, изучить ее и при необходимости починить, мог исправить любую киноустановку. Во время войны не все села имели кинопроекторы, и ему приходилось иногда ездить по селам с передвижной киноустановкой. После кино часто устраивал концерт: играл на гармошке и пел. Для жителей его приезд всегда был праздником, они старались его чем-нибудь одарить, чтобы быстрее приехал еще раз в их село. Болезнь Александра прогрессировала, он часто пил и буйствовал. Родители увещевали его при каждом приступе буйства, но его это только раздражало. Однажды, будучи в таком состоянии, Александр схватил отцовские сети и хотел изрубить топором. Отец завернул ему руки за спину, связал полотенцем и уложил на лавку. Он долго терпел буйные выходки сына, но не мог допустить порчу рыболовных снастей.

После неоднократных ссор с отцом Александр решил отделиться от родителей. Сделал отдельный вход в горницу, пристроил сени и крыльцо.

Мать, отец и Витя стали жить в передней, а он с женой и детьми в горнице.

Однажды Александр привез из поездки булку хлеба и кусок сала. Лиза положила продукты в шкаф. У Вити потекли слюнки, ему очень захотелось попробовать кусочек сала, но он не смел попросить. На следующий день Глаша мела пол, Валя играла куклой, сшитой бабушкой. В горницу вошел Витя, открыл шкаф и отрезал кусочек сала. Лиза вернулась с работы раньше мужа, приготовила ужин и накрыла стол к его приходу. Все уселись ужинать. Неожиданно Валя пожаловалась:

– Папа, Витя брал сало.

– Глашка! Почему мне не сказала?

– Я подметала пол.

Отец ударил ее по виску с такой силой, что она слетела с табурета. Он не хотел ее рождения и теперь часто вымещал на ней свою злобу, словно она виновата в его страданиях.

Природа наделила Александра Елисеевича талантом, которым он не воспользовался. Он мог починить любые часы, найти неисправность в тракторе и устранить ее. Кроме этого, обладал прекрасным голосом и играл на гармошке. Этим его способности не заканчивались. На стенах комнаты висели его картины, написанные маслом и углем.

В школе ученикам дали домашнее задание: нарисовать спасение челюскинцев. Глаша нарисовала реку, на ней спасательный круг и плавающих людей. Отец посмотрел на рисунок и спросил:

– Что ты нарисовала?

– Спасение челюскинцев.

Он объяснил, что надо нарисовать. Дочь не смогла воплотить в рисунке его замысел и получила оплеуху.

Однажды раньше времени закрыли печную вьюшку. Глаша одна оставалась в комнате и угорела. С трудом надела школьную одежду и вышла на улицу. Голова

болела и кружилась, в висках стучало. Появились позывы тошноты. По дороге в школу несколько раз подходила к столбам и держалась за них, чтобы не упасть. В классе она сидела рядом с двоюродным братом. Он толкнул ее локтем и прошептал:

– У тебя платье надето наизнанку.

Глаша залезла под парту и сняла платье. В это время раздался голос учительницы

– Грудзинская! Что ты делаешь под партой?

Она промолчала.

– Грудзинская, встань немедленно!

Глаша поднялась с платьем в руках.

– Выйди из класса и оденься.

Под дружный смех учеников она проследовала к двери.

11

Закончилась война. Борис Артемьевич написал Маргарите письмо о своем возвращении. К его приезду она накрыла скудный стол из своих припасов. Их встреча обоим доставила огромную радость и счастье. Теперь они могут пожениться и зажить семьей. Взглянув на стол, Борис достал из походного рюкзака консервы и сахар рафинад. Юнона смотрела на большие куски сахара и подумала: «Я всю войну не пробовала сахар, наверное, забыла его вкус».

После объятий и первого эмоционального разговора, Борис спросил:

– Где моя дочь?

– Какая дочь? – удивилась Маргарита.

– Разве ты забыла Глафирку, которая купила меня за рубль. Я всю войну думал, что мы обязательно ее удочерим.

– Она живет у Грудзинских, – ответила Маргарита, а сейчас в школе на уроках.

– Я немедленно иду в школу, отпрошу ее с урока. Мне хочется, чтобы она вместе с нами отметила мое возвращение, – произнес Борис и направился к двери.

По дороге в школу он вспоминал веселую трехлетнюю девочку, с которой ему доставляло большое удовольствие играть. Мечтал, что при встрече с ним она обрадуется и бросится ему на шею, как бывало раньше.

Войдя в кабинет директора школы, Борис поздоровался. Его хорошо знали в школе. На лице Галины Ивановны расплылась улыбка.

– С возвращением, Борис Артемьевич, очень рада вас видеть, – приветствовала она фронтовика.

– Отпустите, пожалуйста, Глашу с уроков.

– По какому случаю? – поинтересовалась директор, хотя прекрасно понимала, в чем дело.

– По поводу моего возвращения из Армии.

– Кто вы ей будете? – спросила директриса, чтобы убедиться в своих догадках.

– Отец.

– Насколько я знаю, у нее другой отец.

Он рассказал историю знакомства с девочкой и добавил:

– Я собираюсь жениться на вашем педагоге Михайловой и удочерить Глашу.

– Это прекрасно, вы замечательная пара, – подвела итог разговора Галина Ивановна и вышла из кабинета.

Борис был взволнован. Чтобы успокоиться, подошел к окну и посмотрел на улицу.

При входе директора в класс ученики встали. Она поставленным голосом произнесла:

– Глафира Грудзинская, иди в учительскую, тебя ждет отец.

У Глаши оборвалось сердце. Встреча с отцом не предвещала ничего хорошего. Напуганная, готовая к любым неприятностям, она вошла в кабинет директора и мрачно посмотрела исподлобья на человека, стоящего у окна. Он был ростом ниже ее отца, в военной форме без погон, в сапогах, начищенных до блеска. На загорелом лице расплывалась улыбка.

– Здравствуй, Глашечка, – произнес он тихим приятным голосом, – ты узнаешь меня?

– Нет.

– Я твой папа, вспомни, как мы играли с тобой в саду Михайловых.

– У меня другой папа.

Борис не ожидал такой встречи. Он не мог предположить, что за пять лет девочка забудет его.

– Глаша, хочешь пойти со мной к тете Маргарите? У нас сегодня праздничная встреча.

– Не хочу.

Борис не узнавал Глашу. Перед ним стояла хмурая девочка с грустными глазами, которые старалась прятать от собеседника. Ее краткие ответы ему показались грубостью.

– Глафира, иди в класс, – сказала директриса.

Она поняла, что воссоединение «родственников» не состоялось.

Возвращался Борис медленным шагом, обдумывая встречу. Он всю войну мечтал удочерить девочку. Надежда рухнула в несколько минут. Он не мог понять, почему характер девочки изменился, и не мог предположить, какие испытания ее еще ждут впереди.

12

Шел первый послевоенный год. Он многим вселял надежду на лучшую жизнь в будущем. В это время вышло несколько указов правительства, разрешающих ссыльным покидать места ссылки и возвращаться к местам прежнего проживания. Грудзинские были сосланы царским правительством, у них появилась надежда на возвращение в Польшу. Они часто обсуждали в

семейном кругу переезд, но каждый раз приходили к выводу, что денег на поездку нет. Елисей Францевич готов был продать дом. Он узнал стоимость продаваемых домов в селе. Покупателей жилья даже за низкие цены не было. За обедом он признался жене, что продать дом им вряд ли удастся.

– Что теперь будем делать? – спросила она, посмотрев на мужа.

– Жить как жили. Что-нибудь придумаем. Знал бы я, где отец намыл золото, обязательно съездил бы, попытал счастья.

В газете «Красноярский рабочий» постоянно печатались объявления с приглашением специалистов для работы на Крайнем Севере. С войны не вернулись многие местные жители. Для поднятия экономики требовались люди разных специальностей. Александр Елисеевич регулярно просматривал газету и увидел объявление: «В Эвенкии требуется начальник управления окружной кинофикации». Не раздумывая, он написал заявление и отправил в Туру. Ответ ждали с нетерпением все Грудзинские. Получив письмо из Эвенкийского окружного Совета народных депутатов, он с волнением распечатывал конверт. Его приглашали на работу начальником управления кинофикации, Лизу – киномехаником. Обещали высокие оклады, подъемные и оплату проезда. В семье появилась надежда скопить деньги на переезд в Польшу.

Собраться в дорогу много времени не потребовалось. Камнем преткновения стала Глаша. Грудзинские оставлять ее у себя не хотели.

– Нам достаточно Вити, – заявили они, – с двумя детьми не справиться.

Александр хотел оставить дочь у Риты, полагая, что Глаша могла бы нянчиться с ее сыном Сашей, которому шел второй год. Маргарита сделала вид, что обиделась за предложение взять няньку и отказалась оставить Глашу у себя.

Александр Елиеевич понимал, что в дальней дороге девочка будет обузой, но он не мог бросить дочь на произвол судьбы и взял с собой.

Стоял теплый август золотой осени. Народ ходил в легкой одежде. На Глашу надели ватную фуфайку, зная, что на севере уже холодно. Отец подогнал к дому грузовую автомашину. В кузов погрузили саквояж, тюк с вещами и Глашу. Он и Лиза с ребенком сели в кабину, и машина покатила по деревенской улице. Глаша с грустью смотрела на провожающих – дедушку, бабушку и Витю. Машина удалялась все дальше и дальше от них. Витя поднял руку и помахал. Глаша помахала в ответ. У нее комок подкатил к горлу. Она не понимала, почему ее разлучили с близкими ей людьми. «Когда я вновь увижу их, – думала девочка, – куда мы едем? Что меня ждет впереди?».

Машина катила по пыльной дороге в сторону Енисея. Позади оставалась таежная часть района с возвышающейся над горизонтом горой Колыванихой. Вокруг простиралась лесостепь с редкими березовыми колками. Водитель торопился, кузов подбрасывало на каждой кочке. Пыль клубилась над кузовом, попадая в глаза и рот. Глаша сидела на бауле и держалась руками за борт. Она с облегчением вздохнула, когда машина остановилась у речного вокзала села Сорокино. Отец снял вещи и помог дочери спуститься на землю. Взглянув на ее пыльное лицо и фуфайку, покрытую слоем пыли, произнес:

– Сними фуфайку!

Глаша испугалась: «Неужели будет бить», – подумала она и стала медленно стягивать с плеч тяжелый ватник.

– Шевелись быстрее, коза неповоротливая, – ругался отец.

Он взял в руки фуфайку и скомандовал:

– Сходи к реке, умойся.

Енисейская вода освежила лицо девочки. Она умылась, сделала несколько глотков холодной воды и направилась к отцу. Он уже успел вытрясти от пыли ее фуфайку.

– Быстро надевай, – произнес он недовольным голосом, – нам надо купить билеты.

На Енисее

По расписанию пароход до Красноярска должен подойти только на следующий день. Подойдя к кассе, Александр Елисеевич обратился к кассиру:

– Три билета третьим классом до Красноярска.

– Билетов третьего класса нет.

– Какие есть?

– Только первого класса и палубные.

Он задумался. Предстоял далекий путь, деньги надо экономить, но плыть более суток на палубе не хотелось.

– Давайте билеты первым классом.

Ночь предстояло провести в речном вокзале. Деревянное двухэтажное здание стояло на высоком берегу реки. С балкона, тянувшегося вдоль всего второго этажа, открывалась панорама Енисея. Глаша положила руки на высокие перила и смотрела на острова, разбросанные по реке. На противоположном берегу реки солнце красным заревом заходило за черную тучу над горизонтом. Она не знала, что по примете моряков такой закат означает изменение в погоде. Низко над водой на юг пролетел табун уток. Он торопился улететь подальше от места гнездования в Заполярье, где началось уже похолодание. Ее внимание привлекли две весельные лодки, отошедшие от ближайшего острова. Вскоре услышала мелодию песни, которая разливалась по простору реки. В ней слышалась грусть, непокорность и вера в счастливую женскую судьбу. Разобрать слова не представлялось возможным, но мелодия запомнилась на всю жизнь. У берега песня смолкла, лодки с разгона выскочили носами на песчаную отмель. В лодках приплыли молодые женщины в разноцветных косынках. Они возвращались с сенокоса. С войны не вернулось много мужчин, и все работы в сельском хозяйстве легли на плечи женщин.

Сегодня островов, которыми любовалась Глаша, нет. Со строительством плотины Красноярской ГЭС участок реки от плотины до Абакана превратился в Красноярское водохранилище.

На следующий день к дебаркадеру причалил двухпалубный колесный пароход «Летчик Алексеев», однотипный с пароходом «Святитель Николай», в котором в Красноярске ныне размещен музей. Пароход следовал по маршруту

Абакан – Красноярск. Началась погрузка дров. Паровые котлы парохода работали на дровах, и команда в пути следования несколько раз пополняла их запасы.

Оказавшись в каюте, Глаша пришла в восторг от увиденного. Привыкшая спать на печке, она увидела две кровати, заправленные белоснежным бельем. В углу прикрепленная к перегородке белая раковина с краном над нею манила к себе. Ей захотелось проверить: есть ли в кране вода. Она подошла к раковине и открыла кран. Вода побежала струйкой и, журча, уходила в канализацию.

– Не балуй, – произнес отец.

– Можно я руки помою?

– Мой.

Пароход вздрогнул, затрясся мелкой дрожью, послышались шлепки лопастей колес по воде, и он стал медленно отходить от причала.

– Пойдемте на палубу, – предложил отец, – посмотрим, что там творится.

В носовой части на нижней палубе толпились люди. Около них лежали узлы, баулы, чемоданы, корзины. Одна женщина держала за веревку козу и гладила по шее. Шло великое переселение народа в первый послевоенный год.

– Папа, на козу надо билет покупать? – спросила Глаша.

– Сходи, спроси у хозяйки.

Она не осмелилась пойти одна, опасаясь потерять каюту.

Дул встречный ветер, по небу плыли черные хмурые тучи, закрыв небесное светило, которое еще вчера щедро одаривало землю своим теплом. Пароход вышел на фарватер, и пассажиры разошлись по своим каютам.

Перед Красноярском пароход пришвартовался к дебаркадеру для погрузки дров. На высоком яру стояли бараки, почерневшие от времени, некоторые были выкрашены охрой. Пассажирам разрешили сойти на берег. К удивлению Глаши на берегу оказалась много детворы. Кто-то под яром нашел помойку с консервными банками из-под американской тушенки. Вся ребятня побежала к месту находки. Они пальцами выковыривали из банок остатки тушенки и с наслаждением облизывали грязные пальцы.

Город встретил Грудзинских высокими кирпичными зданиями с балконами и красивыми карнизами. Глаша, привыкшая жить в одноэтажных деревянных домах, не предполагала, что люди могут жить в таких домах. Отцу удалось купить билеты на последний пароход в заканчивающуюся навигацию. Вновь пришлось взять билеты в каюту первого класса. До отправления парохода оставалось несколько дней. В гостиницах не было мест, с трудом удалось устроить Лизу с ребенком. Александр решил остановиться у знакомых, проживающих на противоположном берегу Енисея. Через реку идти пришлось по понтонному мосту. Отец шел впереди. Его руки были заняты вещами. Дочь плелась позади, постепенно отставая от него. Он останавливался, поджидая ее, ругался и матерился, не понимая, что девочке страшно смотреть на черную воду, бегущую между понтонами. Когда же промежуток воды оказывался слишком широким, она не решалась перепрыгнуть. Отец оставлял поклажу, возвращался, брал дочь за руку, помогал перепрыгнуть и, отвесив крепкий подзатыльник, брал вещи и следовал дальше. Его раздражала и злила медлительность дочери. Так

повторялось несколько раз. После каждого подзатыльника в детской душе накапливалась обида, а отец продолжал ругаться нецензурными словами.

Пароход «Спартак» отошел от речного вокзала Красноярска рано утром. Сонный город остался позади, прикрытый утренним туманом. Вокруг простиралась вода Енисея. Левый берег, невидимый в утренней дымке, был пологим, правый, ближе к которому проходил фарватер, поднимался высоко над водой. Его скалистые склоны круто обрывались, отвесной стеной подступали к отмели. «На такой берег, пожалуй, не залезешь», – думала Глаша, вспоминая гору Крапивиху, на которую ходила с ребятами за клубникой.

Первой остановкой парохода был Енисейск, расположенный на низком левом берегу Енисея. При подходе к берегу внимание привлекали огромные штабеля круглого леса. Правее виднелись жилая застройка и купол церкви. Пароход пристал к причалу, на котором вытянулась высокая поленница дров. Пассажиры отправились смотреть город, а матросы занялись погрузкой дров. Они взваливали на плечи березовые поленья длиной больше метра и вереницей поднимались по трапу на пароход.

В городе Грудзинские увидели старинные бревенчатые дома, особняки купеческих усадьб. Здесь работали зодчие, прекрасно знающие свое дело. Они создали настоящие образцы архитектурных сооружений. Для украшения своих детищ использовали различные виды резьбы, затейливые кружевные обрамления окон и фронтонов.

Енисейск – старейший город Сибири, со своим историческим лицом и яркой судьбой. Он был заложен в 1619 году отрядом казаков как крепость для освоения Восточной Сибири. Во второй половине семнадцатого века он становится крупным центром торговли и промышленного производства. Открытие месторождений золота в североенисейской тайге стало импульсом к экономическому и культурному развитию города. Строились каменные дома, храмы и монастыри, которые сохранились до наших дней.

На пароход пассажиры вернулись до окончания погрузки дров.

Александр Елисеевич быстро нашел себе занятие, спев несколько песен под гитару в ресторане. Когда выяснилось, что он киномеханик, его пригласили на временную работу и предложили крутить фильмы по несколько сеансов в день. Все это время Глаша была предоставлена себе самой. Большую часть времени она проводила на верхней палубе, любуясь панорамой Енисейских берегов. Пейзажи сменялись один за другим. Через каждые двести километров пароход приставал к берегу для погрузки дров. Глаше запомнились поселки Ярцево, Ворогово, Бор, Лебедь и Бахта. Особенностью их всех было расположение на высоком берегу, а на отмели у уреза воды находилось множество лодок. Напротив этих поселков пароход вставал на якорь, и на катере матросы свозили пассажиров на берег. От берега к пароходу устремлялись лодки, с которых рыбаки предлагали пассажирам копченую рыбу и черную икру.

Александр и Лиза часто гуляли по палубе. Глаша старалась держаться от них подальше. Однажды они остановились недалеко от нее, и она услышала их разговор:

– Мне страшно ехать в Польшу, если отобранные имения не вернут, где будем жить? – произнесла Лиза.

– Купим дом.

– На какие деньги?

– Заработаем в Туре, продадим дом в Идринском.

– Страшно начинать жизнь на новом месте.

– Зато тебя будут называть пани.

– Да ну тебя! – произнесла Лиза и зашагала по палубе.

Перед Подкаменной Тунгуской пароходу пришлось преодолевать Осиновский порог. Узкий каньон преодолевался с большим трудом, несмотря на попутное течение. Проход узок и извилист. Два парохода разойтись не могут, и движение здесь одностороннее. Порогом пароход вошел в Осиновские щеки – коридор, образованный высокими гранитными берегами. После порога за поворотом реки возникли два острова. Первый похож на корабль. Он покрыт редким лесом с единственной сосной на вершине. Его так и называют: «Остров Кораблик». Следом за ним высился остров Барочка.

К вечеру показался Туруханск.

На Нижней Тунгуске

Туруханск расположился на правом высоком берегу Енисея при впадении в него Нижней Тунгуски, которая излучиной огибает город с южной стороны. С парохода виднелись дебаркадер, длинная деревянная лестница на крутой берег и крыши нескольких домов на берегу. Здесь Грудзинским предстояло сделать пересадку на пароход, идущий вверх по течению Нижней Тунгуски до Туры. Навигация большегрузных судов по реке проходила в период весеннего паводка, а в отдельные годы, при наличии обильных атмосферных осадков, длилась до осени. Со спадом воды некоторое время по реке продолжали ходить катера с небольшой осадкой. С обмелением реки навигация прекращалась. Судоходство по Нижней Тунгуске связано с большой опасностью при прохождении мночисленных порогов.

Пассажиры по деревянному трапу сошли на дебаркадер. Местные жители поспешили на берег, несколько человек столпились у кассы, которая не работала. Всем требовались билеты до Туры. Подошедший шкипер сообщил, что навигация по Нижней Тунгуске закончилась в связи с низким уровнем воды.

– Как же добраться до Туры? – спросил Александр Елисеевич. – Не зимовать же здесь до будущей навигации?

Он беспокоился, что из-за задержки приезда к месту работы может лишиться обещанной должности.

– Можно улететь гидропланом или дождаться зимника, – ответил шкипер.

Среди пассажиров оказался пожилой геолог, знающий местные условия. Он бодрым голосом произнес:

– Следуйте за мной, устроимся в общежитии и будем решать проблемы по мере их возникновения.

Все последовали за ним. Подниматься по лестнице с высокими крутыми ступенями было тяжело для десятилетней девочки. Когда Глаша поднялась на высокий берег, у нее дрожали ноги. Толпа направилась за геологом по деревянному тротуару. Тротуары подходили ко всем зданиям, стоящим по пути: столовой, магазину, почте. На строганых досках лежали крупные лохматые и ленивые собаки. Одну отец задел баулом.

– Пошла вон с дороги, тварь проклятая, – выругался он.

Она даже не огрызнулась и не отодвинулась в сторону. Многие местные жители летом собак не кормили, полагая, что они сами должны добывать себе пищу. Большинство собак успешно охотились в лесах, добывая мелких грызунов, зайчат, птенцов глухарей и тетеревов, не научившихся еще летать. Некоторые привыкли к попрошайничеству у столовых и магазинов. С наступлением холодов хозяева разыскивали своих собак, начинали кормить, а с установлением снежного покрова запрягали в нарты.

На следующий день геолог улетел в Туру гидросамолетом. Отец узнал, что в Туруханском порту стоит катер, принадлежащий Туринскому речному порту, отправился разыскивать капитана, в надежде уплыть на его катере. Нашел его в столовой в компании подвыпивших людей. Узнав у официантки, который из них капитан, подошел к их столику, извинился и, обращаясь к небритому мужчине старше среднего возраста, спросил:

– Когда пойдете в Туру?

– Тебе какое дело? – ответил вопросом на вопрос тот, подняв на собеседника мутный взор.

– Хочу с вами добраться до Туры.

– Скоро не получится, – произнес мужчина нетрезвым голосом, растягивая слова.

– Когда получится?

– Скорее всего, весной.

– Почему?

– Катер неисправный.

– Что с ним?

– Движок забарахлил. Моториста у меня нет, придется весной буксиром тащить в мастерские.

– Если я исправлю двигатель, возьмешь нас до Туры?

– Ты кто такой? Волшебник что ли?

– Не волшебник, но в технике разбираюсь.

– Валяй на катер! Машинное отделение не закрыто.

Александр Елисеевич разобрал двигатель, проверил и протер все детали, удалил старое грязное масло. Собирая движок, он постоянно думал: «Только бы не забыть какую-нибудь деталь поставить на свое место». Протрезвевший шкипер наблюдал за его работой. Когда двигатель заработал, он удивленно произнес:

– Ну, ты и даешь!? Приходи завтра к восьми утра, будем отчаливать.

Александр протер руки ветошью, смоченной соляром и отмыл водой с каустиком. В общежитие возвращался в приподнятом настроении, предчувствуя радость попутчиков, когда они узнают о скором отъезде в Туру.

Капитан отвел катер от причала, чтобы проверить работу двигателя на ходу и сходить на заправку.

На берегу у катера собралось больше десяти человек, завербованных для работы в Эвенкии. Александр Елисеевич поднялся на катер. Ему навстречу из рубки вышел капитан и недовольным голосом произнес:

– Ты зачем толпу привел?

– Им всем надо попасть в Туру.

– Причем здесь я, на катере в кубрике всего четыре места.

– Они готовы плыть на палубе хоть стоя, хоть лежа, лишь бы только плыть.

Капитан смягчился:

– Мы поведем на буксире баржу. Занимайте «плацкартные» места.

На палубу из кубрика поднялся один из собутыльников капитана, которому тот сказал: «Отходим».

Рывком троса катер сдвинул баржу с места, и она закачалась на спокойной глади Енисея. После второго рывка послушно последовала в его кильватере. На барже у пассажиров царило приподнятое настроение. Стояли последние дни августа. Солнце слепило глаза, но его лучи уже слабо грели. Встречный ветер приносил холодное дыхание осени, уже наступившей в Заполярье. Катер вошел в воды Нижней Тунгуски, река разлилась широким плесом. Далее она протекала в узкой и глубокой долине с высокими скалистыми берегами. Периодически на ней появлялись широкие плесы, иногда осыпи из крупных камней входили далеко в русло. Такие осыпи носят названия «карги». Вскоре встречное течение стало водить баржу из стороны в сторону. Река пробивалась через ущелья хребта «Большой камень».

В августе дни в северных широтах короткие, а сумерки среди гор наступают очень рано. Катер продвигался вперед только в светлое время суток, вечером приставал к берегу, пассажиры сходили на отмель, разводили костер и готовили ужин.

Первым испытанием на пути оказался Косой Порог, образованный каменистыми отмелями, идущими от обоих берегов. Катер не смог преодолеть встречного бурного течения. Порог оставил в душе и памяти Глаши не забываемую картину на всю жизнь. Река, зажатая берегами, с оглушительным шумом стремительно неслась через порог, поднимая на подводных камнях буруны и фонтаны брызг, которые переливались на солнце разноцветными бликами. Капитан прекратил борьбу со стихией, причалил к берегу ниже порога и сообщил, что будет возвращаться в Туруханск. У пассажиров это сообщение вызвало бурное возражение. Всем хотелось двигаться только вперед. Молодой крепкий парень Николай, ехавший работать в Туру пожарным, предложил:

– Давайте перетащим баржу через порог вручную, а катер без буксира преодолеет порог сам.

Его дружно поддержали. Привязали к барже пеньковый трос, и как бурлаки потянули ее вдоль берега. Николай громким голосом подбадривал людей. Александр Елисеевич, наваливаясь всем телом на трос, думал: «Запеть бы сейчас «Дубинушку», но учащенное дыхание от тяжелой нагрузки не позволяло петь. Преодолев шиберу, протяженностью почти километр, баржу подтянули на отмель

и привязали тросом к огромному камню. Людей обуяло радостное настроение. Николай, радуясь успеху и чтобы подбодрить товарищей по нелегкому труду, произнес:

– Мы так баржу можем и до Туры дотянуть.

– Так в чем дело, – поддержал его высокий мужчина, – впрягаемся и вперед.

– Может лучше дождаться катера? – предложил полный мужчина низкого роста.

Все дружно засмеялись, поняв, что с такой комплекцией этому мужчине далеко не уйти.

– Зачем ждать катер, – шутил высокий мужчина, – он же движется тише нас.

Глаша не стала слушать разговоры взрослых, поднялась с обточенного водой камня, на котором сидела, и направилась к валуну, который выглядывал из гальки и песка, покрывающих отмель. Валун походил на собаку, свернувшуюся клубком у воды. Она положила руку на валун и стала смотреть на чистейшую прозрачную воду, через которую просматривалось галечное дно. Присмотревшись, заметила около небольшого камня крупных рыб. Они стояли за камнем против течения, выжидая добычу. Серебристые бока с цветными пятнами делали их едва заметными. Течение несло над ними желтые листья берез, которые как кораблики, проплывали один за другим. На одном сидела маленькая синяя стрекоза, плотно сложив крылья над спиной. Глаша провожала ее взглядом и думала: «Хорошо придумала кататься по реке». Неожиданно раздался всплеск, из воды выскочил хариус, и стрекоза исчезла вместе с ним под водой. Девочке стало жалко стрекозу. Она еще не знала, что в природе идет борьба за существование. Холодный ветерок, который тянул над водой с верховья реки, заставил ее поежиться и пойти назад. В десяти метрах от уреза воды поднимался высокий берег. В одном месте он разрезался узким руслом пересохшего ручья, в котором она заметила кусты смородины. Черные крупные ягоды гроздьями свисали с веток. На склоне росли кусты шиповника с продолговатыми красными ягодами. Насытившись смородиной до оскомины на зубах, Глаша набрала горсть ягод для отца.

Катеру преодоление порога далось нелегко. Иногда казалось, что он стоит на месте при работе двигателя на полную мощность. При его появлении на чистом плесе выше порога раздались радостные крики:

– Ура! Мы спасены! Плывем дальше!

Пристав к берегу недалеко от баржи, капитан спустился на отмель и, подойдя к радостной публике, их разочаровал:

– Ночевать будем здесь, дальше пойдем утром. Разводите костер. Володя принесет котлы, – сказал тихо и удалился на катер.

Он выглядел озабоченным, уставшим и обессиленным после нелегкой борьбы с речной стихией. Впереди предстояло пройти Большой Порог, который никто из речников не осмеливался преодолевать в темное время суток.

«Путешественники» начали обсуждать ситуацию:

– Кто-то подменил капитана. До вечера еще далеко, можно было бы еще плыть.

– Постоял бы ты полдня за штурвалом, не так бы выглядел.

– Как зовут капитана?

Никто не знал его имени, при отплытии из Туруханска из-за спешки не познакомились. Даже Александр при ремонте двигателя не удосужился узнать его имени. Между собой люди, попавшие в одну беду, давно познакомились.

Николай, профессиональный пожарный, ехал, чтобы в свободные три дня после дежурства заниматься любимым делом – охотой. Страстный любитель природы и путешествий мечтал увидеть северную природу во всей ее красе. Его мать, Мария Андреевна, женщина крепкая и энергичная, по образованию бухгалтер, согласилась на работу старшим экономистом в строительном управлении. Ей оставалось несколько лет до пенсии, и она хотела получить максимальную пенсию, чтобы, вернувшись домой, не «считать копейки» – так она выразилась, рассказывая о себе. Ее не пугали тяжелые условия жизни на севере. В военное лихолетье ей довелось испытать и голод, и холод. Высокого жизнерадостного мужчину звали Петром Васильевичем. Он ехал работать в центральную больницу врачом-стоматологом. У каждого была своя причина завербоваться на работу в этот край. Стране нужны были работники для освоения богатейших просторов Сибири. Они ехали по ее зову, конечно, не без выгоды для себя, но никто не ожидал, что добираться придется с такими трудностями.

Володя принес топор и два больших котелка. Один для ухи, второй – для чая. Положил их на гальки и уверенным голосом произнес:

– Кипятите воду, будем варить уху.

– Уха из топора – это здорово! Будет, что вспомнить, – шутил высокий не унывающий мужчина.

– А рыба где? – спросил мужчина-«колобок».

Так Глаша окрестила низкого роста полного мужчину.

– Речники на воде без рыбы не живут, – гордо ответил Володя и отправился на катер.

Вскоре он со спиннингом и ведром направился вдоль реки выше по течению.

Николаю хотелось последовать за ним, чтобы посмотреть здешнюю рыбалку, но взглянув на людей, стоящих вокруг котелков и не знающих, что с ними делать, изменил свое намерение. Его попутчики, впервые попав в полевые условия, оказались к ним не приспособленными.

– Двое берите котелки, идите к воде, помойте их с песком и принесите воды. Остальные собирайте сухие дрова для костра, – произнес он спокойным голосом.

Все разошлись заниматься делом, Николай поднял топор, собираясь пойти вырубить палки для таганка, взглянул на реку. Колобок сидел у воды на валуне и усиленно тер песком сажу на наружной стороне котелка. Николай невольно рассмеялся. Успокоившись, подошел к Колобку и, с трудом сдерживая улыбку, объяснил:

– Карп Львович, котелок надо драить песком внутри от остатков старого жира и пыли, снаружи он всегда будет в саже.

– Как скажете, – ответил Колобок и бросил горсть песка в котелок.

Вскоре на берегу пылал костер, над которым висели котелки, языки пламени ласково лизали их бока. Николай, взглянув на кучу плавника и хвороста, произнес:

– Дров маловато.

– Зачем больше? – произнес кто-то. – Вода в котелке почти кипит.

– Ночь длинная, – ответил Николай.

– Мы разве здесь будем ночевать? – удивился Колобок.

– К сожалению, гостиницу еще не построили, придется нам ее соорудить самим.

– Каким образом?

– Надо срубить толстую сухую лиственницу, из нее соорудим надью.

– Папа, что такое надья? – спросила Глаша, сидящая рядом на валежине.

– Когда построят – увидим.

Отец, видимо, как и дочь, не знал значения этого охотничьего термина.

Вскоре к костру подошел Володя с ведром, в котором красовались очищенные крупные рыбины. Одна ударила хвостом по ведру, прощаясь с жизнью.

Любопытные окружили ведро, их удивлению не было конца, раздавались возгласы:

– Вот это да, какая крупная рыба, как ее название?

Володя показывал пальцем на рыб и произносил:

– Хариус, хариус, а это ленок, – а затем спросил:

– Кок среди вас есть?

– Найдется, – ответил Николай.

– Тогда принимайся за дело.

– Володя, – обратился Николай к рыбаку, – не мог бы ты еще поймать картошку и лук?

– На речном флоте все есть, – ответил тот и отправился на катер.

Когда уха была готова, к костру подошел капитан. Он выглядел отдохнувшим и бодрым. Матрос достал из костра большую пылающую головешку, опустил в уху и стал ей размешивать. Из котла повалил дым и пар.

– Что вы делаете? Зачем портите еду? – раздались вокруг возгласы.

– Хочу, чтобы вы попробовали настоящей тунгусской ухи с дымком, – невозмутимо ответил Володя.

Проголодавшиеся путешественники с наслаждением ели вкусную рыбу и запивали из кружек бульоном.

Глаша никогда в Идринском не ела такой вкусной ухи. Дед часто рыбачил, и бабушка варила уху из окуней и чебаков. После той ухи хотелось есть, а эта показалась ей очень сытной. Известная поговорка гласит, что рыба просит воду. Насытившись, всем захотелось пить. Петр Васильевич пошутил:

– Может быть, в реке водится и заварка?

– У нас заварка растет в лесу, – ответил Володя.

Николай спросил:

– Кто-нибудь видел кусты смородины, когда собирал хворост?

Все промолчали, только Глаша как в школе подняла руку и произнесла:

– Я видела.

– Пойдем со мной, – предложил Николай и взял ее за руку.

Глаше приятно было идти с сильным мужчиной, крепко державшим ее за руку. Она подумала: «Почему-то папа никогда не водил меня за руку».

Высохшее русло ручья оказалось почти рядом. Николай наломал веник из веток смородины с ягодами и набрал горсть шиповника. Вернувшись к костру, всю добычу положил в кипящую воду.

На реке раздавались всплески крупных рыб, за рекой кричал ворон гортанным хриплым голосом, из тайги доносились непонятные протяжные трубные звуки. Горсточка людей, сидящих у костра, попала в чужой неведомый им мир зверей и птиц. Они с удовольствием пили чай с ароматом смородины и шиповника. Капитан выпил две кружки ароматного чая, поднялся на ноги и произнес:

– Поторопитесь с устройством ночлега, в горах темнеет быстро. Могу предложить тент для устройства навеса.

Никому не хотелась ночевать в холодном металлическом трюме баржи, и все согласились провести ночь на берегу. Устройством бивуака руководил Николай. Всем остальным впервые пришлось ночевать в полевых условиях. Они понимали, что без опытного человека им пришлось бы всю ночь просидеть у костра, поэтому все, что он говорил, выполняли без промедления. Прежде всего привязали одну сторону тента к основанию кустов на крутом береговом откосе, вторую – к кольям. Получился навес. Николай взял топор и произнес:

– Пойдемте за лапами.

Не все поняли, за какими лапами надо идти, но последовали за ним. Выбрав пологий участок берега, толпа поднялась к густому ельнику. Опытный охотник ловкими движениями топора с размаху рубил нижние ветки елей. Первым понял намерение Николая доктор. Он набрал охапку лап и понес к тенту. Его примеру последовали остальные. Под навесом получилась мягкая душистая подстилка. В довершение всех приготовлений перед тентом развели костер. У каждого с собой была теплая одежда, позволяющая провести ночь, не мерзнув. Под пологом казалось уютно и тепло. Утомленные за день люди быстро уснули.

Утро их встретило шумом переката, доносившегося с реки, и звуками, раздающимися из леса. Среди этих звуков слышались посвисты бурундуков, пересвисты рябчиков и других птиц, которые начинали опробовать голоса, приветствуя рассвет в тайге. Солнце поднималось из-за гор; туман, стоящий ночью над рекой, быстро рассеивался.

Когда капитан подошел к бивуаку, тент лежал свернутым, а над костром грелись остатки ухи.

В приподнятом настроении путешественники погрузились на баржу. Солнце катилось по ясному небу, предсказывая хорошую погоду. По реке тянул холодный ветер, заставивший Глашу застегнуть фуфайку на все пуговицы. Она смотрела на пустынную галечную косу, медленно уходящую назад. Ей казалась, что плывет не баржа, а берег. Неожиданно она закричала:

– Страус! Страус!

Все повернулись в сторону крика. На отмели стоял огромный глухарь, вытянув шею. Птица не выдержала долгого напряжения, тяжело поднялась в

воздух и медленно полетела в лес. Обычно осенью глухари прилетают на отмели рек, чтобы пополнить желудок гальками для перетирания грубого корма

Без происшествий, хотя и с трудом, катер преодолел перекаты «Спартак», «Щеки», Герасимовский. У людей было хорошее настроение, они почувствовали себя опытными судоводителями, которые способны преодолеть любые препятствия.

Выше реки Подпорожной, впадающей в Нижнюю Тунгуску, катер подошел к Большому порогу (Орону), расположенному в 130 километров от устья реки. Здесь река была сильно сужена. У путешественников появился опыт, и они смогли провести баржу по бурлящему потоку длиной больше километра. За перекатом берега реки раздвинулись, перед ними лежало огромный плес. Впереди на левом высоком берегу виднелись строения.

Быстрое течение на перекате оказалось непреодолимым для катера. Когда солнце собиралось спрятаться за горы, вместо катера на воде, они увидели идущего по отмели Владимира.

– Что случилось? Где катер? – встретили его вопросом, встревоженные пассажиры.

– Катер не смог подняться по перекату.

– Что теперь будем делать?

– Капитан приказал спустить баржу по перекату, будем возвращаться в Туруханск.

Такая перспектива ошеломила людей. Они примолкли, все думал о том, что преодолев немало трудностей, они лишились надежды попасть в Туру. Первым заговорил Николай:

– До темноты баржу спустить через порог не успеем, придется ждать утра.

– Где будем ночевать? – забеспокоился Колобок.

Переселенцы приняли решение отправиться пешком к поселку, который виднелся впереди.

На высоком берегу стояло несколько деревянных домиков. Здесь располагалась фактория «Большой Порог». Она включала в себя базу, магазин, медицинский пункт, избу-читальню, два жилых дома. Люди с нерадостным настроением со своим скарбом поднялись по крутой тропе к строениям. Толпу переселенцев с удивлением встретила горстка местных жителей. Мужчина в брезентовой куртке и резиновых сапогах спросил:

– Как вы сюда попали? Навигация давно закончилась.

– До порога на катере, – ответил за всех Николай.

– В Туру как можно добраться? – вмешался в разговор Александр. Он очень дорожил работой и боялся ее потерять.

– Ждать новую навигацию или по зимнику, когда река замерзнет. Зимником путь длинный и трудный, – предупредил собеседник.

– Перспектива неутешительная, – вздохнул Николай, – кто здесь старший? Можно ли нам найти жилье?

– Я директор фактории. Звать меня Петр Петрович. Гостиницы у нас нет. В жилых домах теснота, а вас целый взвод.

– Что же нам делать?

Петр Петрович задумался и словно что-то вспомнив, произнес:

– Разместим мы вас в избе-читальне.

Избой-читальней оказался пустующий дом с печью из металлической бочки. По всей вероятности, в нем собирались сделать библиотеку при переезде жителей из поселка Старая фактория, расположенного в трех километрах, но большинство жителей отказались покидать обжитое место. Почти вплотную к дому примыкал невысокий лес. С лиственниц давно осыпалась хвоя, и казалось, что они стоят оголенными. Зато молодые кедры выглядели роскошно в хвойном наряде. В воздухе стоял аромат хвойной тайги.

Женщины принялись подметать и мыть пол, мужчины отправились на поиск материалов для сооружения нар.

Обустроившись, затопили печь. Теплый воздух от большой металлической печи быстро распространился по комнате. Переселенцы, отвыкшие от домашнего уюта за долгий путь от Красноярска, почувствовали себя комфортно. Колобок подошел к пылающей печи и, протянув к ней руки, произнес:

– Здесь лучше, чем на барже.

– Нам надо обсудить сложившуюся ситуацию, – предложил доктор.

– Что обсуждать? – подал голос Володя. – Утром на баржу и с попутным течением в Туруханск.

– Есть альтернативное решение, – сказал доктор.

– Какое?

– Остаться здесь до холодов и по зимнику добраться до Туры.

Его активно поддержал Николай:

– В Туруханске нам ждать навигацию придется девять месяцев, а зимник откроется через два месяца. Кто как хочет, а я остаюсь здесь.

За время совместного плавания люди сдружились, стали доверять лидерам – Николаю и доктору. Все решили остаться и вместе преодолевать трудности, выпавшие на их долю.

На Большом Пороге Глаша впервые увидела эвенков, которые приезжали семьями на оленях отовариться продуктами на длительную и суровую заполярную зиму. Отдохнув два-три дня, разъезжались в свои стойбища. Они не хотели жить в гостевом доме, специально построенном для них, а устанавливали чумы, привезенные с собой в разобранном виде. Около чумов бегали ребятишки разных возрастов. Глаша заинтересовалась ими. Они были одеты в длинные кухлянки, на ногах бакари, украшенные разноцветными небольшими матерчатыми лоскутами. С черными волосами, абрикосовыми лицами и темными, как вишня, глазами, ребятишки напоминали ей кукол. Глаша хотела с ними поговорить, но они не знали русского языка. Она попыталась дотронуться до одежды мальчика, похожего на лохматого медвежонка. Девочка возрастом немного меньше Глаши, стоящая в стороне, крикнула: «Анчухатай», и все ребята разбежались по чумам.

В августе стояли солнечные теплые дни, но уже чувствовалось дыхание приближающейся северной осени. По утрам и вечерам приходилось надевать теплую одежду. Днем Глаша с Ингой, которая, как и она, ехала с родителями в Туру, часто гуляли по берегу реки. Они ходили между валунами,

отшлифованными до блеска потоками воды за многие годы, и собирали разноцветные камушки. Остановившись у уреза воды, наблюдали за быстрым потоком чистейшей воды, В ней просматривалось каменистое дно, иногда мелькали рыбы, спешившие вверх по течению. На солнечном склоне берега девочка собирали яркие лимонно-желтые цветочки, очень похожие на анютины глазки.

Незаметно подошел сентябрь. Глаша с Ингой отправились в школу, находящуюся в Старой фактории в трех километрах выше по реке. Отец Глаши уже побывал там и договорился об устройстве ее на учебу. Тропа шла по лесу вдоль реки, виляя между лиственницами. В просветы между деревьями виднелась река и противоположный высокий берег, покрытый лесом. Идти было легко по мягкой хвойной подстилке. Стояла тишина, дышалось легко и свободно воздухом, насыщенным ароматом хвои и запахами растений. Глаше казалось все новым, необычным. Она смотрела по сторонам и удивлялась белому мху на полянах между деревьями, густым полянкам зеленого брусничника среди ягеля. Неожиданно в утренней тишине со стороны холмов, тянувшихся в нескольких сотнях метров от реки, послышались звуки, похожие на стон, переходящие в глухое мычание.

– Чья-то корова мычит, наверное, заблудилась, – произнесла Инга.

– Наша корова мычала громче, – ответила Глаша.

Девочки не знали, что в сентябре у лосей проходит гон, и сохатые стонут, вызывая соперников на бой, и оповещая самок о своем местонахождении. Внимание детей отвлекла белка, перескочившая с одной лиственницы на другую. В полете она казалась длинной и худой. Пепельный зверек уселся на ветку, поднял рыжий хвост, сложил передние лапки на груди и внимательно смотрел на девочек черными глазами-бусинками. Теперь он казался маленьким и толстым, кисточки на ушах создавали впечатление короны на голове.

– Какая красивая белочка, – произнесла Инга, – толстая как купчиха.

– Она нас не боится, – сказала Глаша и протянула в ее сторону руку.

Белка мгновенно прыгнула на ствол лиственницы, взлетела на вершину и перелетела на соседнее дерево.

– Вот тебе и не боится, – удивилась Инга.

Девочки продолжили путь. Через несколько шагов другая белка перебежала им дорогу и скрылась в хвое молодого кедра. В тот год был хороший урожай кедровых орехов, белки принесли по два помета, в каждом из которых было до десяти бельчат. Проворные зверьки попадались довольно часто, их мелькание среди деревьев оживляло лес. У Инги поднялось настроение, она почувствовала себя частицей живой природы, ей захотелось петь. Глаша подхватила песню. Одна песня сменялась другой и девочки незаметно подошли к Старой фактории. Она состояла из четырех домиков, стоящих в ряд от берега реки. В домике ближе к берегу жила учительница-бурятка с двумя маленькими детьми. В следующем домике находился интернат, затем школа. В четвертом доме размещалась столовая, и жили ссыльные немцы Поволжья. Среди них – директор школы Мундт – одинокий мужчина и семья работников интерната. Завхоз по имени Адам исполнял еще обязанности истопника и сторожа. Его жена Кейна числилась

поварихой, прачкой и исполняла много других обязанностей. Их сын Филипп учился в школе. Школой оказалась одна комната, в которой обучались десять детей. Восемь эвенков, немец и финн. Школа считалась четырехлетней. Глашу числили ученицей третьего класса, а Ингу – четвертого. Уроки вели поочередно два ссыльных учителя – немец и бурятка.

Вскоре выпал снег, белым пушистым одеялом прикрыл поверхность земли, укрыл в лесу низкорослые заросли брусничника и черничника от надвигающихся холодов, пушистыми хлопьями лег на ветви кедров. Легкий морозец бодрил девочек, спешащих в школу. Глаша слушала разговорчивую Ингу и смотрела по сторонам. Белок не было видно, хотя отпечатки их следов иногда встречались на снегу.

Учеба в школе девочкам новых знаний не приносила, и Инга вскоре перестала ходить в школу.

Холода не заставили себя долго ждать, они начались в октябре. Ветер по небу гнал черные тучи, из которых непрерывно сыпался снег, раскачивал деревья, которые создавали шум и наводили страх. На кромке леса, по которому шла тропа, появились сугробы, их с трудом приходилось преодолевать. Вернувшись из школы, Глаша раздевалась и первым делом шла печи отогреться.

Переселенцы стали готовиться в путь по зимнику. Мужчины гнули полозья для нарт и сушили их за печкой. Однажды Александр послал дочь к директору фактории узнать время. На улице стоял мороз. Она вернулась замерзшая и полезла за печь отогреваться. Отец во все горло крикнул:

– Куда ты лезешь?

Глаша испугалась, развернулась, споткнулась и упала. При падении оперлась руками на раскаленную печь, обожгла живот. Пришлось раздетой бежать в медицинский пункт. Левая рука и живот зажили довольно быстро, а с правой рукой пришлось долго ходить в медпункт на перевязку. Присохший бинт отмачивали раствором марганцовки и накладывали новую повязку. Через день бинт вновь присыхал к ране, и экзекуция с удалением бинта повторялась. За терпение боли фельдшер каждый раз давал маленькой пациентке витаминку.

Морозы усиливались, ходить Глаше через лес одной стало опасно. Дети эвенков жили в интернате. Отец купил в магазине фактории хлопчатобумажную ткань, которая не пользовалась спросом, и отправился устраивать дочь в интернат. Директор школы был и директором интерната. Повлияла ли ткань на устройство Глаши, неизвестно, но она, единственная русская девочка, оказалась в интернате среди детей эвенков. Из ткани тетя Кейна (повариха и прачка) сшила всем детям рубашки, мальчикам штаны, девочкам сарафаны.

Каждое воскресенье Глаша приходила в Новую факторию навестить отца и попутчиков плавания по Тунгуске. Она больше тянулась не к отцу, а к людям, которые душевно к ней относились. Николай обычно встречал ее радостным возгласом:

– Пришла моя подружка!

Мария Андреевна предлагала раздеться, пройти к печке и спрашивала:

– Есть хочешь?

– Я ела в интернате, – отвечала Глаша, хотя изрядно проголодалась за трехкилометровый переход по снегу.

– Знаю, хочешь. Садись к столу, у нас сегодня мужчины рыбы наловили.

Отец, лежавший на нарах, не поднимался, чтобы поздороваться с дочкой. Глаше стало жалко его. «Наверное, у него обострилась болезнь», – думала она.

В одно из посещений фактории Глаша узнала, что скончалась Мария Андреевна. Она не дожила до пенсионного возраста и не дождалась большой пенсии. Глаша успела полюбить добрую и заботливую женщину. Эта весть ошеломила ее, у нее потекли слезы. Николай подошел к девочке, прижал к себе и сказал:

– Успокойся, подружка, для меня это тоже самая тяжелая утрата. Похоронил мать в мерзлой земле в глухой тайге на краю света и не знаю, смогу ли когда-нибудь посетить ее могилу.

Однажды приходит Глаша и глазам своим не верит. В избе дым, сидят чужие люди – казахи. Замерзшая и продрогшая, она остановилась у дверей и подумала: «Надо возвращаться».

Старый казах с седыми длинными усами, спускающимися вдоль бритого подбородка, предложил:

– Проходи девочка к печке, погрейся и сними валенки.

Эти тихие, спокойные слова отогрели Глашину душу, она безмерно была благодарна старику. Не теряя времени, сняла фуфайку, села у печки, разулась и протянула ноги к горячей печи. Старик заметил дыры в подошвах валенок, подошел и взял их в руки. В валенках зияли дыры величиной с куриное яйцо. Немного подумав, он ножом отрезал кусок подола своей шубы, уселся на лавку и начал зашивать дыры в валенках. Ссыльные казахи напоили девочку чаем. От них она узнала, что из гидропорта караван оленей вез груз в Туру. Все переселенцы уехали на оленях к месту работы.

Когда Глаша вышла из дома, на небе мерцали звезды, луна заливала желтым светом скованную льдом реку. Лес черной стеной тянулся вдоль берега. Пошатываясь, она побрела по тропе, идущей по лесу. Тени деревьев полосатой зеброй пересекали натоптанную в снегу тропу. Сердце девочки наполняла тоска, оно разрывалось от одиночества. Она с трудом сдерживала слезы. Среди тайги, вдали от родины, без родных и близких, она брошена на произвол судьбы. Ее душевная боль усиливалась сознанием, что чужие люди ей помогли, а родной отец бросил, не взял с собой. От него девочка не слышала ласковых слов, но все же он был ее отцом. Она лишилась возможности бывать на фактории и надежды на встречи с ним. Обида сдавливала горло. Утешало только то, что ноги не мерзли и от чужих людей она слышала сочувствие и ласковые слова.

В школе учились дети разных возрастов, их учили писать буквы и цифры, читать букварь. Глаша уже умела писать, и ей сидеть на уроках было неинтересно. Она вспоминала свою первую учительницу Людмилу Николаевну Беляеву. Глаше она казалась самым красивым и милым человеком на свете. Девочка смотрела на нее влюбленными глазами и всегда была готова выполнить любые ее просьбы, с радостью участвовала в самодеятельности в любых ролях, которые ей поручала учительница. Людмила Николаевна была учителем от Бога,

дети любили ее, после уроков окружали и не хотели расходиться по домам. После окончания войны она уехала на свою родину, освобожденную от немецких оккупантов. Перед отъездом раздарила ученикам все свои елочные игрушки.

Ученики интерната всегда радовались окончанию уроков и спешили убежать из класса. Они не выполняли домашних заданий, любимым развлечением мальчиков была игра в спички, в которой они выигрывали друг у друга виртуальных оленей. Тамара Панкагир – самая старшая из девочек – украшала свои унты узорами из разноцветного бисера. Дети тосковали по жизни в чумах, часто вспоминали езду на оленях, своих любимых собак.

Глаша ко всему приглядывалась, быстро запомнила странные имена работников интерната: завхоза Адама и кухарки Кейны, от которой зависело питание детей. Она готовила очень однообразную еду. На первое жидкий суп, в котором плавало несколько крупинок овсянки или перловки. На второе овсяная каша чередовалась с перловой. Иногда на столе появлялась рыба – сорога с душком, которую охотники заготавливали для привады соболей. У протухшей рыбы отставали кости. Глаша, превозмогая отвращение, ела эту рыбу. Эвенки ели ее с удовольствием, кроме того, у них у всех в мешках из камуса под нарами была еда, оставленная родителями. Они в любой момент могли достать из своих запасов и съесть кусочек сушеного панта, вяленой рыбы или мяса. Особым деликатесом считались отваренные и высушенные головы белок. Ребята их грызли как орехи.

Иногда кто-нибудь из ребят, протягивал на ладони кусок вяленой рыбы и спрашивал у Глаши:

– Хочешь?

Она всегда была голодной, но стеснялась брать чужую еду и отвечала:

– Не хочу.

– Не хочешь, как хочешь, – произносил доброжелатель.

В один из вечеров все ребята подкреплялись каждый своими продуктами. Запах еды возбуждал аппетит, сосало под ложечкой, Глаше очень хотелось есть. Она отвернулась, чтобы не видеть ребячью трапезу. Тамара Панкагир подошла к ней и положила на колени кусочек панта и головку белки. Вкуснее этой еды Глаше давно ничего не приходилось пробовать. В дальнейшем она стала отказываться от таких подарков, так как знала, что ей нечем отдарить Тамару.

Большинство детей, проживающих в общежитии, были родственниками и друзьями. У них были свои игры, свои взаимоотношения. Глаша попала в чужой коллектив, как волк в чужую стаю. Из восьми ребят четверо носили фамилию Панкагир. Это Роман, Спартак, Тамара и Дуська.

После сытной еды Дуське некуда было девать свои силы, и она, выйдя на средину комнаты, предлагала бороться. Никто не выходит помериться с ней силой, так как знали, что она сильнее. Тогда Дуська насильно вытаскивала Глашу на круг. Голодной и обессиленной девочке было не до борьбы. Она стояла, молча, опустив руки. Тогда Дуська начинала дергать ее за одежду и руки. По комнате неслись крики, подбадривающие зачинщицу соревнований: «Дусь-ка! Дусь-ка!» Иногда Глаше хотелось схватить Дуську и повалить на пол. На короткую схватку у нее бы хватило сил, но она знала, что тогда на помощь сестре

бросится вся ее родня. Шум прекращался только тогда, когда Глаша заплачет от обиды и бессилия. Такие сцены повторялись почти каждый вечер. Дуська находила удовольствие издеваться над Глашей. Она до такой степени портила ее жизнь и настолько утомила, что Глаша перестала разговаривать не только с ней, но со всеми детьми, проживающими в интернате. Ей сочувствовала Тамара Панкагир, но она не хотела открыто выступать против своих родственников.

После таких потасовок Глаша отправлялась спать на свое место на нарах около обледеневшей двери. Она всегда мерзла. У нее не было спального мешка из оленьих шкур как у всех эвенков, а металлическая печь находилось далеко от двери. Перед тем как уснуть, она вспоминала село Идринское и русскую печь в доме Михайловых. Если раньше ей надоедало целыми днями сидеть на печи, то теперь она бы с радостью залезла на печь и улеглась на горячие кирпичи, подложив валенок под голову.

К Новому 1947 году готовились заблаговременно. Адам срубил в лесу стройную пушистую ель и установил в столовой. Ребята под руководством Кейны готовили украшения. Из цветных промокашек клеили цепи, вырезали зверей, к кедровым шишкам привязывали нитки. Под Новый год водили хоровод, пели песенку: «В лесу родилась елочка» и другие. Эвенки танцевали свои национальные танцы под сопровождение бубна. Своими ногами, обутыми в бакари, расшитые бисером, они делали красивые движения, напоминающие раскапывание снега оленями. Глаша даже не предполагала, что есть такие танцы. Она была счастлива. Ее недруга Дуську на время каникул родители забрали и увезли в стойбище.

В апреле прекратились морозы, дни стали длиннее, солнце светило веселее с небосвода, снег постепенно проседал под его лучами. После ночных заморозков по насту можно было ходить не проваливаясь в снег. Глаша чаще стала гулять на свежем воздухе. У обессиленной девочки от постоянного недоедания часто кружилась голова, перед глазами появлялись розовые и лиловые круги. Она не принимала участия в потасовках и играх детей. Старалась уйти подальше от резвящихся ребят.

Накануне Первого мая она увидела несущихся по лесу оленей. Они мелькали между деревьями, приближаясь к фактории. Вскоре послышался веселый и радостный звон колокольчиков.

Больше десятка упряжек остановились около фактории. Ребята побежали встречать родителей. Только Глаше некого было встречать. Эвенки приехали забрать своих детей на лето в стойбища, сдать добытую за зиму пушнину и отовариться всем необходимым на Новой фактории.

В советское время, следуя закону всеобуча, для всех народов Севера действовало одно правило – обучать детей в интернатах. Родителей и близких они видели только на каникулах. Для получения среднего образования детям приходилось уезжать в крупные поселения. Обучение велось на русском языке, они теряли знания родного языка и связь с родной культурой. В результате ослабевали родственные связи, и не передавались от старших к младшим выработанные веками навыки. Старшее поколение эвенков считало, что интернат делает из маленьких оленеводов городских лентяев. Подрастая, дети

предпочитали оставаться в райцентрах. Не многие находили там счастье. Они стали забывать национальные традиции, терять связь с тундрой. К концу девяностых годов прошлого века оленеводством занимались только пожилые эвенки.

Эвенки – один из малых северных и малочисленных народов, его численность на территории России не превышает 35 тысяч человек. Они проживают на огромной территории от Енисея до Дальнего Востока. Их язык включен ЮНЕСКО в список исчезающих. Не многие эвенки могут полноценно общаться на родном языке. Между прочим, их язык обогатил русскую лексику. «Шаман» и «унты» пришли к нам от народа, который в старину называли тунгусами.

На фактории для приезжих стояли гостевые домики, но эвенки предпочитали жить в чумах. Глаша стояла в сторонке и наблюдала за людьми, возводящими чумы. Мужчины, одетые в парки с капюшонами из оленьих шкур и подпоясанные ремнями с бляхами, снимали с нарт жерди и устанавливали каркас. На ногах бакари из камуса доходили до паха. На женщинах бакари, расшитые разноцветным бисером, сверкали на солнце. Головы были повязаны кашемировыми платками. На стоянке царили оживление и радость. Одна женщина подвесила на дерево люльку из бересты, в которой лежал ребенок.

Глаша с грустью и тоской, насмотревшись на чужую радость, побрела в интернат. В этот день никто из детей эвенков не пришел на ужин. Кухарка Кейна впервые положила в Глашину миску добавку каши.

На следующий день Тамара Панкагир пришла в интернат и застала подругу скучающую на нарах. Глаша обрадовалась встрече. Ей тяжело было жить в коллективе одноклассников, но еще труднее переносилось одиночество.

– Ты когда-нибудь жила в чуме? – спросила Тамара.

– Никогда.

– Пойдем ко мне в гости.

– Родители не заругаются?

– Нет, у нас принято ходить в гости.

Девочки вышли на улицу. Полуденное солнце ярко сияло, отражаясь от снега, слепило глаза. Глаша зажмурилась. В глазах поплыли розовые круги, появилось головокружение. Она остановилась. Посмотрев на подругу, стоящую с закрытыми глазами, Тамара спросила:

– Почему остановилась? Пойдем быстрее.

– Подожди немного, пусть глаза привыкнут к яркому свету.

Девочки по натоптанной тропе направились к чумам. Большие пирамиды, накрытые оленьими шкурами, стояли в беспорядке на поляне среди леса. На вершине каждой торчали концы жердей. Тамара подошла к чуму родителей и откинула полог.

– Проходи, – предложила веселым голосом.

Глаша заглянула внутрь и с испугом отпрянула назад. В темноте кто-то шевелился, покрытый шерстью. Она подумала, что в чуме живет зверь, а подруга решила над ней подшутить.

– Не бойся, проходи, – подбадривала ее Тамара, – это мама.

Когда глаза привыкли к темноте, Глаша увидела женщину, стоящую на коленях и раздувающую огонь в очаге. На ней была меховая парка, испугавшая девочку. В чуме стояла духота и неприятные запахи жира и рыбы. Пол устилали оленьи шкуры по слою лапника. Раздув огонь, женщина повернулась к девочкам и поздоровалась:

– Здравствуйте, здравствуйте, проходите, проходите.

Чувствовалось, что она была осведомлена о приходе Глаши. Засуетившись, поставила над огнем котел с мясом. Затем достала из-под лапника давно приготовленное тесто, подняла подол парки и на голой ноге стала готовить лепешки, отщипывая кусочки теста и шлепая по ним ладонью. На ее смуглом лице с широким носом не было морщин, узкие черные глаза сосредоточенно смотрели на тесто. Приготовленные лепешки положила в золу. От костра тянуло теплом и запахом хлеба. В полумраке трудно было разглядеть обстановку в чуме. В это время в плохо освещенной части чума кто-то зашевелился. Глаша вздрогнула.

– Не бойся, – сказала Тамара, взяв Глашу за руку, – это папа.

Из спального мешка вылез мужчина, приветливо поздоровался и присел к огню. Темное лицо, черные волосы на голове, заплетенные в косички, и одежда были усыпаны светлым ворсом оленьего меха. Веки глаз казались опухшими после сна. Он что-то сказал жене на родном языке. Она сняла котел с огня, достала из него кусок оленины и подала мужу. Следом протянула куски мяса Глаше и дочери. Вынула из золы испеченную лепешку, разорвала на части и протянула каждому. Мясо оказалось полусырым. Эвенки ели его с удовольствием, а Глаша, откусив верхнюю часть куска лучше проваренную, чем весь кусок, с трудом медленно жевала.

– Не стесняйся, ешь, – подбадривала ее Тамара.

Чай пили из алюминиевых кружек с сухарями и брусникой. Крепко заваренный с солью и сливочным маслом он казался Глаше удивительно вкусным. Она впервые за несколько месяцев наелась до отвала. Гостеприимство эвенков ей запомнилось на всю жизнь.

Через несколько дней эвенки забрали своих детей и разъехались по стойбищам. Финна увезли родители на факторию Графит. Немец постоянно жил с родителями. Глаша в интернате осталась одна. Ее часто охватывал страх. Греясь у печки, боялась посмотреть под нары. Там в темноте, ей казалось, кто-то живет, и в любой момент мог оттуда вылезти. Истопник Адам, разжигая печь, как-то спросил:

– Когда тебя заберут из интерната? Не дело одной жить, а мне приходится из-за одного человека печь топить.

– Не знаю, – грустно ответила Глаша.

– Где твои родители живут?

– Папа в Туре.

– Придется тебе ждать открытия навигации, – подытожил разговор Адам.

К концу мая снег полностью растаял в лесу. Наступила теплая пора года. Ночи стали теплыми и короткими. Прилетели перелетные птицы, природа оживала от долгой зимней спячки. Появилась зелень на опушках, начали

расцветать цветы. Растения спешили вырасти за короткое северное лето. Глаша большую часть времени проводила на свежем воздухе. Ей не хотелось находиться в темном и холодном помещении интерната. Она бродила по лесу вдоль многочисленных ручьев, не отходя далеко в сторону, чтобы не заблудиться. Находила прошлогоднюю бруснику, дикий лук и щавель, которые с удовольствием ела. После длительной зимы организм требовал витаминов. Возвращаясь в факторию, нарывала букетик цветов. К сожалению, цветы не имели аромата. Только багульник издавал резкий дурманящий запах. Однажды она увидела в чистой прозрачной воде ручья массу мелкой рыбешки. Опустив руку в воду, почувствовала легкие прикосновения рыбок к ладони. Поймала одну и, полюбовавшись вырывающейся из руки рыбкой, отпустила в воду. Нередко из-под ее ног взлетали рябчики. Вздрогнув от неожиданности, она останавливалась. Рябчики садились на ветки деревьев, вытягивали шеи и разглядывали непрошенного гостя. «Как они похожи на крупных цыплят», – думала Глаша.

Как-то пробираясь по побережью между высокими валунами, она ушла слишком далеко и набрела на заброшенное стойбище эвенков. Другой раз наткнулась на кладбище. Ее удивляли странные находки. К одному дереву была привязана подушка, к другому парка с иголкой и нитками.

Однажды к ней в интернат зашел одноклассник, немец Филипп, и предложил пойти с ним покурить. Глаше надоело одиночество, она обрадовалась возможности общения и согласилась пойти с Филиппом. Они зашли за сарай около его дома. Он раскурил самокрутку и протянул Глаше. После нескольких затяжек ей стало плохо, кружилась голова, появилась рвота. Филипп испугался и пригласил Глашу в дом.

– Мама, – обратился он к встретившей их женщине, – у Глаши почему-то рвота.

Та, взглянув на худое с синяками под глазами лицо девочки, предложила:

– Садитесь к столу, я вас накормлю.

Это был второй случай за время проживания в интернате, когда Глаша досыта наелась вкусной еды. В остальные дни она ходила полуголодной и ей всегда хотелось есть.

Иногда Глаша выходила на высокий берег Тунгуски и просиживала на валежине до рассвета. Перед восходом солнца лес на противоположном высоком теневом берегу становился сплошным темным частоколом. Постепенно за ним на востоке занималась заря, освещая кромку небосвода. Солнце, приподнявшись из-за горизонта, просвечивало лес яркими лучами. Затем огненным шаром выкатывалось над лесом, освещая всю окрестность. Казалось, что оно висит над вершинами деревьев. Природа оживала. Со всех сторон разносилось птичье пение. Пернатые концертом встречали наступление нового дня. У Глаши на душе становилось светло и радостно. Она поднималась с колодины и с хорошим настроением отправлялась в поселок.

В Туре

1

Глаше шел одиннадцатый год. Она получила письмо от отца, в котором он сообщал, что летал на похороны отца Елисея Францевича и привез в Туру мать Агафью Прокопьевну. Глашу к себе не приглашал. Тревогой наполнилось сердце девочки. Она понимала, что никому теперь не нужна.

Ледоход прошел быстро и бурно. Вода в Нижней Тунгуске поднялась на несколько метров от зимнего уровня, затопив все отмели, с большой скоростью несла льдины, била ими по скалистым берегам, в пониженных участках заносила их далеко на берег, в притоках заставляла течение повернуть вспять. Ночи становились светлыми.

Навигация началась только в июле. Первым пришел пароход «Летчик Алексеев». Директор интерната купил Глаше билет четвертым классом, дал узелок с продуктами, завел на пароход и оставил около бака с кипятком. Она не отходила от бака ни на шаг, считая, что где ее оставили, там и должна ехать. Когда пассажиры набирали кипяток, из крана вырывался пар со специфическим запахом железа. Спала на палубе, подстелив газету.

Из этого плавания ей запомнился участок правого берега реки, заросший кипреем. Он заполонил большую площадь, на которой когда-то размещалась сгоревшая фактория Шпат. Высокие цветы розовым цветом разлились по склону до ближайшего леса.

При подходе парохода к Туре Глаша не отходила от борта парохода, всматриваясь в берег. Она думала: «Встретит ли меня отец, если не встретит, то где его искать?». Еще издали увидела на причале высокую фигуру отца. Рядом с ним стояли бабушка и Лиза с дочкой Валей. Сердце радостно забилось. «Меня ждут, – думала она, – теперь закончатся все мои мучения, буду счастливо жить в семье».

Тура – поселок, административный центр Эвенкийского автономного округа, расположен в месте впадения в Нижнюю Тунгуску реки Кочечум в зоне субарктического климата. Зимние температуры здесь достигают ниже шестидесяти градусов. Поселок со всех сторон окружен гористой местностью, состоящей из бесчисленного ряда кряжей, прорезанных множеством рек и ручьев. До советской власти здесь было стойбище эвенков и единственная в округе купеческая лавка, в которой можно было обменять пушнину на продукты и товар.

Грудзинские жили в домике по улице Школьной рядом с Домом пионеров. Комната разделялась на две половины печью и деревянной перегородкой. Глаше отвели место в передней на полу у печки. Спала она на куске войлока, под голову подкладывала валенки, укрывалась пальтишком. Напротив, у окна, на деревянном диване спала семидесятилетняя бабушка, подстелив под себя оленью шкуру и положив голову на подушку, привезенную из Идринского. За перегородкой стояли стол и две кровати. Одна для Вали, вторая для родителей. На них лежали перины, застеленные покрывалами с кружевами, и подушки, прикрытые модными накидками. Лиза любила уют.

Агафья Прокопьевна еще в Идринском любила в свободное время ходить в лес на сбор ягод и грибов. Она всегда старалась внести свой вклад в общее

питание семьи. Увидев у соседей ведра с крупной голубой ягодой, с удивлением воскликнула:

– Какая крупная ягода! Где вы ее брали? У нас на родине такая ягода не растет.

– Это голубика, – ответила Валентина, – можете сходить в лес и набрать.

– Я не знаю здешнего леса, могу заблудиться.

– Не заблудитесь. Идите вдоль ручья, протекающего за поселком, и он приведет вас к зарослям голубики.

В воскресный день все семейство собралось в доме. Между Александром и Лизой шла словесная перепалка. Агафья Прокопьевна взяла лукошко и громко произнесла:

– Обед готов, я пошла в лес по ягоды.

– Бабушка! Возьми меня с собой, – закричала Глаша.

– Быстро собирайся.

Девочка обрадовалась. Ей надоело слушать перебранку родителей. Она боялась попадать на глаза отцу и тихо сидела в передней за печкой. Быстро надела пальтишко, повязала голову косынкой и выскочила на улицу вслед за бабушкой.

Лес их встретил запахами смолы и растений, пением птиц и журчанием ручья. Глаше казалось, что лес сказочный. В нем не было подлеска, низкие лиственницы и редкие сосны стояли далеко друг от друга, не создавая затемнения и мрака; встречались заболоченные участки. Вдоль ручья тянулись густые заросли кустов ольхи, казавшиеся светло-зелеными в лучах яркого солнца. Под ногами лежала мягкая моховая подстилка, в которую ноги проваливались, как в перину. Неожиданно из брусничника выскочила белка и, заскочив по стволу на нижнюю ветку дерева, стала с любопытством рассматривать людей.

– Бабушка! Смотри, белка!

– Вижу.

– Что она делала в траве?

– Наверное, собирала ягоды или грибы.

Глаша подошла к полянке брусничника, из которого выскочила белка, и присела на корточки. На веточках длинными гроздьями висели зеленые ягоды брусники, крупные начинали белеть. Раздвинув кустики, увидела на мху кучки прошлогодней сморщенной красной брусники. Она взяла несколько ягодок и положила в рот. Раздавив во рту мягкие ягоды, почувствовала приятный кисло-сладкий вкус.

– Бабушка! – закричала внучка, – здесь вкусные ягоды.

– Оставь их белочке. Мы идем за другими ягодами.

Заросли голубики начались на пониженном участке леса вдоль ручья. Некоторые кусты росли между галек и валунов у самой воды. Ближние кусты были уже обобраны. Дальше ягодник раскинулся голубым озером среди зеленого леса. Кусты с крупными ягодами достигали Глаше до пояса. Она срывала по ягодке и с удовольствием ела, затем стала набирать горсть и ссыпать в рот. Только когда на зубах появилась оскомина, стала бросать в лукошко, но ягоды по-прежнему просились в рот, и рука периодически отправляла их туда.

Агафья Прокопьевна, заполнив свою корзину голубикой, подошла к внучке:

– Дай-ка я посмотрю, сколько ты уже набрала?

– Скоро будет половина лукошка.

Бабушка помогла внучке наполнить ее небольшое лукошко, и они отправились домой.

Глаша любила собирать грибы больше, чем ягоды. Идет, бывало, с бабушкой по лесу и любуется неописуемой красотой. В лесу светло, чисто, словно кто-то подмел моховой покров. Ни пней, ни поваленных деревьев. Иногда девочка вздрогнет от шума крыльев слетевшего с дерева глухаря или остановится понаблюдать за белкой, сидящей на ветке и поднявшей кверху пушистый хвост.

Маслята большими семьями росли на моховых полянках. Их светло-коричневые шляпки лежали на мху. Длинные тонкие ножки проходили через слой мха до грунта. Срезанная шляпка казалась жирной и прилипала к пальцам, нижняя сторона отливалась яркой желтизной. Иногда к шляпкам прилипали сосновые иголки, оторвать которые стоило труда. Нарезать маслят корзинку много времени не требовалось. Дома бабушка резала грибы и раскладывала для сушки, самые мелкие мариновала. Маринованные грибы имели белый цвет, были скользкими, словно смазанные маслом, и очень вкусные. Глаша иногда маленький грибок не могла раздавить во рту, он выскальзывал при прикосновении к нему зубами. В таких случаях она глотала его целиком. Зимой, когда варился грибной суп, по дому разносился грибной аромат, напоминающий об ушедшем лете.

Александр Елисеевич с каждым днем становился раздражительней. Его одолевала болезнь, он сильно похудел. О Польше уже не мечтал. По ночам кашлял и задыхался.

Бабушка готовила еду, мыла посуду, следила за чистотой в передней, часто подбеливала печь. Глаша один раз в неделю мыла полы, выскребая половицы до желтизны охотничьим ножом. Лиза все свободное время вышивала. Падчерица подходила к ней сзади и внимательно следила за движением рук мачехи.

– Хочешь попробовать? – как-то спросила ее Лиза.

– Хочу.

У девочки оказались «золотые руки», очень скоро она научилась вышивать гладью.

К Грудзинским часто забегала соседка Валентина и всегда удивлялась:

– Лиза, какая ты обиходница, в доме чистота, пол сияет, как яичко в Пасху.

Мачеха промолчит, а Глаше обидно, что за ее труд хвалят Лизу.

Вскоре настало время сбора брусники, а затем клюквы. Бабушка всегда брала с собой внучку на сбор ягод. Глаша была рада оказаться в лесу. Здесь она раскрепощалась, ей доставляло радость увидеть запоздалый масленок, выглядывающий из-подо мха, кочку, усыпанную красными ягодами. Хотелось танцевать и петь. Особое восхищение всегда доставляли бурундуки и белочки, встречающиеся довольно часто.

Ягоды бабушка ссыпала в ящики из-под спичек, где они замерзали и сохранялись всю зиму.

Наступил сентябрь, Глашу отвели в школу. Ее приняли в третий класс. Через несколько уроков учительница поняла, что Глаша не освоила программу второго класса, и ее перевели во второй класс. Дома отец спросил:

– Как дела в школе?

– Перевели во второй класс.

Такой ответ привел Александра Елисеевича в ярость, ему стало стыдно за дочь. Он схватил ремень и выпорол ее.

Училась Глаша плохо. Частенько получала тройки и двойки. Сказывался год учебы с эвенками: она забыла, чему ее научили в первом классе в идринской школе.

Приходит как-то она из школы, отец сидит за столом. Перед ним стоит бутылка со спиртом и стакан. Он пьет небольшими порциями, чтобы заглушить боль, которая его мучила.

– Что нового в школе? – спросил Глашу.

– У нас появился преподаватель музыки.

– Какие были уроки?

– Чтение.

– Что получила?

– Не спрашивали.

– Какие еще были уроки?

– Арифметика.

– Что получила по арифметике?

– Двойку.

Отец словно ждал такого ответа, соскочил со стула, схватил ремень и с каким-то исступлением, словно заглушая внутреннюю боль, стал пороть дочь. Устав, опустился на стул и спросил:

– Какие еще были уроки?

Сквозь слезы, с трудом сдерживая рыдания, она ответила:

– Пение.

– Какую песню пели?

– Споемте друзья . . .

– Пой! – приказал отец.

Глашу душили слезы, горло сковывал комок обиды, она не могла петь. Отец вновь хватал ремень и начинал наносить удары. Выбившись из сил, начал задыхаться и, упав на кровать, произнес:

– Паразитка! Ты меня в могилу загонишь.

Подобные сцены повторялись периодически. В его словах звучала патологическая ненависть к дочери. На ней он хотел выместить какую-то затаенную внутри злобу.

Запомнился Глаше еще один случай: приходит домой, отец обедает. Как всегда, на столе стоит бутылка спирта. Увидев дочь, начал спрашивать про учебу. Узнав, что получила двойку, схватил ремень и со словами: « Ах, ты курвы кусок», начал ее пороть.

В такой семейной обстановке Глаша прожила год.

Всего лишь раз похвалил отец дочь за учебу после разговора с учителем пения. Он встретил учителя пения Козловского на улице, и они разговорились.

– У вашей дочери большие способности к пению, – сказал учитель.

– Лучше бы были способности к математике, – ответил Александр Елисеевич.

– Не скажите. Талант к музыке дан не каждому. Я посмотрел на нее, когда сидела за фортепиано, сложилось впечатление, что она несколько лет играла на этом инструменте.

Как-то Глашу послали подмести пол в сарае. В углу среди мусора лежало яйцо. Она не знала, что все куры неслись в гнездах, а одна ежедневно откладывала яйцо на полу. Подумав, что яичко снесла одна из соседских куриц, которые бегали во дворе, разбила его и выпила. Бабушка Анастасия Даниловна часто давала ей сырые яйца. В обед за столом зашел разговор о том, что Пеструшка впервые не снесла яйцо или кто-то его забрал.

– Глаша, ты видела в сарае яйцо? – спросил отец.

– Не видела, – машинально ответила дочь, чтобы избежать наказания.

– Ты же сегодня подметала пол в сарае, – вмешалась в разговор Лиза.

– Ах, ты негодница, – вскипел отец, схватил ремень и начал пороть дочь. Он бил ее не за яйцо, а за то, что соврала.

– Папочка! Миленький! – кричала Глаша, – заливаясь слезами, – я больше не буду так делать никогда.

Александр Елисеевич отпустил дочь, только когда выбился из сил. Глаша понимала, что наказание впервые получила заслуженно. Во всех других случаях считала наказания несправедливыми.

Отдушиной для девочки был Дом пионеров, который почти всегда пустовал. При каждом удобном случае она убегала туда. При входе в здание сидела дежурная – приветливая женщина, симпатизирующая Глаше. Она с радостью встречала девочку и с удовольствием разговаривала с ней. У нее, видимо, как и у Глаши, отсутствовали близкие люди, с которыми можно было бы поговорить и поделиться своими чувствами. Бывшая учительница, по воле судьбы или недругов оказавшаяся в ссылке, любила детей. Ида Дмитриевна никогда не сидела без дела. На столе перед ней лежали разноцветные кусочки тканей, из которых она изготавливала прекрасные цветы.

– Научите меня делать цветы, – попросила ее Глаша.

– Обязательно научу. Сегодня почитай мне вслух книжку, которую я приготовила для тебя.

В следующие посещения она просила юную собеседницу рассказать сказку или пересказать содержание накануне прочитанного текста. Так день за днем Глаша приучалась к чтению. Их беседы затягивались на несколько часов. Дома ей частенько попадало за длительное отсутствие, но ради нескольких часов покоя и милых бесед она терпела любую ругань.

Однажды вечером за ужином у отца закончился спирт. Александр Елисеевич был в хорошем настроении, желудок не беспокоил, ему захотелось повысить тонус, и он крикнул:

– Глашка! Сходи в столовую за спиртом.

– Саша, хватит тебе сегодня пить, – попыталась остановить мужа Лиза, – на улице темнота, мороз трещит. Не посылай девочку.

– Тебе моих денег жалко? – возмутился муж. – Тебе нравится, когда я задыхаюсь!?

Глаша надела коротенькое пальтишко, в заплатах, ботинки с дырами в подошвах, из которых торчала солома. О такой обуви говорят: «просит есть». Повязалась платком и вышла из дома, зажав в одной руке бумажную купюру, в другой – четушку, называемую «мерзавчиком». Ее окутала темнота полярной ночи и встретил мороз ниже сорока градусов. Она постояла несколько минут, чтобы глаза привыкли к темноте. Наружного освещения в те годы не было. С Тунгуски дул пронизывающий ветер – хиус. Руки мгновенно окоченели. Засунув «мерзавчик» подмышку, а руки в рукава пальтишка, пошла по мерзлой дороге, изрезанной осенью тракторами. Шла медленно, спотыкаясь о кочки, сердце каждый раз замирало от страха. Она боялась гнева отца, если упадет и разобьет стеклянную четушку.

Работницы столовой с удивлением смотрели на маленькую замерзшую девочку, переступившую порог. Первые минуты она стояла, молча, осторожно вынимая руки из рукавов, чтобы не разбить бутылочку, торчавшую из-под мышки. Женщина старше среднего возраста подошла к ней и забрала четушку. Глаша, вынув руки из рукавов, протянула помятую купюру.

– Ты, чья будешь? – Спросила женщина.

– Грудзинская.

– Разве в доме никого не было, чтобы послать в столовую?

Девочка насупилась, опустила глаза и молчала.

– Не хочешь разговаривать – не надо. Иди к печке погрейся, мы напоим тебя чаем.

– Не хочу чая. Мне надо скорее вернуться домой.

– Разве там кто-нибудь умирает?

Глаша вновь промолчала. Она знала, что будет скандал в доме, если задержится с возвращением. Обратный путь показался короче. Она осторожно ставила ноги на неровный мерзлый грунт, боясь упасть, разбить «драгоценный» груз и рассыпать мелочь, зажатую в кулаке.

В начале лета неожиданно арестовали отца. Причину ареста никто из близких родственников не знал. Чем мог не угодить властям работник кинофикации, трудно было представить. Лиза решила покинуть Туру, и вся семья на пароходе «Багратион» покинула негостеприимную Эвенкию. Пароход на буксире тащил за собой баржу с заключенными. Высокая вода подступала к крутым скалистым берегам, пароход шел мимо утесов, поросших низкорослыми деревьями, которые держались на скалах, пустив корни в расщелины. Глашу не интересовали береговые пейзажи, ее внимание было приковано к барже, на которой надеялась разглядеть отца. Когда пароход приставал к берегу для погрузки дров, она вместе с пассажирами сходила на берег и направлялась к барже, чтобы увидеть отца, но охрана не разрешала подойти близко. Судьба не предоставила ей возможность увидеть отца на барже и когда-нибудь в дальнейшей жизни.

На пароходе плыла семейная пара, которой приглянулась Глаша. В разговоре с ними она бесхитростно рассказала о своих злоключениях. Им стало жалко девочку и, не имея своих детей, они решили удочерить Глашу. Разыскали Лизу и предложили отдать им Глашу, обещали удочерить и дать образование. Лиза ответила отказом:

– У нее есть мать.

– Так она же находится в заключении, – пытались они уговорить Лизу.

– Скоро выйдет на свободу, что я ей тогда скажу.

В Туруханске Лиза сдала падчерицу в детский дом. Ей не хотелось тратиться, чтобы везти Глашу с собой в Идринский и сдать там в детский дом. А свекровь оставила на причале, дожидаться парохода до Красноярска, сама с дочкой улетела самолетом. С тех пор Глаша никогда не видела Лизу и ничего о ней не слышала. Лиза не появилась в Идринском, имея достаточно денег, заработанных в Туре, улетела в неизвестном направлении. История повторилась. Когда-то прадеда Глаши Суворова Георгия Михайловича бросила в беде жена-полячка и уехала в Польшу. Теперь жена отца бросила его и всю его семью.

2

Директор Туруханского детского дома Егоров Николай Васильевич встретил Глашу приветливо. Разговаривал, не показывая своего превосходства, ни одним словом не унижая ее достоинства. Он деликатно расспросил ее о прошлой жизни. Затем сказал:

– Сейчас тебя проводят в баню, выдадут новую одежду. Несколько дней придется пожить в изоляторе. Нам надо выяснить: нет ли у тебя каких-нибудь болезней. Если обнаружим, обязательно вылечим.

Одиночество в изоляторе угнетающе действовало на девочку. Ее одолевала тоска по близким и беспокойство за свое будущее. Томила неизвестность. Она подошла к дежурной и попросила:

– Разрешите мне сходить к бабушке?

– Покидать изолятор запрещено, – строго ответила дежурная.

Глаша изменилась в лице: рухнула надежда увидеться с родным человеком, возможно, в последний раз. Дежурная заметила перемену в настроении девочки и смягчилась:

– Где живет твоя бабушка?

– Она на причале ждет пароход.

– Сходи, повидайся, но долго не задерживайся.

Глаша несколько раз навещала бабушку, которая нашла приют под брезентом, прикрывающим какие-то ящики на причале. Здесь же ожидали пароход и другие пассажиры, в том числе и семейная пара, с которой Глаша познакомилась на пароходе. Они на берегу разводили костер, варили еду, спали под брезентом. Увидев Глашу, завязали с ней беседу, попросили рассказать про ее жизнь на фактории. Затем Лидия Николаевна достала из чемодана блокнот и карандаш, предложила нарисовать что-нибудь на память. На листке бумаги вытянулось дерево, под ним присела девочка, которую в спину толкал олень.

– Что означает этот рисунок? – спросила Лидия Николаевна.

– В интернате не было туалета, все оправлялись за кустами. Олени эвенков с удовольствием поедали соленый снег. Однажды я присела у дерева, а олень подошел сзади и стал легонько носом толкать меня, чтобы я быстрее освободила ему место.

– Удивительный случай, – произнес муж Лидии Николаевны, – и так образно изображен на рисунке.

Он, видимо, находясь в Туре, не интересовался жизнью эвенков. Зимой в стойбищах оленеводы заносят в холодную часть чума снежные блоки и ночами справляют на них малую нужду. Затем эти блоки выставляют оленям, которые в ожидании лакомства подходят к чумам.

Семейная пара сделала еще одну попытку уговорить, теперь уже бабушку, отдать им девочку. Агафья Прокопьевна, как и Лиза, категорически им отказала:

– Ребенок не вещь, чтобы его дарить, представьте себя на месте ее матери, когда она узнает, что ее дочь отдали незнакомым людям.

Постоянно отпрашиваться из изолятора Глаша не могла, боялась отказа. Прибежав на причал в очередной раз, не нашла бабушку. Все люди, ожидавшие пароход. Она посмотрела вдоль Енисея в надежде увидеть пароход, увозящий бабушку. Река не оправдала ее надежд, она казалась враждебной. По ней на север увезли отца, а теперь уплыла на родину бабушка. На Енисее виднелась одна единственная лодка рыбака. Глаша отвернулась от реки и медленно стала подниматься на высокий берег. Сердце девочки разрывалось от боли. «Увижу ли я когда-нибудь бабушку?» – с чувством горечи думала она. Понурив голову, брела в детский дом, готовая заплакать в любой момент. Одиночество и тоска по близким людям тревожили детскую душу.

Жизнь в детском доме Глаше понравилась. Здесь было самообслуживание. Питание хорошее: вкусные супы, разнообразные каши, часто рыбные блюда. Она забыла о постоянном чувстве голода. Воспитанники всегда были заняты, не бездельничали и не устраивали потасовки, как в интернате фактории. У нее появились подружки.

Детдом располагался около стадиона, недалеко от причала. Глаша часто выходила на берег Енисея и подолгу смотрела вдаль. Она не любовалась рекой, она встречала пароходы, в надежде, что на них мог приплыть кто-нибудь из родственников за ней. Пароходы швартовались к причалу, пассажиры проходили мимо. Среди них не было ни родственников, ни знакомых. С тяжелым чувством одиночества каждый раз она возвращалась в детский дом.

– Что с тобой? – обычно спрашивала подруга Лена.

– Бабушка уплыла, и никому я не нужна.

– Так она и должна была уплыть.

– Мне хотелось с ней проститься и поговорить.

– Напиши письмо и расскажи, что хотела сказать, – резонно замечала подруга.

Глаша написала письмо бабушке и получила ответ, в котором та сообщила адрес матери в Норильске. С волнением и надеждой писала Глаша письмо маме. Медленно тянулись дни ожидания ответа, но мать ей не ответила.

В начале учебного года всем детям сделали прививку «перке». У Глаши реакция оказалась положительной. Этого следовало ожидать. Ее отец постоянно кашлял, не соблюдая правила гигиены. Глашу с группой детей посадили на пароход «Мария Ульянова» и отправили в санаторно-лесную школу, расположенную в деревне Лебедь. В группе были не только дети из интерната, но и больные дети, привезенные из стойбищ остяков и кето.

Сейчас трудно сказать, с какой целью отправляли детей. Скорее всего, для изоляции от здоровых, а не для лечения, поскольку лечения там не было.

В деревне Лебедь

1

Селение вытянулось одной улицей вдоль соснового леса на берегу Енисея. Место благодатное для охотников и рыбаков. В тайге в изобилии водилась разная дичь. Жили, в основном, за счет добычи соболей и белок, дорого ценившихся в послевоенное время. Добывали лосей и медведей. Мясо было круглый год. Река издавна славилась ценными породами рыбы. На столах жителей осетрина появлялась чаще, чем в московских ресторанах. Вот в этой деревне и разместилась санаторно-лесная школа. Деревянные здания школы и столовой стояли на краю селения. Напротив, через улицу – интернат для девочек. На противоположном конце селения размещались интернат для мальчиков и изолятор. В интернатах жили дети эвенков, болевшие туберкулезом. Всем приехавшим выдали раскладушки на деревянных ножках и матрасовки, набитые сеном. Ткань раскладушек порвалась в первую же ночь, и Глаша свалилась на пол. На раскладушки пришлось положить топчаны, сбитые из трех досок, между которыми щели достигали нескольких сантиметров. Сено в матрасовках скоро истерлось и его, сдвинутого в один конец матраса, хватало только на то, чтобы положить под голову. Глаша старалась лежать на средней доске. Ночью скатывалась на щель, доски давили на тело, из щелей несло холодом. Укрывалась суконным одеялом и накинутым сверху пальтишком. Вокруг нее спали больные дети на таких же раскладушках. Просыпалась она с дрожью от холода. Каждое утро фельдшер измерял всем температуру.

Уже стояли холода. В Туруханском детдоме Глаше не успели выдать валенки, уезжала в распутицу, в полуботинках. Здесь всем полуботинки поменяли на калоши. В интернате жили девочки – «националы», на несколько лет старше Глаши. Чулки у нее украли в первые дни приезда. Разбираться со старшими по возрасту не решалась, а жаловаться не принято. В столовую приходилось ходить в резиновых галошах на босые ноги. Столовая недалеко – всего через дорогу. Холодный пронизывающий ветер с реки, иногда со снегом, обжигал голые ноги. Они обветрели, потрескались, словно кто-то изрезал бритвой. Прибежав в столовую, хотелось погреться у печи, стоящей у двери, но еще сильнее хотелось есть. Ноги отогревала собственным телом, положив ступню одной ноги под колено другой. Кормили отвратительно. В суп повар клал

мелкую водянистую картошку. Наедалась Глаша только, когда на второе была перловая каша с ложечкой масла. Чай, заваренный местными травами и забеленный молоком, пили с кусочком хлеба. Глашин желудок не воспринимал этот чай, и после него ее всегда тошнило.

На окраине деревни размещалась звероферма по разведению черно-бурых лисиц. Для них содержали стадо коров и выращивали корнеплоды. Однажды мальчик принес в общежитие девочкам корнеплод турнепса. Увидев его, воспитательница Мария Федоровна возмутилась:

– Как тебе не стыдно! Ты же его украл!

– Я его нашел, – оправдывался воришка.

– Раз уж он у нас, – смягчилась воспитательница, – давайте его съедим.

Девочки овощ помыли, почистили, разрезали на тонкие ломтики и поджарили на металлической печи. Всем достался маленький кусочек. После однообразной еды в столовой, его вкус показался необыкновенным. Сожалели, что очень мало.

Первыми начали болеть девочки – аборигенки. К зимним каникулам половина детей лежали в постелях. К ним каждый день приходила фельдшер Лидия Кондратьевна, измеряла температуру, давала таблетки.

На Глашу напала хандра. Сидит на скамеечке, вспоминает Идринское, двоюродных братьев, с которыми купалась в реке. Как было весело и приятно лежать на горячем песке. Теперь на душе тоска, в груди что-то ноет и покалывает.

Фельдшер Лидия Кондратьевна, проходя мимо Глаши, греющейся у печки, обратила внимание на ее состояние:

– Что-то ты, стрекоза, приуныла, дай-ка я замерю у тебя температуру.

Термометр показал тридцать восемь градусов. На следующий день – сорок.

– Быстро в постель и не вставай, – скомандовала фельдшер, – завтра принесу валенки и отправлю в изолятор. Он уже готов.

На следующий день температура не спала. Термометр по-прежнему показывал сорок градусов.

Больной помогли надеть валенки и повели в изолятор, находящийся на другом конце деревни. По дороге она потеряла сознание.

Очнулась Глаша через две недели – похудевшей, осунувшейся, похожей на скелет. Ее практически не лечили. Лекарств для инъекций не было, а таблетки девочка без сознания проглотить не могла. К ней наклонилась женщина и, улыбаясь, стала ее целовать. Глаша подумала, что к ней приехала мама:

– Мама, дорогая, ты меня нашла, – с трудом прошептала больная.

Внутреннее чутье подсказало, что это не мама. «Может кто-нибудь из родственников приехал забрать меня из детдома», – промелькнула мысль.

– Это не мама, – ответил незнакомый голос.

– Кто вы?

– Я санитарка Ксения, выходившая тебя.

Лечили ее подручными средствами, в основном, прикладыванием мокрых тряпок. В лазарете к Глаше положили деревенскую девочку, больную менингитом. Она в бреду постоянно кричала и материлась.

Проснувшись рано утром, Глаша обратила внимание на тишину и снова заснула. Когда проснулась, девочки уже не было на месте.

– Где девочка? – спросила у санитарки.

– Ее увезли, – ответила та.

В дальнейшем выяснилось, что девочка умерла. В ту зиму в интернате скончалось несколько человек.

Лидия Кондратьевна металась между общежитием и лазаретом. До конца навигации прошлого года не завезли медикаменты, обещали прислать доктора, но он не приехал. Добросовестная женщина делала все, что могла, но летальных случаев избежать не удавалось.

Пролежала Глаша в постели с января до середины мая. Ксения откармливала ее, принося из дома еду, заботилась, как о родной дочери. Она договорилась на звероферме брать для нее молоко. Каждый день на завтрак Глаша получала стакан кипяченого молока и кусочек хлеба с маслом. Такой завтрак повторялся в течении нескольких месяцев. Он девочке так опостылел, что она в дальнейшем много лет не могла переносить запах кипяченого молока. Иногда Ксения спрашивала пациентку:

– Что тебе хочется?

– Жареной картошки.

– Картошку тебе еще нельзя.

– Почему?

– Запретила Лидия Кондратьевна.

Фельдшер для Глаши была незыблемым авторитетом. Они вместе пели и танцевали в Новый год у елки. Лидия Кондратьевна похвалила девочку и относилась к ней с особым чувством симпатии. Детская душа это чувствовала и всегда с трепетом ждала ее ежедневного посещения изолятора. Глаше нравилась ее стройная фигура в белом халате, светлые густые волосы, приветливая улыбка на устах и ласковый голос. Каждый раз, присев на край кровати, она клала руку на лоб девочки, хотя прекрасно знала, что у нее нет температуры, и спрашивала:

– Как самочувствие, стрекоза?

– Не знаю.

– Дела идут на поправку, – вмешивалась в разговор Ксения, – сегодня попросила жареной картошки.

– Ни в коем случае, после долгого голодания жареную картошку нельзя, – произносила уже строгим голосом Лидия Кондратьевна и добавляла: – Мы еще потанцуем с тобой, Глашенька.

После ухода фельдшера Ксения спрашивала:

– Почему ты сегодня кричала во сне? Что тебе снилось?

– Видела корову, она хотела меня забодать.

– Раз не забодала, значит – скоро поправишься.

Когда Глашу выписали из изолятора, она с трудом передвигала ноги. На улице у нее закружилась голова, шла, шатаясь от бессилия и опьянев от свежего воздуха. Останавливалась у каждого столба, держась за него, отдыхала. Шла вторая половина мая, еще сыпал снег, покрывая одежду белым слоем. Проходя

мимо домов, она видела в окнах свое отражение и не узнавала себя. На нее глядело худое с ввалившимися щеками и глазами лицо.

Учебный год скоро закончился. Глаша с трудом сдала контрольные работы на тройки. У девочек появилось много свободного времени, чтобы гулять и изучать окрестности деревни. В одну из ночей на Енисее послышались взрывы. Могучая река, как богатырь, расправляла плечи и рвала оковы. Она с оглушительным шумом, крушила ледяной панцирь. Утром все воспитанники интерната побежали на берег реки смотреть ледоход. Поднявшаяся в Енисее вода поднимала толстый слой льда, и, ломая его, с гулом медленно понесла вниз по течению. На одной из льдин вдоль берега несло корову. Лед шел сплошной массой, по нему можно было добежать до кромки и, спрыгнув в воду, выбраться на берег, но путешественница не делала попыток спастись. Льдины поднимались на дыбы, наползали друг на друга, создавали торосы, издавая шум и скрежет. На одной из льдин стоял дощатый домик с металлической трубой над крышей Его не успели убрать рыбаки. Среди льдин мелькали бревна и поленья дров. Река спешила на север, унося с собой лед, и все, что ей удавалось захватить на залитых берегах. Вода поднялась на несколько метров, заносила льдины далеко на берег. Некоторые, зацепившись за кусты и деревья, оставались на берегу после спада паводка. Тихая речка Лебедянка, впадающая в Енисей на северной окраине поселка, потекла вспять. Енисейская вода, поднявшаяся на несколько метров, хлынула вверх по ее руслу, неся с собой массу льда.

Ребята, налюбовавшись ледоходом, пошли в столовую.

– Мне очень жаль корову, – сказала Глаша, – она, наверное, утонет.

– Ты узнала, чья это корова? – спросила ее Лиля Калуцкая.

– Нет, не узнала.

– Это корова немцев переселенцев Беккер.

– Ты откуда знаешь?

– Я была у Вити дома и видела их корову.

– Все коровы одинаковые, как можно узнать чужую корову?

– У этой коровы лоб белый и нет рогов.

Предположение Лили подтвердилось: Витя пришел в школу со слезами на глазах.

– Витя, что случилось? – спросил кто-то из ребят.

– У нас пропала корова.

У Глаши появились слезы на глазах, ей стало жалко не только корову, но и Витю Беккера. Он ходил в школу в дамских туфлях на каблуках, в брюках выше щиколотки с обтрепанными штанинами. Бахрому ниток на штанинах не обрезал, чтобы не укорачивать длину брюк. Ей вспомнился еще такой случай: закоченев в холодной школе, Витя клал ногу на ногу и начинал крутить носком туфли около раскаленной печи. Девочки доставали из галош босые ноги и подражали ему. Пальцы белые, сморщенные как пальцы рук во время полоскания белья в проруби. Всем было смешно и весело.

На обед подали пустой суп и, как всегда, перловую кашу. Глаша после болезни не могла ее есть, у нее стали появляться боли в животе. Не имея жизненного опыта, она терпела и стеснялась обратиться к фельдшеру. Ребята

услышали от взрослых, что перловую крупу называют шрапнелью, стали называть ее дробью. Обычно на вопрос: что сегодня на обед? Отвечали: опять дробь с подливом.

Енисей красив и после ледохода. Глаша любила выходить на берег и любоваться могучей рекой. В безветренную погоду она тихо и спокойно несла свои воды в Северный Ледовитый океан. По фарватеру проходили белые пароходы, буксиры с баржами, нагруженными пиломатериалами и другими грузами для северных селений. Чаще всего буксиры вели огромные плоты из бревен, на которых стояли домики для сплавщиков, на натянутых леерах развевалось выстиранное белье, звучала музыка. Там шла другая жизнь, у Глаши замирало сердце, ей хотелось уплыть с ними на север, где в далеком Норильске в заключении живет ее мама. Может, ей удалось бы разыскать и увидеть ее.

Проводив взглядом очередной буксир, Глаша спускалась к воде на отмель и брела по чистому белому песку, который приятно грел ступни босых ног. У уреза воды стояли лабиринтами поленицы дров для пароходов. Дальше на берегу лежала еще не растаявшая до конца толстая большая льдина. Ее лед был ноздреватым и состоял из множества вертикальных ледяных палочек, напоминающих сосульки. Девочка не удерживалась от соблазна и, отщипнув палочку, начинала сосать и грызть.

2

С южной стороны поселения протекал неширокий бурлящий ручей. Девочки подошли к нему и остановились, прислушиваясь к его журчанию. Каждой казалось, что он что-то шепчет . . . Лиля подошла по галькам к ручью и опустила руку в воду, которая ударяла по ней и обожгла холодом. Глаша вспомнила Нижнюю Тунгуску, ее перекаты и пороги. Ручей казался миниатюрой большой и бурной реки.

– Девочки, – обратилась к подругам Глаша, – давайте перейдем на другой берег ручья.

– Вода ледяная, а ручей глубокий, – ответила Лиля.

– Попробуем перебраться по дереву, поваленному через ручей, – поддержала предложение Лена.

Вся компания весело побежала вверх по течению к поваленному дереву. Его корни лежали на правом берегу ручья, а вершина на противоположном. Держась за ветки, все благополучно перебрались на левый берег ручья. На поляне вдоль ручья цвели цветы. Каких только не было! Медуницы с мелкими голубыми цветочками, от которых исходил душистый аромат, напоминающий запах меда. Они расцветали первыми и оповещали всех, что закончился холодный период года. Дальше на поляне росла высокая трава, среди которой повсюду виднелись жарки с крупными ярко-оранжевыми бутонами.

Стоял июль, солнце теплыми лучами заливало окрестность, цветы, радуясь теплу и свету, развернули бутоны в его сторону. Воздух был насыщен запахами трав и ароматами цветов. Состояние природы передавалось девочкам. Они весело и громко переговаривались, шли по поляне, утопая почти по пояс в траве, и собирали цветы. Иногда из-под ног взлетали серенькие птички с длинным

клювом и коротким хвостом. Они с писком улетали, выписывая виражи над травой. Неожиданно девочки услышали хруст веток. В нескольких шагах перед ними стоял медведь. В ужасе, не сговариваясь, все бросились бежать к поваленному дереву. Быстро перебежали по нему и остановились только у Енисея перевести дух и посмотреть: не гонится ли за ними медведь. Зверь спокойно стоял на четырех лапах около ручья, сосредоточенно всматриваясь в воду и не обращая внимания на людей.

Девочки побрызгали водой помятые цветы и направились в общежитие. На душе у Глаши было неспокойно. От испуга исчезло прекрасное утреннее настроение.

– Почему медведь не погнался за нами? – спросила Лиля.

– Наверное, был сытый, – ответила Лена, – или мы показались ему не вкусными.

– Тебе, Ленка, шуточки, а я страшно испугалась, – сказала Глаша.

Обычно девочки входили в общежитие шумной и веселой толпой. На этот раз они вошли молча, с сосредоточенными лицами. Воспитательница Мария Федоровна, увидев необычное состояние девочек, спросила:

– Почему грустные? Что случилось?

– Мы видели медведя, – ответила Лиля.

– Где вы его видели?

– На другом берегу ручья.

– Какой леший вас туда понес?

– Мы ходили за цветами.

У Марии Федоровны расширились глаза, изменилось выражение лица, с носа свалилось пенсне и повисло на шнурке, казалось, что это она увидела медведя.

– Девочки, дорогие, – произнесла она, придя в себя, – никогда не ходите за пределы деревни, это очень опасно. Медведей развелось так много, что почти каждый день деревенские мужики отгоняют их выстрелами от пасущихся коров. Вы меня поняли?

– Поняли, – недружно ответили воспитанницы.

Через несколько дней охотники привезли на телеге для детей интерната мясо и кровь медведя. Они добыли зверя при его нападении на стадо коров. Лицензии на отстрел медведя у них не было. Опасаясь наказания за браконьерство, решили сдать добычу в интернат. Работники столовой поили детей свежей медвежьей кровью, наливая ее в алюминиевые кружки. Оставшуюся кровь пожарили и подали на ужин с кашей. Еда получилась вкусной и сытной. На следующий день дети с удовольствием ели котлеты из медвежатины.

Лидия Кондратьевна, вернувшись из Туруханска и узнав, что детей поили медвежьей кровью, не на шутку испугалась и всполошилась. Она организовала медицинский осмотр всех, кто пил медвежью кровь, заставила у всех измерять температуру.

– В чем дело? Чем вы обеспокоены? – спросила Ксения.

Всегда спокойная и выдержанная фельдшер взорвалась:

– Как ты могла допустить, чтобы детей поили медвежьей кровью?

– Я не знала, что нам привезли медвежатину. Почему нельзя пить медвежью кровь?

– Тебе не знакома болезнь трихинеллез?

– Не знакома.

– Мне тоже была не знакома до одного случая, – смягчила голос фельдшер.

– Какого случая, расскажите?

– К моему знакомому охотнику заехали два геолога перед отлетом в Красноярск. Он накануне добыл медведя. Приятелям захотелось строганины. Они с удовольствием закусывали медвежатиной спирт. Один спросил:

– Мы не поймаем какую-нибудь инфекцию от сырого мяса?

– Спирт поможет все переварить: и мясо, и любые микробы – ответил второй, больше перчи и не волнуйся.

Геологи уехали, а у охотника через две недели появилась высокая температура. Сбить температуру ничем не удавалось, ни народными средствами, ни жаропонижающими таблетками. Еще через неделю появилась сыпь на теле и боль в мышцах. Геологи с такими же симптомами обратились в поликлинику Красноярска. Их госпитализировали и, узнав, у кого они ели сырое мясо, дали телеграмму в Туруханск разыскать охотника. Его самолетом отправили в Красноярск, и вернулся он только через месяц. Так что придется у ребят измерять температуру три недели» – подвела итог разговора Лидия Кондратьевна.

К счастью, признаков болезни выявлено не было. Приближался сентябрь, началась подготовка к новому учебному году. В деревне работала только четырехклассная школа. Воспитанников, перешедших в пятый класс, отправили на катере в Туруханский детский дом. Глаша плыла в компании Лили Калуцкой, Карла Тофмана и Гены Азанова. Катер шел вдоль правого берега Енисея. Мотор гудел, не давал возможности детям разговаривать. За кормой от работы винта оставалась кильватерная струя, которая тянулась светлым хвостом на фоне темной воды Енисея. На пологих прибрежных участках реки повсюду валялись бревна, на высоком скалистом берегу сплошным частоколом стоял хвойный лес.

В Туруханске

Туруханск – административный центр Туруханского района – расположен на правом берегу Енисея при впадении в него Нижней Тунгуски. Город находится в 1474 километрах от Красноярска и всего в 120 километрах южнее «полярного круга». Зимняя температура опускается ниже пятидесяти градусов. Основано селение как зимовье в семнадцатом веке мангазейским воеводой Д. Жеребцовым. В дальнейшем, служило местом ссылки противников царского режима, а в тридцатых годах прошлого века в Туруханском крае были созданы специальные лагеря для осужденных. Освободившиеся заключенные имели ограниченные права, им запрещалось выезжать за пределы края. Они селились в Туруханске и вблизи него. Сегодня здесь можно встретить немцев, поляков, латышей, эстонцев и людей других национальностей.

Директор детского дома Николай Васильевич Егоров доброжелательно встретил детей, прибывших из санаторно-лесной школы. Он узнал Глашу. У него

была профессиональная память. Каждого ребенка, побывавшего в его заведении, он запоминал навсегда.

– Как себя чувствуешь, Глашенька? – обратился к ней.

Глаша удивилась, что он запомнил ее имя и ответила:

– Ничего.

– Ничего – пустое место. Ты немного подросла, но сильно похудела. У нас быстро поправишься.

Детей сначала отвели в баню, переодели в новую чистую одежду. Глаша приятно удивилась, когда ее с Лилей поселили к двум девочкам в четырехместную комнату. На окне и двери висели шторы, на полу лежал половик. Сопровождавшая их воспитательница Эмма сказала:

– Ваши кровати ближе к двери. У окна спят девочки, которые сейчас на дежурстве.

– На каком дежурстве? – спросила Лиля.

– У нас самообслуживание, вам придется дежурить на кухне и в столовой, летом подметать двор, а зимой чистить дорожки от снега, стирать и гладить белье и многое другое. До ужина можете погулять на улице, – предложила воспитательница и удалилась.

– Что будем делать? – спросила Глаша.

– Пойдем гулять, – ответила Лиля и направилась в коридор.

На улице дежурные девочки подметали на дорожках листья и складывали в корзину. На клумбах под окнами отцветали последние астры. Кирпичи, обрамляющие клумбы, недавно побеленные известкой, придавали чистоту и опрятность двору.

Глаша попыталась разыскать Лену, с которой подружилась при первом посещении детского дома, но ее в детском доме уже не было.

На ужин прибывших девочек посадили за один стол с теми, что проживали в их комнате.

– Теперь вы будете в нашем звене, – сказала одна из сидящих за столом девочек.

– Почему в вашем звене ? – удивилась Лиля.

– Потому что за каждым столом сидит по четыре человека – это звено. Мы будем вместе дежурить. Вы согласны?

– Конечно! – в один голос ответили новенькие.

К их столу подошла девочка с подносом в руках. Она смотрелась как заправская официантка. Вышитые белый фартук и белая коронка на голове были накрахмалены и тщательно отглажены. Поставив на стол тарелки с варениками, вежливо произнесла:

– Приятного аппетита.

Вторая девочка принесла какао, хлеб уже лежал на столе.

Глаша немало удивилась такому обслуживанию. В санаторно-лесном интернате воспитанники стояли в очереди с мисками перед стойкой раздачи пищи.

Стоило только скушать вареники с черникой, как их тарелки забрали и унесли.

Директор детского дома во всем прививал детям культурные навыки и доброжелательное отношение к людям. Прошло больше полвека, а выпускники продолжают вспоминать его только добрыми словами.

Лиля с удивлением произнесла:

– Где повара берут чернику?

– Ягоды в лесу собирают воспитанники, в детдоме остаются только дежурные, – пояснила Эльза.

– Вот здорово! – обрадовалась Лиля, – а нам в Лебеде запрещали ходить в лес. Там много медведей.

На следующий день объявили поход в лес за грибами. Стояли последние солнечные дни августа, чувствовалось приближение осени, солнце ярко светило, но не грело, как летом. Девочки шли, окружив преподавателей, большинство толпились около Софьи Александровны – преподавателя швейного дела. Каждой хотелось взять ее за руку и идти рядом с ней. Глаша шла в сторонке и наблюдала за происходящим. Она еще почти никого не знала и присматривалась к происходящему вокруг.

Лес встретил грибников дыханием осени. Под ногами шуршали опавшие листья. В тени деревьев чувствовалась прохлада и сырость. Повсюду раздавались звонкие голоса ребят:

– Я нашел семейку моховиков, – кричал Карлуша

Так окрестили ребята Карла Гофмана.

– Получай еще масленок, – ответил Гена и запустил в него червивым масленком.

Маслята росли повсюду: на мху, на твердой хвойной подстилке и даже на натоптанной тропе. Набрав две большие корзины грибов, дети, счастливые и довольные, шумной толпой направились в обратный путь.

– Девочки, – обратилась Софья Александровна, – проверьте, не остался ли кто-нибудь в лесу.

– У нас даже двое лишних, – ответил кто-то, – появились двое новеньких.

– Какие же они лишние, если собирали грибы вместе с нами, – улыбаясь, ответила Софья Александровна.

Она давно наблюдала за Глашей, из личного дела девочки знала ее судьбу. Учительница обратила внимание на ее необщительность и подозвала к себе:

– Давай познакомимся, меня зовут Софьей Александровной, а как тебя зовут?

– Глашей.

– Я буду преподавать рукоделие. Что ты умеешь делать?

Девочка вспомнила, что у Лизы училась вышивать, а у Иды Дмитриевны – делать цветы. Немного подумав, ответила:

– Цветы из ткани и вышивать гладью.

– Это прекрасно, я научу тебя еще шить одежду.

За разговорами время пролетело быстро. Грибы сдали на кухню. Повариха Ирма, принимая грибы, радостно воскликнула:

– Какие молодцы, столько грибов набрали, а у меня уже тесто готово.

В детском доме работали ссыльные немки, литовки и эстонки. Имена этих национальностей часто слышались и среди воспитанников.

В этот день на обед подали вкусный суп, пирог с грибами и компот. После похода в лес, Глаша с аппетитом кушала и думала: «Как хорошо, что здесь не кормят перловкой». Ей настолько надоела перловая каша, что даже став взрослой, она ее никогда не готовила.

Мальчики в свободное время ходили на рыбалку. Они на перекате Тунгуски ловили хариусов. При удачном лове повара готовили к обеду уху или пекли пироги.

Кормили воспитанников как в хорошем санатории. На завтрак обычно подавали кашу, хлеб с маслом и какао. В полдник – молоко с булочкой. В обед суп, разнообразные вторые блюда и компот. На ужин – выпечка. Чаще всего пироги.

Вскоре наступила очередь дежурства звена, в которое входила Глаша. Первую неделю девочки работали на кухне: приносили воду и дрова, чистили печь и выносили золу, чистили картошку и мыли посуду. Работали с увлечением, постоянно шутили и смеялись. Повариха посмотрит на расторопных веселых девчат и скажет:

– Наверное, сегодня вам за дежурство поставим четверку.

– Что вы! Что вы! Мы так стараемся, – закричат, бывало, девочки на разные голоса.

– Успокойтесь ради Бога, я пошутила. Будет вам за сегодняшнее дежурство красный цвет на экране.

В коридоре висел лист ватмана, раскрашенный разными цветами. На нем звеньям за дежурство закрашивались квадратики красным, синим, желтым или черным цветом. Для девочек было делом чести заслужить красный цвет, что соответствовало отличной оценке.

Следующее дежурство проходило в столовой. Это была самая любимая работа Глаши. Ей нравилось красоваться в белом переднике с короной на голове. Особое удовольствие доставляли пожелания детям приятного аппетита. Хлеб и компот девочки выставляли на столы до прихода ребят, а горячие блюда разносили на подносах. После обеда тщательно подметали пол и вытирали столы.

Столовая служила и для проведения массовых мероприятий. Здесь, кроме столов у стены стояли пианино и шкафы с книгами. За этими столами готовили уроки, читали книги, девочки вышивали. В спальнях разрешалось только спать.

Дежурство на улице доставляло не меньшее удовольствие, особенно зимой. Старшие мальчики чистили крышу и наваливали сугробы снега около здания, детвора с криком прыгала в эти снежные кучи. Ребята на крыше, дождавшись этого момента, посыпали их снегом. С шумом и визгом те выскакивали из сугроба. Дежурное звено очищало от снега крыльцо и дорожку. К середине зимы дорожка походила на траншею, высота стенок которой достигала роста первоклашек. Девочки с трудом раскидывали снег, но всегда содержали дорогу в идеальной чистоте.

Дежурство в прачечной не обременяло девочек и имело свои прелести. Руководила стиркой гречанка Магдалина. Маленького роста, ниже, чем девчата, она была спокойной и не суетливой. Девочки относились к ней с уважением и

нежностью. Стирку вели в несколько этапов. Первоначально белое белье кипятили со щелоком, затем стирали на стиральных досках с хозяйственным мылом в большой деревянной шайке, стоящей посредине бани. Девочки копошились как муравьи вокруг шайки, а Магдалина ходила около них и уговаривала:

– Милые мои, экономьте, пожалуйста, мыло.

– Хорошо, хорошо, – отвечали те и продолжали натирать белье. Им нравилась пена на поверхности воды, по которой ударяли ладошками, и пузыри разлетались во все стороны.

В летнее время полоскать белье ходили всем детским домом на Тунгуску. Его складывали в корзины и на телеге везли к реке. Под руководством воспитателей все следовали за телегой. Полоскание белья превращалось в общее веселье. Воспитанники бегали по воде, брызгались, купались. Не умеющие плавать надували мокрые наволочки ударом по воде и плавали с ними.

После сушки белье гладили в кастелянной на узком длинном столе паровыми утюгами на углях. Если угли плохо разгорались, приходилось выходить на улицу и раскачивать утюг. Обычно трое гладили, а одна девочка раскладывала белье по полкам.

У мальчиков свои дежурства. Они пилили и кололи дрова, возили воду для кухни и прачечной, вывозили мусор и отходы столовой, косили сено, сгребали и стоговали его, ходили в ночное. Зимой сено вывозили к скотному двору. Самым любимым у них считалось дежурство на скотном дворе. Там ухаживали за конями и коровами, чистили стойла и давали корм.

Если кто-то из малышей капризничал, ему говорили: «Когда подрастешь, не попадешь на скотный двор, не будешь чистить коней и расчесывать им гривы». Это предвещало страшное наказание и всегда действовало безотказно.

При получении двойки в школе, воспитанник отстранялся от дежурства. Ему приходилось сидеть в помещении и готовиться к исправлению оценки. От одиночества и сознания того, что работу приходится выполнять троим из его звена, становилось грустно, тоскливо и стыдно.

У девочек любимым занятием считалось шитье и рукоделие. Вход в швейную мастерскую находился рядом с квартирой директора детского дома. Занятия вела его жена Софья Александровна – женщина красивая, интеллигентная, любящая детей.

Летом она обычно выводила девочек из душного помещения на свежий воздух. Все усаживались на крыльцо и продолжали занятие. Вышивали «ришелье» и гладью маки, васильки и колоски в корзине. Глаша быстро освоила технику вышивания. Ее страшно удивило, что одна девочка без разрешения расплела косу Софьи Александровны, расчесала волосы и стала заплетать новую косу. Вспомнилась тетя Рита, которой она тоже расчесывала волосы и заплетала косу. Рита всегда говорила: «Глашка! Не дери волосы». Софья Александровна, посмотрев на Глашу, оценила ее состояние и тихим ласковым голосом спросила:

– Глашенька, тебе тоже хочется расчесать мне волосы?

Девочка не ожидала такого внимательного обращения, чуть не заплакала и не смогла ответить. Тогда Софья Александровна взяла расческу у девочки, которая

ей владела и протянула Глаше. С чувством благодарности Глаша начала робко и осторожно расчесывать волосы и заплетать косу.

– У тебя золотые руки, – услышала похвалу, – я сейчас усну. Пойди в мою квартиру и попробуй усыпить Юру. У него подошло время сна, а он днем плохо засыпает.

Глаша пошла в квартиру Егоровых. Она почувствовала себя спокойной и уверенной. У кроватки сидела бабушка и укачивала внука.

– Здравствуйте, мне разрешила Софья Александровна покачать Юру.

– Покачай, покачай, милая, а то у меня работа стоит, а он никак не засыпает.

Глаша положила руки на ограждение кроватки, стала легонько качать и тихо петь. Скоро Юра уснул и проспал два часа.

Через некоторое время Софья Александровна предложила Глаше:

– Хочешь некоторое время пожить в нашей семье? Тебе не надо будет ходить на дежурства, появится больше свободного времени читать книжки. Если понравится жить у нас, мы тебя удочерим. С ответом не торопись, подумай хорошенько, ответишь позже.

Предложение вызвало смятение в душе девочки. Егоровы ей нравились. Николай Васильевич – добрый, но строгий человек относился к воспитанникам доброжелательно. «Вдруг дома он ведет себя так, как обращался со мной отец» – думала она. Вспомнила двоюродного брата Эдика, с которым приходилось водиться. Юра со временем может оказаться такой же обузой для нее, как Эдик. «В дом, в котором живет мужчина, жить не пойду» – решила Глаша.

Через несколько дней Софья Александровна спросила:

– Какое решение ты приняла на мое предложение?

– Останусь жить с девочками.

Софья Александровна не ожидала такого ответа, но хуже относиться к Глаше не стала.

Старшие девочки учились кройке и шитью. Они постоянно тренировались разбирать и собирать каретку швейной машины. Глаша внимательно следила за их действиями. Разбирать каретку умели все, а вот собрать получалось не у всех. Софья Александровна заметила, что Глаша переживает за девочек, и спросила:

– Ты сможешь собрать?

– Смогу.

– Собери.

Каретка была быстро собрана.

Со временем Глаша сама выкроила и сшила себе платье из ткани в горошек. Она гордилась этим платьем и очень его любила. В мастерской почти не было отходов. Из маленьких лоскутков готовили пуговицы, зашивая в них копейки или кусочки ткани.

В послевоенные годы в детских домах страны воспитывались тысячи детей. Милиция постоянно отлавливала беспризорников и направляла их в детские дома. Эти учреждения не пользовались хорошей славой. Туруханский детдом, оторванный от железнодорожных и автомобильных дорог, считался редким исключением. Стараниями директора Н.В.Егорова в нем поддерживались порядок

и дисциплина, но и в нем иногда происходили события, выходящие за рамки обыденной жизни.

Воспитанников, поехавших на реку за водой, встретили незнакомые ребята. Вместо приветствия, чтобы завязать знакомство, старший мальчик произнес:

– Закурить есть?

– Мы не курим, в детдоме курить запрещено, – ответил Альбик.

– Так вы детдомовские?

– Ну и что из этого? – произнес Витька, поднимая большой ковш на деревянной ручке.

Он подумал, что если возникнет скандал, огреет кого-нибудь из незнакомцев ковшом.

– Мы тоже детдомовские, – сообщил тот же мальчик.

– Что-то мы вас там не видели, – вмешался в разговор Альбик.

– Мы из Енисейского детского дома.

– Зачем здесь оказались?

– Мы сбежали. Меня зовут Ленькой, а это – мой брат Колька.

– Приходите в наш детдом. Николай Васильевич хороший человек, обязательно примет.

– Надо сначала присмотреться, где-нибудь поблизости пожить.

Альбик проникся уважением к ребятам, которые сбежали из детдома и проделали путь от Енисейска до Туруханска. Ему и самому приходила иногда мысль сбежать, но не знал куда бежать. Он предложил:

– Мы устроим вас на сеновале. Поживете там и решите, как поступить дальше.

Секрет проживания беглецов на сеновале постепенно становился известным многим. Альбику приходилось постоянно обращаться к дежурным по столовой за едой для новых друзей. Слух о новых жителях детдома дошел до директора. Николай Васильевич вечером пришел в сарай и скомандовал:

– Быстро слезайте с сеновала, я посмотрю, что вы за перелетные птицы.

В ответ ни звука, гробовая тишина.

– Повторять не буду, сейчас залезу на сеновал и сброшу вниз.

Ребята начали спускаться по высокой лестнице. Перед Егоровым предстали мальчики тринадцати и одиннадцати лет.

– Следуйте за мной, – произнес твердым голосом Николай Васильевич и вышел из сарая.

В кабинете при электрическом свете он молча рассматривал ребят, стараясь понять их характеры. Старший выглядел самоуверенным, младший – смущенным.

– Прежде всего, давайте познакомимся, Меня зовут Николаем Васильевичем.

– Мы знаем, – произнес старший мальчик.

– Прекрасно, а как прикажите величать вас?

– Я Ленька, а это мой брат Колька.

Директору не понравилось такое «величание», но он не стал преждевременно воспитывать ребят.

– Как оказались в Туруханске?

– Приплыли на пароходе «Мария Ульянова».

– С кем приплыли?

Егоров знал, что в послевоенные годы жулики часто использовали детей в своих целях, передвигаясь с ними по стране.

– Одни.

Отвечал только старший мальчик, по внешнему виду младшего было видно, что он с ответами брата полностью согласен.

– Откуда приплыли?

– Из Енисейска.

– Там живут ваши родители?

– У нас нет родителей, мы жили в детдоме.

– Почему остались без родителей?

– Папа погиб на фронте, мама погибла во время эвакуации из Украины.

– Наш поезд разбомбили фашисты, – впервые подал голос младший брат Коля.

– Почему же вы оказались в Енисейском детском доме?

– Нас первоначально направили в Ступишенский детдом Кемеровской области.

– Почему там не пожилось?

– Мы сбежали на фронт, чтобы мстить фашистам за отца и маму.

– Удалось повоевать?

– Нас поймали в поезде и отправили в Красноярск, а затем в Енисейск.

– Хороший у вас послужной список, – произнес Николай Васильевич и задумался, – что же мне с вами делать?

Ребята молчали, ожидая своей участи.

– Поступим так, – продолжил он разговор, – вы остаетесь у нас, а я свяжусь с Енисейским детдомом и приму окончательное решение.

Братья Ивакины оказались бойкими и энергичными ребятами. Они постоянно бегали, устраивали возню и предлагали бороться. Воспитанников с немецкими именами невзлюбили, обзывали фашистами и дрались с ними. От них неоднократно попадало и девочкам-немкам из Глашиной комнаты. Однажды приходит Эльза в слезах и жалуется, что ее пнул Ленька. Приподняв платье, показала подругам синяк на ноге. На этом терпение девочек кончилось. Лиля предложила:

– Надо Леньке Ивакину устроить «темную».

– Что ты предлагаешь? – спросила Глаша.

– Эльза сейчас пойдет и толкнет Леньку за нанесенный синяк. Он бросится бежать за ней, а мы его встретим.

Такого Ленька не ожидал, чтобы его ударила девочка, да еще немка. От возмущения он забыл, что мальчикам запрещалось заходить в комнаты девочек, бросился за Эльзой и влетел за ней в комнату. На его ногах затянулась петля, и он с разгона полетел на пол. В мгновение на нем оказалось одеяло, и девочки от души колотили его кулаками. Он кричал, ругался, обещал отомстить, но удары продолжали сыпаться на его голову. В коридоре был слышен его голос. Кто-то улыбался, кто-то смеялся, но на выручку никто не спешил.

После этого случая Ленька стал посмешищем в детдоме. В одну из ночей братья сбежали.

В детдоме появилась новенькая девочка Таня четырех лет. Она не расставалась с красивой большой куклой и постоянно плакала, тихо всхлипывая. Слезы текли по щекам и попадали на прижатую к груди куклу. Ее лицо выражало растерянность и горе. Глаше стало жалко малышку, и она, подойдя к ней, предложила:

– Давай вместе поиграем куклой.

В глазах девочки появился испуг, она сильнее прижала к себе куклу и отвернулась. Игрушка, подаренная мамой, – единственная вещь, которая осталась у нее от прежней жизни, она дорожила ею и боялась потерять.

Со временем выяснилось, что мать этой девочки работала бухгалтером в райисполкоме и не перечисляла всех денег, предназначенных для санаторно-лесной школы в деревне Лебедь. Ее осудили, а дочь отправили в детский дом.

По субботам – банный день. Мыться ходили по очереди, за этим следили дежурные. Перед помывкой подходили к бачку с разведенным карболовым мылом и намазывали им головы с короткой стрижкой. Не обходилось, конечно, без обливания друг друга водой. Не возбранялось облиться холодной водой или поваляться в снегу. После мытья одевались в чистую одежду, полученную у кастелянши Эрики, и направлялись пить чай.

В столовой за пианино уже сидела Мирза Карловна, и по залу разливалась мелодия вальса Штрауса. Глаша не отходила ни на шаг от любимой воспитательницы, когда та сидела за пианино. Мирза Карловна чувствовала любовь девочки к музыке и однажды пригласила ее в кино. Шел фильм-оперетта «Роз - Мари». На обратном пути она спросила.

– Тебе понравился фильм?

– Очень, очень, спасибо вам.

– Что больше всего понравилось?

– Песня «Зов влюбленных».

– А мне «О, Роз - Мари! О, Мэри!»

В дальнейшем Мирза Карловна часто играла эту мелодию во время утренней зарядки. Однажды она входит в столовую, а там Глаша наигрывает одним пальцем мелодию «Зов влюбленных».

– Глаша! – удивилась она, – ты запомнила мелодию?

– Запомнила.

– А я не запомнила. Играй до конца.

Когда музыка стихла, Мирза Карловна расцеловала Глашу, села за пианино и начала играть прослушанную мелодию. В дальнейшем, чтобы доставить удовольствие любимой воспитаннице, она часто играла эту мелодию.

Воспитанники детского дома к праздникам обычно давали концерты в клубе. В день выборов состоялся большой концерт, в котором приняли участие и местные артисты, по воле судьбы оказавшиеся в Туруханске. Глаша исполнила песню «Ой, цветет калина». После концерта к ней подошла женщина среднего возраста и заговорила с прибалтийским акцентом:

– Девочка, у тебя хороший голос и большие задатки, тебе надо учиться. Приходи по выходным в клуб. Придешь?

– Обязательно приду.

– Вот и договорились, до встречи, – произнесла незнакомка и ушла к своим коллегам.

Всю неделю Глаша думала о встрече в клубе, похвала артистки взволновала ее, и она решила поделиться своими мыслями с Мирзой Карловной.

Выслушав воспитанницу, та сказала:

– Я давно поняла, что с твоим слухом и голосом надо учиться в музыкальной школе, но до поры до времени решила не говорить. Тебе выпал счастливый билет, желаю успехов. Надеюсь, что когда-нибудь услышу твой голос по радио или с профессиональной сцены.

Дождавшись воскресенья, Глаша, как на крыльях, побежала в клуб. Ее ожидала Ядвига Альгисовна. Так представилась уже знакомая женщина.

– Спой свою самую любимую песню, – попросила она.

Глаша исполнила песню из кинофильма «Кубанские казаки». Воспитанников недавно водили на этот фильм.

– Ты с нотами знакома? – спросила Ядвига Альгисовна.

– Видела.

– Этого недостаточно, начнем с изучения нот.

За зиму Глаша научилась многому, она впитывала в себя все новые и новые произведения, душа жила музыкой. В ее исполнении звучали произведения Шопена «Желание», Глинки «Жаворонок», Моцарта «Колыбельная» и другие.

Мирза Карловна следила за успехами своей воспитанницы и постоянно поддерживала общение с Ядвигой Альгисовной.

Как-то Глаша возвращалась из клуба с новой подругой. Миля ей предложила:

– Зайдем ко мне домой, я познакомлю тебя с мамой.

– А папа у тебя есть?

– Конечно, есть.

– Он дома?

– Наверное, дома.

– Я не могу пойти к тебе – скоро в детском доме обед.

– Пообедаешь у нас.

– Не обижайся, но я не пойду к тебе.

Глаша боялась встреч с мужчинами в семейной обстановке. Она не знала, что семейные отношения могут быть иными, чем в семье ее отца и деда.

Весной в Туруханск приехал с концертом ссыльный музыкант. Глашу повели на прослушивание. Ее нарядили в американские подарки, которые сейчас называют «секенд хенд»: красивое платье, туфли с каблуками. На голову повязали бант.

Лиля, провожая подругу, предостерегла:

– Смотри, чтобы тебя не украли такую красивую.

– Не украдут, я не дамся.

Маэстро, прослушав Глашу, предложил подготовить совместный репертуар. Все понимали, что это выше всякой похвалы и пригодится девочке при поступлении в музыкальную школу.

Судьба благоволила девочке, в детском доме собирались направить ее учиться в музыкальную школу. Ее любовь к пению могла превратиться в профессию. Но события, которые вскоре произойдут, в корне изменили ее жизнь. Этому немало способствовала обстановка в комнате общежития. Девочки-немки часто рассказывали о своих мамах, вспоминали семейные праздники, подарки, которые им дарили в Новый год. Их рассказы, пропитанные материнской любовью, наводили на Глашу грусть. Она никогда не видела свою мать и не знала материнской любви. Ей до боли в сердце хотелось увидеть свою маму, обнять ее и почувствовать ее ласку. У нее наворачивались на глаза слезы, к горлу подкатывался комок, и она начинала плакать. Вслед за ней начинали плакать все девочки. Постепенно плач переходил в рыдания, которые слышались в коридоре, но их никто не беспокоил и не утешал. Такие сцены периодически повторялись и назывались «выть».

Лиля иногда скажет Глаше:

– У тебя есть мама, ты когда-нибудь увидишь ее, а у меня мамы нет.

Эти слова еще больше возбуждали желание Глаши увидеть свою маму.

Проплакавшись, девочки на следующий день, как ни в чем не бывало, принимали участие во всех мероприятиях, но их сердце постоянно страдало из желания увидеть своих матерей.

Жизнь в Туруханском детском доме запомнилась Глаше как счастливый отрезок ее нерадостного детства. Она стала привыкать к нормальным человеческим отношениям. Ее никто не оскорблял и не называл «паразиткой». Как все девочки, мечтала о маме. Ее желание увидеть мать усиливалось после разговоров с девочками. Они всегда говорили, что Глаша счастливая, ее мать жива, и она сможет когда-нибудь с ней встретиться. В своих мечтах перед сном она доводила себя до такого состояния, что ей начинало казаться, что мама гладит ее по голове. Периоды грез проходили, мечты забывались в активной повседневной жизни, приоритетом становились занятия вокалом.

Мать никогда не писала писем дочери. Дочь не знала ее характера и внешнего облика.

В один из зимних дней душевный покой Глаши нарушил мальчик, принесший ей записку. Он протянул смятую мокрую бумажку и произнес:

– Какой-то мужчина в аэропорту просил передать тебе.

Глаша взяла в руку измятую мокрую бумажку, с текстом, написанным химическим карандашом. Слова расплылись, многие нельзя было прочитать.

– Почему она мокрая?

– Ребята толкнули меня в сугроб, и в карман попал снег.

На тетрадном листе читались только слова: «Здравствуй Гл . . . .я спешу. Дядя Коля уже улетает . . .».

Глаша побежала к печке и стала сушить письмо. Когда листок высох, он сморщился и прочитать что-то дополнительно к прочитанной части текста не удалось.

Сердце девочки учащенно стучало, мысли сменяли одна другую. Чувство радости обуяло ее. Свершилось то, о чем она мечтала многие годы. Из письма бабушки Анастасии Даниловны она знала, что мать вышла замуж. «Значит это письмо от мамы», – мгновенно мелькнула мысль. «Мама, милая мама, наконец, ты нашла меня», – тихо шептала, чтобы слышать звук слова, которое никогда не произносила.

Она не знала, как ей поступить: рассказать о письме подругам и воспитателям или умолчать. После размышлений решила, что это дело личное и не стала никому рассказывать. Страдала, мучилась, ожидала дальнейших событий или писем, но ничего не происходило. Постепенно история с письмом забылась как сон. Учеба, дежурства, посещения музыкальных занятий вытеснили ее на дальний план.

Прошел ледоход на Енисее, затем вынесла лед Нижняя Тунгуска на просторы могучей реки. На север днем и ночью тянулись нескончаемые табуны гусей и уток. В небе над рекой разносились гортанные гусиные крики. Они спешили к местам своего гнездования. Глаша часто, стоя на высоком берегу Енисея, провожала их взглядом, вспоминала гусей Михайловых, гусака, который клюнул ее. Ей становилось грустно, воспоминания наводили тоску, она думала: «Гуси летят на родину. Увижу ли я когда-нибудь свою родину: село Идринское, реки Идру и Сыду, своих двоюродных братьев?».

Наступили долгожданные теплые дни короткого северного лета. Девочки собирались пойти в лес за цветами. В это время к Глаше подошла дежурная воспитательница и сообщила:

– Тебя вызывает директор, бегом к нему.

Недоумевая, зачем она потребовалась Егору Николаевичу, Глаша открыла дверь его кабинета, вошла и, поздоровавшись, остановилась у дверей. Он сидел за столом и держал в руках какую-то бумажку. Внимательно посмотрев на девочку, спросил:

– Кем тебе приходится Букашкин?

Глаша обмерла, мгновенно вспомнила письмо бабушки о замужестве мамы и записку.

– Отчим, – тихо ответила.

Егор Николаевич протянул телеграмму:

– Прочитай.

С волнением Глаша читала текст. В телеграмме Букашкин просил директора детского дома подготовить воспитанницу Глафиру Александровну Грудзинскую к отплытию с ним первым рейсом на пароходе «Верблюсов», который прибывает в Туруханск через несколько дней.

– Я поплыву к маме! – обрадовалась Глаша.

– Не спеши радоваться раньше времени. В телеграмме не говорится, что он имеет документы на право забрать тебя из государственного учреждения.

– Какие документы? Его попросила мама забрать меня.

– В детдом должны были заблаговременно поступить документы, заверенные соответствующим образом для передачи тебя этому человеку.

– А если он их привезет?

– Вряд ли. Он плывет из Красноярска, а, насколько я знаю, твоя мать живет в Норильске.

– Что же мне делать?

– Ты находишься в государственном учреждении, я за тебя отвечаю. Будут документы – пожалуйста, я тебя отпущу.

Глаша вышла из кабинета директора подавленной и расстроенной. Судьба улыбнулась ей, ее мечты сбывались, через несколько дней она сможет встретиться с мамой, но из-за каких-то бумажек встреча может не состояться. Первоначально она хотела написать письмо, но пароход придет через три дня. Письмо не успеет дойти до Норильска. Тогда приняла твердое решение: «Убегу из детдома». Желание встретиться с матерью было настолько сильным, что забыла все хорошее, что делали для нее воспитатели детского дома. Неведомая раньше внутренняя сила тянула ее к осуществлению своей мечты. У нее проявился твердый упрямый характер: «Хочу и все». Для достижения своей цели была готова пожертвовать всем.

Наступил день прихода в Туруханск парохода «Верблюсов». По расписанию он приходил ночью. Глаша не находила себе места. Сердце учащенно билось, в висках стучал пульс как молотком по наковальне. Порой ее охватывал страх – боялась, чтобы не сорвался задуманный побег.

После отбоя дежурные воспитатели разошлись по домам. Глаша поднялась с кровати, заправила постель, вылезла через окно и направилась к причалу.

Стояло время белых ночей, но на улице господствовал полумрак. Моросил мелкий дождь, темные тучи висели низко над землей. На енисейском берегу ни одного человека, встречающего пароход. Стоять под дождем не хотелось, и она повернула в сторону детдома. Не успела пройти половину пути, как на реке раздался гудок. Бегом побежала к причалу. По реке проходил буксир с двумя гружеными баржами. Она повернула назад. Глаша несколько раз выходила на берег, услышав гудок проходящих судов. Зимнее пальто промокло. В ботинках появилась сырость, они стали тяжелыми от налипшей грязи. Ноги стало трудно поднимать, и она скользила по грязи как на лыжах, не поднимая ног. На причале стали появляться люди. Ее периодическое появление на причале приметил мужчина и спросил:

– Девочка, что ты делаешь на причале ночью? Почему постоянно бегаешь ?

– Жду пароход «Верблюсов».

– Зачем он тебе?

– На нем плывет папа.

– Первым придет «Сталин», – сказал он, – дебаркадер еще не установили, он станет на рейде, пассажиров свезут на берег катером.

Глаша знала, что завуч Августа Ивановна летала в Красноярск и отправила на пароходе «Сталин» много груза для детского дома. Старших мальчиков предупредили, что их разбудят ночью, и они поедут на подводах за грузом. Вернувшись в комнату, она решила прилечь и немного поспать. Когда начнется шум с побудкой мальчиков, подняться и больше не ложиться спать до прихода «Верблюсова».

Под одеялом согрелась и мгновенно уснула, не слышала побудки мальчиков. Ей показалось, что она только задремала, когда почувствовала толчки в плечо и услышала голос Кольки:

– Глашка! Вставай! На берегу тебя ждут отец и брат.

Она мгновенно соскочила как ужаленная током, спросонья не могла быстро надеть мокрые ботинки. С трудом затолкала в них ноги, рукам не удавалось продеть шнурки в дырочки размокшей кожи. Тогда обмотала шнурки вокруг ног, схватила мокрое пальто и выскочила на улицу. К причалу бежала изо всех сил, не обращая внимания на лужи, встречный ветер моросящим дождем бил ее по лицу. Когда подбежала к берегу, пароход уже развернулся на фарватере и взял курс на север. Она бежала за ним по берегу и кричала изо всех сил. Ей казалось, что ветер останавливает ее крик, слова висят в мокром плотном воздухе. Несколько раз падала, поскользнувшись на мокрых камнях, изранив до крови руки и колени. Вскоре выбилась из сил и охрипла. Из горла вылетали тихие скрипучие звуки.

Пароход продолжал удаляться, его очертания уменьшались, и постепенно скрылся во мгле пасмурной погоды. Силы покинули Глашу, она села на камень и, закрыв лицо руками, хотела зарыдать, но голос не слушался ее.

Дождь продолжал моросить, пальто промокло насквозь, но она этого не замечала. Многое передумала и пережила в ту ночь девочка. Она до боли в груди жалела свою маму, которая с нетерпением ждет свою дочь, а она проспала пароход. Глаша думала, что мать, как и она, переживает разлуку с дочерью, и как только узнает, что дочь в Туруханске, сразу же приедет за ней.

Под утро, когда темное небо начало светлеть, Глаша вернулась в детский дом. Она до неузнаваемости изменилась, стала замкнутой и молчаливой, часто грубила подругам.

Завуч детского дома Августа Ивановна, заметив перемены в воспитаннице, решила с ней поговорить, но та ей нагрубила.

– Глашенька, что с тобой произошло?

– Вот если бы у вас забрали ребенка и отдали бы в детский дом, вам бы это понравилось?

В тот момент она не хотела понимать, что ее никто не забирал. Ее оставила в детдоме мачеха. Глаша была зла на весь мир, ей хотелось, кого угодно обвинить в своем неудачном побеге.

– Глашенька, успокойся, пожалуйста, – как можно ласковее произнесла Августа Ивановна, – расскажи мне о своей беде, и мы вместе подумаем, как тебе помочь.

Воспитанница прониклась доверием к Августе Ивановне, которую и раньше уважала, и подробно рассказала о той злополучной ночи.

Выслушав девочку, Августа Ивановна предложила:

– Глашенька, может, ты некоторое время поживешь в моем доме? У меня нет детей. Через несколько месяцев решишь остаться у нас или дождаться, когда найдется твоя мама. Вернуться в детский дом сможешь в любой момент.

– Не знаю, – неуверенно ответила девочка.

– Вечером приглашаю тебя в гости, посмотреть, как я живу.

Глашу поразила обстановка в доме. В прихожей висело большое зеркало, в котором можно видеть себя во весь рост. В гостиной стоял высокий комод с несколькими рядами ящиков, на котором лежали белоснежные кружевные салфетки. Больше всего удивили Глашу две длинные тонкие вазы, стоящие на комоде. Из гостиной две двери вели в спальни. Показывая на одну из дверей, Августа Ивановна сказала:

– Вот в этой комнате сможешь жить ты, а мы с Федором Ивановичем спим во второй спальне.

Как только Глаша услышала, что в доме живет муж Августы Ивановны, наотрез отказалась от предложения. Она боялась оказаться в семье с мужчиной.

Каждый вечер после отбоя, дождавшись ухода из общежития дежурного воспитателя, Глаша поднималась, заправляла кровать, вылезала через окно и отправлялась на берег Енисея с надеждой, что на очередном пароходе приплывет за ней мать. Стоило появиться на горизонте дымку, ее сердце замирало в ожидании парохода. С приближением к Туруханску оказывалось, что это проходит мимо самоходная баржа. Так за ночь по несколько раз возникала и гасла надежда встретиться с матерью. С наступлением утра отправлялась в общежитие. Спала в эти тревожные дни не более двух часов. Она не представляла себе, что мама может не приехать. Для нее мама была сказочной феей, которая обязательно приедет и осчастливит любящую дочь.

На период летних каникул семья Егоровых уехала в отпуск. Исполнять обязанности директора детского дома осталась Августа Ивановна. Подходит она к Глаше и спрашивает:

– Глашенька, хочешь поехать к маме?

– Конечно, хочу! Вы же знаете.

– От Лушиной мамы пришли документы. Мы должны вернуть ей дочь. Сама она приехать не может – ей запрещен выезд из Норильска. У нас все сотрудники в отпуске, сопровождать Лушу некому. Поедешь ее сопровождать?

– Конечно, поеду! – обрадовалась Глаша.

– Справишься с поручением?

– Справлюсь.

Глашина радость была готова выплеснуться наружу, ей хотелось обнять и поцеловать Августу Ивановну, но она сдержала свои чувства, боясь, что та передумает. Воспитательница наставляла:

– Передашь Лушу и займешься поиском мамы. Если найдешь – пришлешь документы и останешься с мамой. Не найдешь – вернешься в детский дом.

– Когда надо ехать?

– Пароход приходит сегодня, иди, собирайся.

Глаша кивнула головой и помчалась в общежитие. Запыхавшись, вбежала в комнату и стала переодеваться. Она решила поехать в платье, которое сшила сама. Пусть мама знает, что дочь умеет шить.

– Глашка, что с тобой? Что случилось? Куда собираешься? – завалила ее вопросами Лиля.

– Еду в Норильск, – коротко ответила подруга.

– Зачем? Что там будешь делать?

– Меня посылает Августа Ивановна сопровождать Лушу.

– Горбушку? – удивилась Лиля и осеклась.

В детском доме запрещалось называть воспитанников прозвищами, но они иногда за глаза называли. У Луши – девочки очень низкого роста на спине рос горбик.

– У нее освободилась из заключения мама.

– Глашка, какая ты счастливая. В Норильске найдешь свою маму, – тихо произнесла Лиля, и у нее на глазах появились слезы.

Глаша подошла к подруге и обняла ее. Девочки стояли, обнявшись посередине комнаты, каждая со своей думой. Одну душило горе по потерянной матери, вторую – будоражила радость скорой встречи с мамой.

В июле пароход «Сталин» пришвартовался к дебаркадеру в Туруханске. Глашу и Лушу с билетами третьего класса проводили в трюм и устроили на деревянных полках. Им оставили мешок с продуктами, в котором лежали хлеб, мясные консервы и сгущенное молоко. Глаше вручили билеты, карантинные сертификаты, деньги для покупки железнодорожных билетов в Дудинке и на обратный путь. Провожающие ушли, Глаша осталась с тревогой на душе. У нее не было опыта в таких поездках, знаний поведения на борту парохода. Ей в то время было тринадцать лет, а Луше только восемь.

Пароход подал третий гудок, но от дебаркадера не отчаливал. По пароходу забегали матросы и милиционеры. Они несколько раз спускались в трюм и осматривали пассажиров. С большим опозданием пароход отошел от причала. В трюме появилась вибрация от работающих двигателей. Глаше хотелось подняться на палубу и проститься с Туруханском, но она боялась оставить Лушу, которая сидела на полке, свесив ноги, и сосредоточенно смотрела в одну точку. Малоразговорчивая девочка не проронила ни одного слова. В душу Глаши вкрался страх, ее беспокоила неизвестность впереди. Она пыталась представить, что будет делать в Дудинке, но не смогла. В это время в трюме появилась Майка, ведя за руку своего брата Олежку. Она явно кого-то искала. Увидев Глашу, подошла к ней, произнесла приветствие: «Здорово», уселась рядом.

Глаша обрадовалась, увидев бывшую воспитанницу детского дома. «С этой авантюристкой не пропаду», – подумала она.

Майка всегда была на слуху в детском доме, ее часто вспоминали после ее отъезда в Красноярск. Старше всех детей, высокая, красивая с энергичным характером, она всегда лидировала среди воспитанников. В свои шестнадцать лет, имела определенный жизненный опыт

Она не хотела учиться, к четырнадцати годам закончила только четыре класса. Ее направили в Красноярск учиться в ФЗУ, но она не хотела учиться и там. Через год вернулась в Туруханский детдом. Николай Васильевич пожалел девочку и устроил работать помощницей прачки. Немного поработав, она решила, что такая работа не для нее. Украла одеяло, несколько пар чулок, продала их на местном рынке и уехала в Норильск к освободившейся из заключения матери. Текущим летом приехала в Туруханск за братом Олегом, который уже закончил второй класс. В документах недоставало каких-то бумаг, и брата с ней не отпустили. Майка относилась к тем людям, которые не отступают

от намеченной цели. Она долго готовилась к похищению брата, от своих подруг знала обо всех событиях в детдоме. Этой ночью выкрала его и в темноте незаметно прокралась на пароход. За свои поездки изучила все места на пароходе, в которых можно надежно спрятаться. В свои шестнадцать лет могла умело пользоваться женским очарованием.

В детдоме слишком поздно обнаружили исчезновение Олега, подняли переполох, подключили милицию, но беглеца не нашли.

Майка положила руку на плечо Глаше и произнесла:

– Мы все детдомовские, поедем вместе. Двух полок нам хватит.

– Конечно, хватит, – подтвердила Глаша.

– Тебе денег на дорогу дали? – поинтересовалась Майка.

– Дали.

– Сколько?

– Не знаю.

– Дай сюда, я посчитаю.

Пересчитав деньги, объявившаяся подруга заявила:

– Мы едем вместе, поэтому деньги надо поделить поровну.

Она отсчитала часть денег и оставила их у себя, остальные вернула.

Глаша не ожидала такой наглости, была потрясена и не знала, как поступить. Луша сидела безразличная к происходящему.

– Пора спать! – скомандовала Майка, – а то скоро утро. Она бесцеремонно улеглась с братом на одну полку, оставив вторую для Глаши и Луши.

Под мерный шум двигателей и покачивание парохода на енисейских волнах все быстро уснули. Проснувшись довольно поздно, Майка, обращаясь к Глаше, попросила:

– Развяжи мешок, посмотрим, что дали в детском доме на наше пропитание.

Когда Глаша развязала мешок, Майка заглянула в него и воскликнула:

– О-го-го! Продуктов хватит с лихвой на дорогу.

Она не знала, что часть продуктов предназначалось на питание Глаши при возвращении в детдом, вела себя уверенно и нагло. На ее лице мелькала улыбка удовлетворения сложившейся ситуацией.

Глашу поведение Майки потрясло. У нее появилось сомнение: «Зачем я согласилась сопровождать Лушу? – думала она. – Я могу не найти маму, может быть она не ждет меня». Ее настроение ухудшилось от разыгравшегося на Енисее шторма. Река разбушевалась не на шутку. Пароход раскачивался, вздрагивал от удара волн о борт, вода прокатывалась мимо иллюминаторов.

Майка, Олежка и Луша безмятежно спали, а Глашу одолевали беспокойные мысли.

К Дудинке пароход пришел ранним утром. Народ в трюме зашевелился как в муравейнике. Лавина пассажиров с мешками, тюками и чемоданами подхватила ребят и вытолкнула сначала на палубу, а затем вынесла по узкому трапу на берег.

В железнодорожной кассе билеты в Норильск без карантинных сертификатов не продавали. Толпа приехавших отправилась в дезинфекционную баню. Имея справки, Глаша беспрепятственно купила два билета на поезд. Майка заявила:

– Дай мне один билет, маленьким детям билеты не нужны. В Норильске мы расстанемся, оставшиеся деньги надо поделить. Покажи, сколько у тебя осталось?

Глаша впервые в жизни имела деньги, не знала, сколько их у нее, понятия не имела об их ценности.

Майка пересчитала деньги, поделила на две кучки и одну вернула Глаше.

К перрону подали состав с вагонами-теплушками. Глашее показалось, что подъехало какое-то страшное чудовище. Она прижала к себе Лушу и отступила на несколько шагов назад. Луша испугалась сильнее Глаши. Впервые увиденный паровоз внушал страх и удивление. Пассажиры с вещами бросились на штурм вагонов. Лавина людей втолкнула детей в вагон. Среди чемоданов, тюков и узлов стояли пассажиры, приглядывая за своими вещами. В проеме вагона появился кондуктор в черной форме и попросил предъявить билеты. Пробив предъявленные билеты Майкой и Глаши штемпелем, спросил:

– Чьи дети?

Все молчали, у Глаши тревожно забилось сердце.

– Чьи дети? – еще раз спросил кондуктор.

В это время раздался третий свисток паровоза, вагон дернулся. Звук удара буферов покатился от головы поезда к хвосту. Поезд медленно стал набирать скорость, кондуктор выскочил из вагона. Глаша медленно отходила от испуга, она боялась, что Лушу высадят из вагона.

В Норильске

На перрон Норильского вокзала детей вытолкнули из вагона так же, как и втолкнули при посадке в Дудинке. Глаша, спрыгнув с подножки вагона, споткнулась и остановилась растерянной, не зная, куда идти и что предпринять. Из оцепенения ее вывел голос Майки:

– Идем в милицию, там сдашь Лушу, и займемся своими делами.

Майка в свой первый приезд успела изучить город и уверенно вела детвору по улице, застроенной высокими кирпичными домами. Глаша держала Лушу за руку, боясь потерять девочку среди многочисленных прохожих. Оказавшись впервые на тротуаре около высокого кирпичного дома, она почувствовала себя в яме, в которую может свалиться и придавить ее эта каменная стена.

Около здания милиции Майка, обращаясь к Глаше, заявила:

– Мне в милиции делать нечего, идите одни, я вас тут подожду.

Глаша положила на стойку перед дежурным все документы, которые ей дали в детском доме. Он бегло просмотрел их и увел Лушу в соседний кабинет.

– Тебе что еще надо? – удивился вернувшийся милиционер, увидев девочку, стоящую на прежнем месте.

– Мне надо найти маму, она после освобождения живет по адресу, – и назвала номер почтового ящика.

– Милиция не располагает адресами воинских частей, – ответил дежурный.

Глаше ничего не оставалось делать, как покинуть помещение. Девочка не знала, что милиционер мог позвонить и узнать адрес матери или, наконец,

отправить ее в комендатуру, где помогли бы ей найти мать. С грустным видом спускалась она по крыльцу милиции.

– Избавилась от Горбушки? – встретила ее вопросом подруга.

– Лушу взяли, а адрес мамы не знают.

– Пойдем к моей маме, она, может быть, знает адрес.

Майка повела всех в городскую поликлинику, расположенную невдалеке, в которой трудилась ее мать. Она была не конвоированной заключенной, жила в зоне, а на работу ходила без конвоя. Вместе с другими женщинами через день по ночам мыла и дезинфицировала помещения поликлиники.

Дежурство Майкиной мамы оказалось через сутки. Майка бегала по каким-то делам, оставляя Олежку с Глашей. Вечером пошли в кино. Майка купила один билет и оставила спутников ждать ее на крыльце кинотеатра.

Ночевать пошли на конечную автобусную остановку «Нулевой пикет». Там в железнодорожной будке жила знакомая Майке стрелочница. Женщина поставила перед ребятами солдатский котелок с супом из сушеной картошки с макаронами.

– Подкрепитесь, поди, проголодались, – произнесла она, – мне с избытком солдаты приносят.

Глаша, проголодавшаяся за день, с аппетитом ела суп. Она первый раз в жизни видела и ела макароны. В тесном помещении спать улеглись вповалку, подстелив под себя газеты, и прикрывшись Глашиным пальтишком.

Утром отправились в город, бродили по чистым асфальтированным улицам, разглядывали красивые фасады домов. Все здания, приподняты над землей, в цокольных ограждениях небольшие окна без остекления. Некоторые дома стояли без цокольных ограждений как будто на «курьих ножках». Они стояли на сваях, между которыми можно пройти, согнувшись под домом. Яркое солнце нагрело дома, от которых тянуло теплом. Глаша носила в руках пальто и маленький чемоданчик, постоянно поглядывала на платье, которое помялось во время сна на полу. Ей казалось, что все обращают внимание на ее платье. Майка еще раз сходила в кино. Поздно вечером отправились в поликлинику. Там полным ходом шла уборка помещений. Глаша надеялась, что мать Майки сразу же скажет адрес мамы, и утром она отправится к ней. Но та адреса не знала, а долго разговаривать с детьми у нее не было времени. До утра надо вымыть все закрепленные за ней помещения и не опоздать в лагерь. Детей уложила спать в одном из кабинетов, постелив на пол газеты. Чуть свет разбудила, не дала даже возможности умыться и вывела на улицу. Там уже ждали ее лагерные подруги. Она со своими детьми последовала за всеми, не простившись, не сказав Глаше ни слова.

Девочка не ожидала такого поворота событий, она растерянно глядела им вслед. Предательство Майки причиняло душевную боль. Она почему-то думала, что во всем виновата она. «Что делать? Куда идти?» – мелькали в голове мысли. Глаша была готова вернуться в детский дом, но денег у нее не осталось.

До обеда она бродила по улицам незнакомого города, надеясь найти нужную воинскую часть. Выбившись из сил, подошла к киоску и стала изучать цены. Ее деньги позволили купить булочку и стакан морса. Немного утолив голод, села в автобус и проехала несколько остановок, чтобы отдохнули ноги. Перед закрытием киоска на последние копейки опять купила булочку и стакан морса.

Она ходила по городу, построенному заключенными Норильского ГУЛАГа. Свое название город получил от реки Норилки, которую так окрестили поморы из города Мангазея, побывавшие здесь в семнадцатом веке. Он возник в тридцатых годах прошлого века после открытия геологами на Таймыре крупных каменноугольных и медно-никелевых месторождений. В 1935 году Правительство приняло постановление «О строительстве Норильского никелевого комбината». На безлюдном месте создавались исправительно-трудовые лагеря. Заключенные построили порт в поселке Дудинка, железную дорогу до ископаемых месторождений, угольные шахты и рудники, заводы и обогатительные фабрики, город. К началу войны комбинат выдавал продукцию в объемах проектной мощности, на нем работало более двадцати тысяч заключенных. Во время войны объем выпускаемого металла увеличился в четыре раза.

Незаметно наступила ночь. Это время суток только условно можно назвать ночью. Солнце склонилось над горизонтом, на улицах исчезли пешеходы, от земли тянуло холодом. Глаша не знала, что под поверхностью дорог и тротуаров залегает вечномерзлый грунт. Она вспомнила слова Августы Ивановны: «Как только приедешь в Норильск, сразу же иди в милицию. Там тебе помогут». От безысходности и с сомнением в способность милиции помочь ей, направилась в знакомое здание городского отдела внутренних дел. За барьером сидел уже другой сотрудник в синей форме и фуражке с красным околышем.

– Помогите мне найти маму, – обратилась к нему Глаша.

– Ты потерялась? – удивился милиционер.

– Я не терялась, я приехала из Туруханска к маме.

– Где живет твоя мама?

Галя достала письмо от бабушки, в котором сообщался номер воинской части, в которой проживала мать. Не успела она прочитать цифры номера части, как дежурный протянул руку и попросил:

– Дай, я сам посмотрю.

Ознакомившись с письмом, посоветовал пойти в первый отдел, находящийся в этом же здании.

С замиранием сердца постучала Глаша в дверь и вошла в просторный кабинет. За столом сидел мужчина с седеющей головой. На столешнице, обтянутой зеленым сукном, лежала стопка папок, одна была открыта перед ним. Оторвав глаза от папки, он удивленно посмотрел на юную посетительницу.

– У тебя какой вопрос, девочка? – спросил он.

– Дежурный сказал, что вы поможете мне найти мою маму.

– Где твоя мама находится?

Он сообразил, что речь идет о заключенной или бывшей заключенной. Глаша уже успела выучить наизусть пятизначный номер почты и назвала цифры.

– Фамилия твоей матери?

– Грудзинская Милисина Александровна.

Глаша с трудом стояла на ногах, переводя вес тела с одной ноги на другую. Заметив ее состояние, хозяин кабинета предложил:

– Не стой у дверей, присядь на диван.

Она присела на край большого кожаного дивана и стала клевать носом.

Офицер протянул руку к телефону, на его плече сверкнул золотом погон. У Глаши не было сил следить за разговором. Закончив переговоры, военный сказал:

– Приляг на диван, успеешь выспаться, пока за тобой приедут.

Ей было стыдно забираться на диван с голыми грязными ногами, положила голову на кожаный валик и мгновенно уснула. Сколько проспала – не помнит, но сон как рукой сняло, когда услышала:

– Товарищ майор! Сержант Букашкин прибыл по вашему приказанию!

Открыла глаза и обомлела. Стоит молодой, высокий, красивый, улыбающийся мужчина. На его тужурке ярко блестят начищенные пуговицы. «Какое счастье, что это мамин муж, – подумала Галя, – человек с такой улыбкой не может бить детей». Она окончательно проснулась от слов майора:

– Кем вам приходится эта молодая особа?

– Дочь.

– Забирайте, счастливого вам жизненного пути.

Выйдя на улицу, Букашкин предложил:

– Давай знакомиться, дочка. Меня звать дядя Коля. Если захочешь, можешь называть папой.

– Я знаю ваше имя, – ответила Глаша.

– Я тоже давно знаю, как тебя звать – сказал Букашкин, – и приятная улыбка расплылась на его лице.

Эта улыбка окончательно расположила Глашу к нему, и она доверительно сказала:

– Давайте зайдем в поликлинику. Там у меня хранится чемоданчик.

– Так ты приехала с наследством? – удивился дядя Коля. – Пойдем и заберем твой чемодан.

На улице уже появился народ, но солнце еще не успело прогреть остывший за ночь воздух. Глаша поежилась от утренней прохлады и надела пальтишко. По улице народ спешил на работу. Николай постоянно бросал взгляд на девочку, он сравнивал ее с матерью. Они очень походили друг на друга, но на лице матери лежала печать нелегкой жизни, а рядом шла непорочная невинность и свежесть.

В поликлинике Глаша открыла дверь в каморку под лестницей, где хранился инвентарь уборщиц, и достала маленький чемоданчик, перевязанный веревочкой. Крышка не имела шарниров и держалась только за счет веревочки. В чемоданчике хранился весь ее багаж: чулки, берет, мамина фотография и вырезанная из газеты фотография американской балерины Виолетты Боф.

Николай повел Глашу на железнодорожную станцию, нашел товарный поезд, называемый вертушкой, который отправлялся в зону добычи алевролитов. Они подошли к последнему вагону, Николай взял девочку под мышки и легко поставил на подножку тормозной площадки. Затем легко и ловко заскочил сам. Вскоре по составу покатился звук удара вагонов буферами друг о друга. Когда этот звук докатился до последнего вагона, он дернулся, и состав тронулся с места.

За городом открылись просторы тундры. Глаша удивлялась, что вокруг не было ни одного дерева. Она привыкла за Туруханском и в деревне Лебедь видеть лесные массивы, а здесь все пространство, как одна большая поляна, покрыто

низкорослой зеленой растительностью. Среди зелени блестели на утреннем солнце водные поверхности озер и болот. Она пыталась рассмотреть, какая растительность покрывает тундру. В одном месте увидела заревом пылающую полянку, заросшую огоньками, и обрадовалась им, как своим старым друзьям.

На сто восьмом километре около будки стрелочника поезд затормозил, Букашкин взял Глашу под мышки и спрыгнул с подножки. Они оказались на насыпи, по которой прошли до гати, проложенной через болото к лагерю. Гать напоминала тротуар, она слегка покачивалась, иногда в щели между досок выступала вода и булькала под ногами. Рядом росли карликовые березки с маленькими листочками. Их тоненькие стволики покрывала белая берестяная пленка, которая местами отслаивалась как папиросная бумага. Между березками росла трава очень похожая на осоку, из которой поднимались стебли с белыми пушистыми шариками, как у одуванчиков.

Когда они подходили к бараку, им навстречу вышла женщина в сером пальто и косынке на голове.

– Это идет твоя мать, – сказал Букашкин и пропустил Глашу вперед.

Женщина не дошла до них и, остановившись, стала рассматривать дочь. Она была выпившей, глаза затуманены. Глаша ожидала, что мать бросится к ней, обнимет и расцелует, но этого не произошло. В ее душе что-то оборвалось, она поняла, что радужные мечты о встрече с матерью не сбылись. Немного помолчав и глядя на короткую стрижку дочери, мать произнесла:

– Татарушка ты моя, – и обе заплакали.

Глаша плакала о потерянной мечте найти любящую ее мать. Она еще не знала, что ждет ее впереди, но по холодной встрече ничего хорошего не ожидала, даже пожалела, что покинула детский дом. Мать плакала по случаю свалившейся на нее дополнительной обузы.

На крыльце барака стояла двухлетняя девочка и большими синими глазами наблюдала за происходящим у крыльца.

– Это наша Томочка – твоя сестра, – сказала мать.

Глаша посмотрела на бледное личико и узкие губы сестренки. Казалось, что девочка вот-вот заплачет. Глаше стало жалко ее.

Букашкин распрощался и ушел, а мать с детьми направились в барак. В длинном коридоре по обе стороны располагались двадцать дверей. В комнатах жили бывшие заключенные, которым после освобождения запрещалось выезжать за пределы Полярного круга. Ко многим приехали семьи, некоторые здесь женились или вышли замуж. Глаша вслед за мамой вошла в последнюю угловую комнату. К своему удивлению, она встретила брата Виктора, тетю Нону с годовалым сыном Юрой. Глаша подумала: «Как мы все сможем разместиться спать в одной комнате». Она осмотрела обстановку. У дверей стояла печь с плитой и духовкой, две кровати, самодельный шкаф для одежды, стол, табуреты. Ей вспомнилась комната в детдоме с четырьмя аккуратно заправленными кроватями, на душе стало грустно и тоскливо. Ее никто не расспрашивал о прожитых годах, отнеслись как к новой появившейся мебели. С первых минут почувствовала, что ей здесь не рады и обрадовалась, когда начали укладываться

спать. Мать и Нона с маленькими детьми легли на кровати, Вите и Глаше постелили на полу.

Проснувшись утром, Глаша не обнаружила брата.

– Где Витя? – спросила она.

– Он уехал на работу, – ответила мать.

– Где он работает?

– На шахте, там и живет в общежитии, приезжает повидаться в выходные дни.

2

Мужа Ноны призвали в армию, там он встретил женщину и не вернулся домой в Идринское. В Норильск Нону привез Букашкин, охранник лагеря. Во время войны его родные жили в Белоруссии. Немцы всех уничтожили, а деревню сожгли. Вернувшись с фронта, он оказался на пепелище родной деревни. В военкомате Букашкину предложили поехать в Норильск работать надзирателем, и он согласился. Здесь познакомился с Милей Грудзинской. В очередной отпуск после двух лет службы он не знал куда поехать. Миля предложила:

– Езжай в Идринское к моей родне, на обратном пути заберешь в Туруханске Глашу.

Он согласился. Отпуск, видимо, провел хорошо, вернулся с Витей, Ноной и ее сыном Юрой, думая обрадовать Милю. Она же была в шоке. За долгие годы привыкла к одинокой жизни, а тут свалилась на ее голову большая семья, которую надо кормить и одевать. Миля стала злой, раздражительной, часто ругалась. Витю устроила работать на шахту, избавившись от одной обузы. Ноне нашлась работа кассиром в зоне алевролитов, со временем она забеременела от начальника лагеря Чулева, ей дали отдельную комнату в этом же общежитии и вскоре у нее появился сын Гена. Нона унаследовала красоту своих польских предков, к ней тянулись мужчины как к магниту. Вскоре она вышла замуж за освободившегося заключенного Алексея Синькова, который усыновил ее детей.

3

Судьба Михаила Болдырева, мужа Мили, типична для многих семей довоенного времени. Его родителей осудили и сослали в Черемхово. Он в девять лет сбежал из детдома и связался с компанией жуликов, научился их мастерству. Попав однажды в цирк, остался в нем работать, освоил много номеров и трюков. Работал иллюзионистом, эквилибристом и жонглером. На одной из репетиций гимнастка-лилипутка, стоящая на шесте, который он держал на лбу, упала и разбилась. Оказалось, что он был пьян. Перед выступлением гимнасты не разогрелись, а выпили коньяк. Его осудили на десять лет и сослали в Норильск. Из лагеря дважды сбегал, его ловили и добавляли срок. В общей сложности просидел шестнадцать лет. Своим умением показывать фокусы заслужил авторитет у заключенных и охраны. Мог поставить топор топорищем на лоб, сбросить на руку, подбросить и вновь поймать лбом. Ему не составляло труда, проходя мимо человека, вынуть у него кошелек или часы. Среди воров в законе

считался своим человеком. Перед побегами они давали ему адреса и записки к своим друзьям на свободе. Как у многих из них, у него во рту блестели две золотые «фиксы». Со спокойным нравом, веселым характером умел интересно рассказывать анекдоты и у всех пользовался уважением. Всегда доброжелательный, с хорошим настроением, он не ругался, как принято в зоне. Когда его кто-то допекал, любимым выражением было: «Обворую». Однажды его обманул заключенный-бытовик Зверев. Михаил о мести не думал, а друзья сбросили обидчика в бункер и засыпали рудой. Среди заключенных часто возникали драки. Михаил подходил к ним и произносил: «Разойдись, гады». Все расходились, зная его накаченные мускулы.

Воры в законе жили в отдельном бараке, они не ходили на работу.

Как-то вызывает Михаила начальник лагеря и говорит:

– Все на работе в шахте, кроме твоих друзей из восьмого барака. Надо передвинуть забор – расширить зону.

– Новый барак строить?

– Пока будет местом построения заключенных.

– Попробую уговорить, но не обещаю.

Приходит Михаил в барак и говорит:

– Хотите иметь волейбольную площадку?

– Что предлагаешь?

– Надо отодвинуть забор.

Забор был перенесен, и появилась волейбольная площадка.

У Михаила проявились способности к технике, мог отремонтировать часы, радиоприемник и любой механизм. Хорошо разбирался в схемах, но читать и писать не умел. Освоил зубопротезное дело и стал работать в зоне зубным техником. Ему стали давать на ремонт часы начальство и охранники. Передавая отремонтированные часы сержанту Букашкину, он рассказал анекдот. Они разговорились и подружились. Вскоре Михаила расконвоировали и перевели работать на строительство коттеджей для руководства города. Группа зэков – строителей без охраны утром отправлялась на стройку, а ночевать возвращалась в лагерь. После освобождения стал работать машинистом электровоза. Вывозил алевролиты из шахты.

4

Миля Грудзинская попала работать в зону металлургического завода в возрасте двадцати двух лет. За восемь лет заключения прошла через все ужасы гулаговского режима. Пережила унижения, оскорбления и избиения. Выжила за счет того, что научилась кричать, ругаться и давать отпор. Через несколько лет ее перевели работать в лабораторию завода. К ней почти каждый день забегал молодой инженер Володя Долгих узнать анализ металла очередной плавки. В дальнейшем он стал директором Норильского горно-металлургического комбината, затем первым секретарем Красноярского обкома партии и членом Политбюро Коммунистической партии Советского Союза. Еще через несколько лет Милю расконвоировали и перевели на обслуживание коттеджей, работать

прачкой. Неконвойные заключенные работали истопниками, электриками, поварами. Здесь она впервые увидела Михаила Болдырева, который работал электриком. Красивый, веселый, он вечно шутил и заигрывал с женщинами. Одну ущипнет, другую шлепнет по мягкому месту, проходя мимо. Когда он начинал рассказывать о своих похождениях, зачарованные слушатели им восхищались.

Миле не нравился такой тип мужчин. Она считала их балагурами, которым подходят лагерные вульгарные красотки, и не могла думать, что он давно положил на нее глаз.

От рождения Миля была брезгливой. Это давно заметили сокамерницы и иногда издевались над ней. Если в тарелке с супом у кого-то попадала муха или еще что-нибудь, она отказывалась от еды, а шутницы забавлялись, наблюдая за ней.

Однажды в очередной раз одна из шутниц во все горло закричала:

– У меня в тарелке муха!

Миля выскочила из-за стола, отбежала в сторону, и ее стошнило. К ней подошел Михаил и пообещал:

– Больше над тобой издеваться не будут.

Затем подошел к женщинам и произнес:

– Кто еще раз ее обидит, будет дело иметь со мной.

После этого случая Миля и Михаил стали дружить. У расконвоированных была возможность встречаться на строящемся объекте. Он собирался в очередной побег, она его отговорила, регулярно отдавала курево, которое ей причиталось. В установленный природой срок у нее родилась дочь Тома. Милю досрочно освободили, а за связь с заключенным предложили в двадцать четыре часа покинуть Норильск. Она не уехала, а нашла угол для жилья и осталась ждать освобождения Михаила. Они встречались на стройке. Он приносил новые кальсоны на пеленки и хозяйственное мыло. Другого подарка для дочери заключенный сделать не мог.

В зоне Николай Букашкин узнал от Михаила, что у него родилась дочь, и решил помочь приятелю. Начальству заявил, что к нему приехала жена и пора получить жилье. Ему дали комнату в общежитии для вольнонаемных рабочих, в котором проживали бывшие заключенные, по разным причинам не захотевшие уехать с севера. Общежитие находилось недалеко от зоны Алевролитов, где отбывал срок Михаил. Сержант разыскал Милю и вселил с ребенком в комнату, а сам продолжал жить в общежитии охраны.

Перед освобождением Михаил зашел в барак к «авторитетам» проститься. Ему стали предлагать адреса явок в разных городах страны для связи с воровским миром. Он твердо заявил:

– С прошлым завязываю, я женился – у меня растет дочь. Жить остаюсь в Норильске. Если понадобится моя помощь – всегда готов помочь.

В общежитии жили работники шахты алевролитов: маркшейдеры, бурильщики, взрывники, механики и другие. В шахте добывали нужный для строителей комбината материал алевролит. Это плотные осадочные породы разнообразной окраски. Их использовали для производства цемента, кирпича и других керамических изделий. Все дома Норильска построены из кирпича, изготовленного из алевролита. Добывали породу взрывом динамита в пробуренных скважинах, ее загружали в вагонетки и электровозом вывозили на поверхность. Затем в вагонах-вертушках направляли по назначению. Михаил после освобождения из лагеря остался работать машинистом электровоза. Миля работала заведующей ламповой, где заряжали и выдавали шахтерам лампы.

Люди, оторванные от цивилизации, жили в бараке дружно по своим законам. Каждую субботу начинались коллективные застолья. Чаще всего пели песни. рассказывали анекдоты, вспоминали лагерную жизнь. Иногда возникали споры, которые заканчивались потасовками, переходящими в побоища. Стены барака сотрясались от ударов клубка пьяных тел. Этот клубок мог вкатиться в любую квартиру. Глаше становилось страшно, она дрожала и прислушивалась к шуму. Ей хотелось закрыть дверь на крючок и спрятаться, но она не решалась закрыться. Там – в коридоре были ее родители. Если потасовки проходили днем и шум уходил в другой конец барака, она выскакивала на улицу. Куда дальше бежать не знала. В одну сторону деревянный настил по тундре вел к насыпи железной дороги, в другую – к зоне, обнесенной колючей проволокой. Левее виднелась шахта алевролитов, за нею гора Шмидта, на склоне которой темнел отвал рудника открытых работ. Правее стояли почерневшие бараки строгого режимного лагеря, недалеко от него – строения взвода охраны войск МВД. Осмотрев округу, девочка понимала, что бежать некуда, и возвращалась в комнату.

Глаша присматривалась к людям, проживающим в бараке. Многие выглядели солидно и вели себя в трезвом состоянии степенно. «Кто же из них затевал ссоры и драки, – думала она и пыталась угадать. – Кто, выпив спирта, терял над собой контроль, воображал себя бравым уркой?». Некоторые имели детей. Школьного возраста были Глаша и Валя Маркелова. Валя готовилась идти в первый класс, и родители устроили ее на квартиру к знакомым в городе.

Глаша оказалась не только в чуждой ей обстановке, но даже враждебной. Когда родители находились на работе, на ее попечение оставляли детей. Кроме этого она готовила еду, подбеливала печь, занималась уборкой, подтирала полы. Ей не всегда удавалось со всем справиться. У нее не было опыта. Начиная первый раз варить суп, старалась вспомнить, что она ела в супе в интернате. Постепенно научилась готовить еду из сушеных овощей. Мать часто возвращалась с работы расстроенной и взвинченной. Свое внутреннее состояние выплескивала на дочь руганью:

– Кобыла ты неповоротливая, корова недоенная, не могла как следует пол вымыть!

Дочь старалась угодить матери, но не всегда получалось все сделать вовремя, и на нее сыпался новый поток изощренных ругательств:

– Недотепа несчастная, неха недоразвитая.

Мать считала дочь уже взрослой, и малейший промах взвинчивал Милю, она метала яростные взгляды и сыпала на нее ругательства, которые освоила в зоне. Казалось, что она мстила дочери за свои жизненные неудачи.

Отчим, Михаил Андреевич, вскоре освободившийся из зоны, старался защищать падчерицу. Будучи добрым человеком и помнящим свое нелегкое детство, относился к ней доброжелательно. Он всегда хвалил ее за порядок в комнате и за вкусно приготовленный обед.

Мать, в противоположность мужу, всегда всем была недовольна, быстро взвинчивалась и переходила в разговоре на крик. Когда она отсутствовала в доме, в квартире устанавливалась тишина и спокойствие, заходили соседи. Отчим рассказывал о своих похождениях, все с удовольствием слушали его. Стоило Миле переступить порог, отчим замолкал, соседи потихоньку ретировались из комнаты. Все замирали в ожидании ее гнева и поучений. Она была вспыльчивой, вела себя категорично, считала, что все знает лучше всех и все должны поступать так, как она сказала. Стоило кому-то поступить против ее воли, начиналась громкая ругань, глаза метали молнии, «пыль летела до потолка».

Глаша понимала, что оказалась не ко двору. Часто по ночам, когда родители работали в ночную смену, плакала и рыдала до головной боли. Она готова была вернуться в детский дом, но родители вряд бы ее отпустили. Это она поняла по услышанному разговору. К соседям приехали повидаться родственники. Увидев обстановку, царившую в бараке, они обратились к Миле:

– Отпустите с нами на материк Глашу, она нам нравится. Будет жить в нашей семье, получит образование. Когда подрастет, приедет к вам.

Глаша с замиранием сердца ждала ответ. « Хоть бы мама отпустила», – думала она. Мать засомневалась: принимать предложение или отказать. Помолчав, сказала:

– Надо спросить у отца.

Отчим решил не отпускать дочь с чужими людьми.

После этого у Глаши неоднократно возникало желание убежать. «Убегала же Майка из детдома, – думала она, – смогу и я убежать». Камнем преткновения становились деньги, без которых не купить билет на поезд и пароход. Их можно было украсть у матери, но совесть не позволяла это сделать. Она не думала о том, что Норильск режимный город и ее без документов обязательно поймают.

Глашу постоянно одолевала тоска по жизни в Туруханском детском доме. Она вспоминала Лилю, других девочек и своих воспитателей. Единственным ее утешением был приемник «Балтика». Когда все уходили на работу, она включала его и наслаждалась музыкой.

Отчим относился к Глаше доброжелательно, успокаивал мать, когда та выплескивала на дочь ругательства. Он понимал, что лучшей няньки для Томы им не найти, и всегда заступался за падчерицу. Глаша прониклась к нему уважением, она уже могла оценить характер и красоту мужчины. Когда Михаил умывался раздетый по пояс, она любовалась его торсом, мускулатурой рук и мышцами живота.

Как-то шла Глаша по деревянному настилу со щенком по кличке Дружок. Навстречу шел конвой заключенных, один зек наклонился, схватил щенка и передал внутрь строя. Девочка вернулась домой в слезах.

– Что случилось? – спросил отчим.

– Дружка забрали, – всхлипывая, ответила она.

– Кто забрал?

– Строй заключенных.

Михаил собрался и вышел из дома. На следующий день щенка вернули и подарили Глаше горсть женских приколок.

К Михаилу иногда заходили освободившиеся воры в законе. Им нужно было на время остановиться, чтобы дождаться переводов денег, переодеться перед отбытием из Заполярья. За три года жизни в бараке Глаша видела четырех таких человек. У двоих она запомнила только прозвища: Крыса, Интеллигент, а вот других запомнила на всю жизнь.

Сергей Орлов появился в квартире, когда родители находились на работе. Глаша испугалась чужого мужчину, он это заметил и спокойным голосом повел разговор:

– Меня зовут Сергеем, мне надо дождаться твоих родителей. Если ты меня боишься, я могу их подождать на улице. Тебя как зовут?

– Глаша.

– Ты в школе учишься?

– Учусь.

– Я тоже когда-то учился, играл в самодеятельности. Хочешь я тебе спою?

У Глаши прошел первый испуг, и она ответила:

– Спойте.

Он сел рядом с ней и запел. Песни лились одна за другой. Сергей, возможно, представлял, что пел для любимой девушки. Глаша с замиранием сердца слушала его баритон, на высоких нотах переходящий в фальцет.

На следующий день Сергею купили костюм, брюки оказались длинными.

– Можно я их укорочу? – предложила Глаша.

– А ты сможешь? – удивился Сергей.

– Смогу.

Она присела около его ног, подвернула одну штанину, чтобы она слегка касалась носка ботинка и заколола иголкой.

– Переодевайте брюки, – сказала она, отвернувшись от него.

– Вторую штанину тоже надо подвернуть.

– Не надо, я ее померяю по первой.

Принимая готовые брюки, Сергей сказал:

– Спасибо, мне бы такую дочку как ты.

Его постоянные похвалы тревожной радостью вливались в душу девочки. Она испытывала приятные чувства к этому человеку.

Прощаясь при отъезде из Норильска, Орлов сказал родителям Глаши:

– Растите скорее дочь, приеду свататься.

– Когда она вырастет, ты состаришься, – ответил отчим.

Глаша понимала, что Сергей шутит, но ей было очень приятно слышать эти слова. Она часто вспоминала этого веселого симпатичного человека. Ее потрясло известие о его гибели в какой-то воровской разборке. Впервые ощутила душевную боль по человеку с нелегкой судьбой, запавшему в ее душу.

Второго человека, запомнившегося на всю жизнь, она застала за столом с родителями, когда уставшая вернулась из школы. К ней повернулся мужчина средних лет черный как негр и улыбнулся. Во рту у него виднелись редкие зубы. «Это что за «чудо-юдо?», – подумала она и присела с краю стола, не поднимая на него глаз. Мать подала ей тарелку с едой и, обращаясь к гостю, попросила:

– Георгий, спой нам что-нибудь.

Отчим услужливо принес и подал гостю гитару:

– Играй, брат.

По комнате разлилась неаполитанская песня: «О мое сердце». У Глаши остановилась рука с ложкой около рта, она слушала с полуоткрытым ртом. Ее заворожил бархатный тенор исполнителя. Отчим внимательно смотрел на падчерицу, а когда закончилось исполнение, спросил:

– Тебе понравилась песня?

– Очень.

– Спеть еще? – предложил Меладзе.

– Эту же песню, – попросила Глаша.

Георгий пел весь вечер, научил Глашу петь «Сулико» на грузинском языке. Он уже не казался ей страшным, его чудный голос покорил ее.

6

К отчиму зашел приятель Костя и предложил:

– Поедем на рыбалку?

– Какой из меня рыбак? – удивился Михаил, – ни снастей, ни лодки.

– Все даст Колян. Сам он на рыбалку поехать не может, а мне нужен напарник.

– Далеко ехать?

– В поселок Валек, а дальше на лодке по Норилке до озера Пясино.

Михаил задумался, а Костя стал его уговаривать:

– Какая там красота! Озеро лежит среди тундры, один берег зарос лесом. Какой только рыбы в нем нет!

Михаил подумал, что озеро такой же величины, как озера, разбросанные вокруг шахты алевролитов, и спросил:

– Озеро большое?

– Километров семьдесят в длину будет.

– Уговорил, – согласился Михаил.

Неожиданно подала голос Глаша:

– Возьмите меня с собой.

Отчим удивленно посмотрел на нее, а Костя спросил:

– Уху варить умеешь?

– Умею.

– Тогда берем с собой.

Михаилу пришлось согласиться взять на рыбалку падчерицу.

На следующий день они доехали на поезде до поселка Валек, расположенного в семи километрах от Норильска. Он раскинулся на берегу реки Норилки недалеко от впадения в нее реки Валек. Здесь издавна находилось зимовье местных жителей, в котором в свое время бывали Семен Челюскин и Харитон Лаптев. Вальковский порт служил транспортным узлом, обеспечивающим доставку груза для строящегося Норильска. Здесь располагался гидроаэропорт Норильска. В поселке работали школа, клуб, ресторан «Таймыр». Функционировал рыбозавод с коптильным цехом. Большинство населения поселка составляли семьи бывших узников «Норильлага». В шестидесятые годы прошлого века поселок Валек перестал существовать. Всех жителей переселили в Норильск. Здесь сохранились балки и гаражи для лодок охотников и рыбаков, которые живут в них в период сезона охоты и путины.

Костя, бывавший у своего друга Николая неоднократно, быстро провел рыбаков по переулку к дому, расположенному на берегу реки. Во дворе их встретила лаем собака. Из дома вышел хозяин и, поздоровавшись, предложил пройти в дом попить чая.

– Знаю я твой чай, – сказал Константин, – он может затянуться до вечера, а нам надо добраться до места и успеть поставить сети.

– Как знаете, – ответил Костя, – пойдемте в сарай, я дам вам сети и весла.

К дому примыкал сарай, который, кроме основных дверей имел выход в сени дома. В зимние метели в сарай можно было ходить, не выходя на улицу. В небольшом огороде стояла теплица. Глаша почувствовала запах коровьего навоза. И, заглянув в сарай, увидела корову. Ее сердце радостно забилось, захотелось подойти и погладить корову, вспомнилась бабушка Анастасия Даниловна, корова Каролина, которую она ходила разыскивать в Идринском. «Как это было давно, – думала девочка, – и почему та жизнь закончилась?» Из размышлений ее вывел голос отчима:

– Глаша, не отставай!

Она поспешила по крутому берегу к реке вслед за взрослыми. Костя нес на плече мешок с сетями, отчим рюкзак с продуктами и весла. Николай – тяжелый мешок с вещами, предназначенными для зимнего сезона. Решил воспользоваться случаем отправить в избушку зимнее снаряжение. Ему, возможно, придется на зимний промысел заходить на лыжах. Все подошли к деревянной лодке, нос которой был вытащен на пологий берег. Костя сбросил с плеч в нее тяжелый мешок, отчим вставил весла в уключины. Николай свой мешок осторожно положил в корму лодки и помог столкнуть ее на воду, напутствовуя рыбаков:

– Остановитесь на ночлег в моей избушке, будьте внимательны – там бродит медведь. Сети ставьте с обласка, который лежит около избушки.

Глаша села на сиденье в корме, Костя в носу, отчим – за весла. Он отвел лодку от берега и поднял весла. Быстрое течение подхватило ее и понесло в сторону озера Пясино.

– Отдохни, – пошутил Костя, – течение донесет нас до места рыбалки.

– Слишком долго ждать, когда течение донесет. До Пясино километров двадцать.

– Куда нам торопиться? – опять пошутил Костя.

– Солнце клонится к закату, – ответил Михаил и навалился на весла.

Глаша опустила руку за борт и, к удивлению, коснулась воды. Лодка была перегружена и сильно осела. Видимо, не была предназначена для трех человек.

Норилка питается многочисленными притоками, вытекающими из тундровых озер, которые служили нерестилищами для ценных пород рыб. Ее глубина в период подъема воды позволяла заходить океанским судам с грузами для Норильска. Она впадает в озеро Пясино, из которого вытекает единственная река Пясина, впадающая в Карское море. В реке обитали ценнейшие породы арктических рыб.

В настоящее время близость Норильского комбината привела к экологическому загрязнению реки, и рыба постепенно исчезла. Такая же участь постигла и озеро Пясино. Чистейшая вода озера, подпитывающаяся тающими снегами из окружающей тундры, стала иметь зеленовато-серый цвет.

Глаша рассматривала низкие берега широкой реки, протекающей среди тундры. Многочисленные острова покрывал лиственный лес с пожелтевшими листьями. Природа готовилась к полярной зиме. Навстречу шел сухогруз, сверкая на солнце надстройкой, выкрашенной в белый цвет. Михаил развернул лодку носом к волнам, поднятым теплоходом, и она закачалась на набегающих волнах. С поверхности воды иногда взлетали табуны уток, напуганные приближающейся лодкой. Неожиданно берега исчезли, лодка вошла в огромный водоем, ширина которого превышала десять километров. Озеро Пясино – одно из крупнейших на Таймыре, его длина около семидесяти километров. Оно ледникового происхождения; берега, в основном, пологие, заболоченные. Только восточный берег возвышен и был покрыт смешанным лесом. К нему и предложил Костя направить лодку.

Свое название озеро получило от окружающей местности. На ненецком языке пясина означает безлесная земля – тундра.

Еще издали на кромке смешанного леса на невысоком берегу показалась небольшая избушка. Лодка ткнулась носом против избушки в пологий берег, на котором всюду торчали из песка крупные булыжники. Около избушки рыбаков встретили две крупные собаки, они не лаяли, но своим видом показывали, что они здесь хозяева и не рады незваным гостям. Глаша отступила назад и стала за спиной отчима. Костя назвал собак по кличке, они завиляли хвостами, но с места не двинулись.

– Собаки не хотят пускать нас в избушку, – произнес Михаил.

– Пустят, – ответил Костя и, развязав рюкзак, достал две вяленые рыбины, которые дал ему Николай для собак.

Собаки, почуяв еду, веселее завиляли хвостами.

– Урман, иди ко мне, – позвал Костя, протягивая ему рыбу.

Кобель медленно подошел к нему, взял в зубы сига и, отойдя в сторону, принялся за еду.

– Тайга! – Обратился Костя ко второй собаке, – тебе надо особое приглашение?

Собака с места не тронулась. Тогда он бросил ей рыбину. Она приняла подношение и тоже отошла в сторону.

– Кобель умнее, – сказал Михаил.

– Как знать? На охоте Тайга балом правит, – ответил Костя.

Путь к избушке оказался свободным. К домику был пристроен навес, под которым лежала перевернутая небольшая лодка и чурбан для колки дров. В избушке пахло затхлостью. У маленького окошка стоял грубо сколоченный столик, нары вдоль одной из стен покрывал слой сена. Вот и вся обстановка.

– Обоснуемся до вечера под навесом, а избушку проветрим, – предложил Костя.

Полярное солнце склонялось к горизонту. Стоял период очень коротких белых ночей – конец полярного лета, когда солнце ненадолго скрывается за горизонтом и вскоре вновь выкатывается из-за него. Костя подал Глаше котелок:

– Сбегай за водой, а я разведу костер.

Она с удовольствием побежала под уклон, разминая ноги, затекшие от долгого сидения в лодке. Когда начала зачерпывать воду, раздался шум. От неожиданности вздрогнула и подняла вверх голову. Над ней пролетел табун крупных птиц. «Какие большие гуси, – подумала она, – по величине не меньше наших в Идринском».

Подавая котелок с водой, Глаша спросила:

– Вы видели, какие крупные гуси пролетели?

– Летели белолобые гуси, они не самые крупные. Гуменники крупнее, – ответил Костя.

– Как вы угадали, какие гуси летели?

– У белолобых гусей белое пятно на лбу и черные пятна на брюхе.

Рано утром Костя и отчим взяли лодку, лежащую около избушки, и понесли к воде. Лодка оказалась очень легкой.

– Такую лодку можно одному носить, – сказал Михаил.

– Колян ее таскает на озера, на которых охотится.

Отплыв от берега на несколько метров, Костя почувствовал, что лодка неустойчива, и произнес:

– Давай вернемся на берег и поплывем на лодке, на которой приплыли. Эта – для одного человека, вдвоем мы сети не поставим.

Пристав к берегу, рыбаки пересели в большую лодку и поплыли ставить сети.

Глаша принялась готовить еду. Она замочила сушеную картошку и морковь, приготовила макароны и тушенку. Пока овощи размокали, отправилась вдоль берега посмотреть окрестности. Между камней на тонких длинных ножках росли синие цветочки, напоминающие колокольчики. Ей захотелось нарвать букет, и она протянула руку к стебельку цветка. В это время цветок задрожал от налетевшего ветерка, и девочка отдернула руку. Ей показалось, что цветок испугался ее намерения сорвать его. «Прости меня, я не причиню тебе боли», – произнесла вслух Глаша и пошла назад к избушке.

Она развела костер и повесила над ним котелок с овощи. Раскрытые банки с тушенкой стояли рядом с костром. Собаки, почуяв запах, подошли к костру и уселись рядом.

– Проголодались? – спросила их Глаша. – Скоро приедет дядя Коля и накормит вас.

Урман завилял хвостом. Тайга сидела невозмутимо, направив взгляд на консервы.

Лодка не скоро показалась на озере. Константин долго искал места, на которых ему приходилось рыбачить с Николаем. Повариха проголодалась и несколько раз прикладывалась к еде, чтобы проверить достаточно ли посолила. Увидев лодку, побежала к воде встречать рыбаков. Отчим, сидевший за веслами, с разгона вытолкнул нос лодки на отмель. Глаша заглянула в лодку и произнесла:

– А где рыба?

– Рыба будет завтра, – уверенным голосом произнес Константин.

Проголодавшийся отчим как всегда хвалил падчерицу за вкусную еду, его поддержал Костя и упрекнул:

– А ты не хотел брать дочку на рыбалку.

Глаше было очень приятно слышать похвалу в свой адрес. Когда мужчины принялись за чай, она собрала миски и направилась к озеру их мыть.

На следующее утро отчим быстро поел и произнес:

– Пора ехать проверять сети.

– Не торопись, чем дольше они стоят, тем больше попадет рыбы, – ответил Костя.

Проводив рыбаков, Глаша стала готовить обед. Собаки не отходили от нее. В какой-то момент они встрепенулись и повернули головы в сторону леса. Ей показалось, что там промелькнула тень медведя. Испугавшись, побежала к озеру, с разбегу одной ногой прыгнула в лодку, которая закачалась, вторая нога оказалась в воде. Потеряв равновесие, упала в озеро. Вода оказалась холодной, но терпимой. Ухватившись рукой за борт лодки, встала на ноги. Глубина оказалась ей ниже колена. Забралась в лодку, села за весла и отплыла от берега. Ей казалось, что на воде безопасней, чем на берегу.

Солнце стояло высоко над горизонтом и щедро одаривало теплом заполярный край. Глаше стало прохладно в мокрой одежде, она ее сняла, отжала и разложила сушить. Солнечные лучи приятно ласкали обнаженное тело. Она удивилась белизне кожи. С момента отъезда из Идринского ей не приходилось загорать. Чтобы быстрее согреться стала грести веслами, плавая вдоль берега. Ее наготе обрадовались комары и оводы. Приходилось постоянно бросать весла и отбиваться от насекомых. «Хорошо, что над водой нет мошек», – подумала она. Согревшись, остановила лодку против избушки, и рассматривала берег. Медведя не увидела, костер еще дымился, собаки спокойно лежали около него. Переведя взгляд на небо, увидела крупную птицу, описывающую круги над озером. Ее удивило, что бурая птица имела белый хвост. Она не знала, что это белохвостый орлан, занесенный в Красную книгу. Он гнездится только в низовье Оби и на Таймыре. Неожиданно птица сложилась в комок и стала падать. «Что с ней случилось? – подумала Галина. Орлан продолжал падать с большой высоты. «Он

сейчас разобьется о воду», – думала девочка. Почти у самой воды птица расправила крылья и, скользнув над водой, взлетела с крупной рыбиной в когтях.

Когда показалась лодка, плывущая вдоль берега, Глаша быстро оделась в подсохшую одежду. Поравнявшись с лодкой падчерицы, отчим спросил:

– Ты почему в лодке?

– Испугалась медведя.

– Он приходил к избушке?

– Не знаю.

В разговор вмешался Константин:

– Медведи очень редко нападают на людей – только в тех случаях, когда их обидят или сильно голодные. Сейчас у них очень много корма: в тундре хороший урожай ягод, в реках много рыбы. Так что бояться не надо.

– Все равно боюсь, – упрямо произнесла она.

Взглянув в лодку рыбаков, Глаша увидела на дне всего несколько рыбин и спросила:

– Почему вы так долго не приплывали?

– Нам пришлось переставить сети в новое место, – ответил Костя.

– Поплыли к берегу, – предложил Михаил и направил свою лодку к косе.

Суп выкипел и превратился в густую массу овощей, макарон и тушенки. «Хорошо, что не пригорел», – подумала молодая повариха. Она ожидала упреков за такое блюдо, но отчим произнес:

– Сегодня макароны по-флотски с гарниром, вполне съедобное кушанье. Как, Костя, ты считаешь?

– Очень вкусно и хорошо посолено.

Глаше было приятно слышать похвалу, и она прониклась еще большим уважением к отчиму. «Мать бы сейчас на его месте закатила бы мне скандал», – подумала она.

На третий день Глаша заявила:

– Возьмите меня с собой, я боюсь остаться одна.

Костя посмотрел на умоляющее лицо девочки и сказал:

– Быстро прыгай в лодку!

Сети перегораживали русло довольно широкого притока. Подплывая к ним, Костя радостно крикнул:

– Поплавки играют, рыба есть!

Он ухватил верхнюю тетиву края сети и приподнял, в ячеях забилось несколько крупных чиров. Выбирали рыбу долго, лодка осела от тяжести груза. Рыбины били хвостами и скользили по толстому слою улова. Глаша подняла ноги на сидение, боясь наступить на рыбу. Михаил удивился богатому улову и спросил:

– Куда мы денем столько рыбы? До дома нам ее не донести.

– Оставим у Коляна, – ответил Костя. – Он посолит и завялит.

Отчим с улыбкой посмотрел на Глашу и произнес:

– Надо нам было тебя вчера взять с собой на рыбалку.

Приближался учебный год. Миля сшила Глаше темно-синее хлопчатобумажное платье, купила учебники и тетради.

Утром первого сентября подняла дочь до рассвета, накормила и, провожая, спросила:

– Дорогу в школу найдешь?

– Найду.

– Если услышишь вертушку, немедленно сходи с насыпи в сторону.

– Хорошо.

Предупреждение имело весомые основания. Глаше предстояло пройти по насыпи узкоколейной железной дороги семь километров до сто первого пикета и дальше на автобусе ехать до школы.

За два часа до начала занятий в школе девочка шагала по шпалам, расстояние между которыми превышало ее привычный шаг. Вокруг стояла пугающая темнота, виднелись только откосы насыпи да десяток шпал впереди. Она знала, что по обе стороны дороги раскинулась тундра с многочисленными болотами и озерами, но их не было видно в предрассветной темноте. Все ее внимание сосредоточилось на том, чтобы ноги попадали на шпалы, а не между ними на острые края щебня. Город встретил ее хмурым туманным утром. Воздух, насыщенный выбросами из многочисленных труб, казался густым.

Школа поразила Глашу. Раньше она училась в одноэтажных деревянных домах, а тут оказалась в многоэтажном каменном здании с высокими потолками, с теплым туалетом. Привыкшая оправляться за кустами, здесь увидела туалет со стенами, облицованными кафелем, с водой в кранах, с матовыми шаровыми светильниками. Это был другой мир, о существовании которого она не подозревала.

В школе царило оживление. Мальчишки бегали по коридору, скатывались по перилам со второго этажа на первый. Девочки собирались группами и наперебой щебетали, им хотелось многое рассказать после летних каникул. Все делились впечатлениями о проведенном времени в пионерском лагере «Таежном». На них были шерстяные платья, белые фартучки с крыльями, в косах атласные ленты. На руках блестели часы, на ногах – шелковые чулки и модные туфельки. Они казались Глаше маленькими феями. Мальчики носили одинаковую форму – темно-синие брюки и кители с металлическими блестящими пуговицами.

Глаша впервые видела на детях роскошь и почувствовала себя ущербной. Стоя у стены коридора, стеснялась своей одежды. Ей казалось, что все обращают внимание на ее простенькое платье. Чтобы не встречаться взглядом с учениками, она опустила взор и исподлобья смотрела на происходящее вокруг. Когда прозвенел звонок, она последней вошла в класс и остановилась около дверей, не зная, за какую парту сесть. Взоры одноклассников обжигали ее, они с любопытством рассматривали новую ученицу. Кто-то из ребят свистнул. В это время в класс вошла учительница.

– Почему в классе свистите? – с возмущением спросила она.

Класс притих, все поднялись с мест, приветствуя преподавателя. Она заметила стоящую рядом девочку.

– Ты новенькая?
– Да.
– Как звать?
– Глаша.
– Садись за последнюю парту к Але Забелиной.

Глаша обрадовалась, здесь ученики не могли рассматривать ее одеяние во время уроков. На переменах с новенькой никто не разговаривал, не пытался подружиться. Некоторые девочки демонстративно проходили мимо, подняв высокомерно голову.

На большой перемене все ученики бегали в буфет покупать пирожки, у Глаши не было денег, и она оставалась голодной. Мальчишки часто, когда учительница писала на доске, поворачивались назад и стреляли в девочек из ручек-трубочек конфетами драже. Если конфета, отскочив от стены, падала около Глашиной парты, она роняла на пол резинку и незаметно поднимала ее вместе с конфеткой, которую клала в рот. Голова переставала кружиться от голода.

Домой Глаша возвращалась к семи вечера уставшей и голодной. Мать часто встречала ее словами:

– Пока не разделась, вынеси золу и принеси угля.

Устанавливая тяжелое ведро с углем у плиты, слышала голос матери:

– Суп на плите, бери и ешь.

Присев к столу, дочь начинала медленно есть. У нее кружилась голова, и клонило ко сну. Сквозь шум в ушах слышала голос матери:

– Будешь мыть тарелку, вымой всю грязную посуду.

Ела Глаша один раз в день. Утром, как правило, спешила в школу и не успевала поесть.

Миля с закрытыми глазами лежала в одежде на кровати. Она уставала на работе, и ей ни подняться не хотелось, ни открывать глаза.

Борясь со сном, Глаша мыла посуду. Тарелка выскользнула из ее рук и загремела по раковине, нарушив дрему матери, которая, не замедлив, выпустила на дочь поток оскорблений:

– Что ты там творишь, криворукая, кобыла неповоротливая!. . .

Мать никогда не била дочь, но ее ругательства наносили девочке душевную боль, которая ощущалась сильнее, чем побои родного отца. Глаше иногда не хотелось идти домой, хотелось убежать в Туруханск. Она вспоминала теплую уютную комнату в интернате, школу, в которой все ее уважали и любили.

Немецкий язык в школе преподавала директор Царева Наталья Ивановна. На втором уроке она сказала:

– Сейчас будем повторять пройденный материал.

У Глаши все похолодело внутри. В Туруханской школе она не учила немецкий язык. Уроки немецкого языка были, но многие ребята считали, что язык фашистов учить необязательно. Когда очередь дошла до нее, она поднялась из-за парты и стояла, не произнося ни слова.

– Почему молчишь? – спросила учительница.

Глаша продолжала молчать. В классе раздались смешки. Наталья Ивановна, не говоря ни слова, строгим взглядом обвела учеников. Моментально установилась гробовая тишина.

– Что ты вообще знаешь?

– Стихотворение.

– Прочитай.

Глаша прочитала стихотворение. Его она выучила на слух, когда читали ученики в школе.

– Произношение у тебя хорошее, – похвалила ее директор. – Теперь скажи, какие падежи существуют в немецком языке?

Ученица понятия не имела о падежах и молчала. Наталья Ивановна не ругалась, не упрекала девочку, а спокойным голосом сказала:

– Тебе придется догонять класс. Самостоятельно изучить материал за пятый класс.

В бараке у соседки нашелся учебник немецкого языка для техникумов. Глаша стала его изучать. Ее вдохновила похвала учительницы о хорошем произношении и ей хотелось доказать всем, что она сможет выучить немецкий язык. По дороге в школу, прыгая со шпалы на шпалу, повторяла прочитанный материал. Через некоторое время Наталья Ивановна пригласила подопечную в свой кабинет и спросила:

– Что ты успела выучить?

Глаша рассказала несколько уроков из учебника для техникумов.

– Молодец, – похвалила учительница. Вот тебе книжка сказок братьев Гримм на немецком языке. Когда переведешь первую сказку, придешь ко мне и расскажешь.

Через несколько дней Глаша пришла с переводом.

– Перескажи на немецком языке, – попросила Наталья Ивановна.

– Не могу.

– Забирай книгу и читай, пока не научишься пересказывать.

Глаша переводила сказки и составляла к каждой краткий пересказ. Доброжелательное отношение педагога сделали больше, чем любая ругань и крики. Глаша полюбила немецкий язык и стала одной из лучших учениц.

В школе готовились к концерту художественной самодеятельности. Каждый класс готовил свой номер. На перемене девочки зубрили роли из произведения Н. В. Гоголя. Глаша, послушав монологи, неожиданно заявила:

– Неправильно читаете.

– А как надо?

Глаша стала читать с выражением: «Птица – тройка, и кто тебя выдумал . . .». Девочки с удивлением смотрели на новенькую ученицу. В это время в дверях появилась учительница русского языка Изабелла Зеликовна Свирская.

– Кто читал? – спросила она.

Девочки показали на Глашу.

Она потупила глаза и молчала.

– Так значит, ты умеешь говорить, а на уроках молчишь. Будешь играть Марью Антоновну.

– Не могу.

– Сможешь. К следующему уроку выучи роль, – приказным тоном сказала учительница.

На сцене Грудзинская появилась в зеленом платье и с веером в руке. Локоны волос, закрученные на горячей кочерге, спускались до плеч. Она свободно двигалась по сцене, чем вызвала восторг и смех в зале.

Перед окончанием учебного года, Наталья Ивановна сказала:

– Сегодня будет открытый урок, к нам придут преподаватели из других школ, я тебя вызову отвечать урок. Причешись, пожалуйста.

Девочки бросились причесывать подругу, кто-то надел на нее свой фартук. Урок прошел успешно.

Зима наступила рано. В октябре тундра преобразилась, она казалась белоснежной пустыней. Снежное одеяло прикрыло низкорослую растительность, болота и озера. Ходить по насыпи железной дороги стало труднее, шпалы скрылись под слоем снега, ноги увязали в снегу. Встречный ветер затруднял движение, трепал полы пальто, забирался под подол. Приходилось наклоняться вперед, преодолевая его напор.

Во время снежных заносов Глаша часто опаздывала на первый урок.. У нее внутри все сжималось в предчувствии насмешек и издевательств. С замиранием сердца стучала в дверь и входила в класс с непричесанными волосами. Раздавался дружный смех и голос преподавательницы географии:

– Вот и Грудзинская пришла, можно начинать урок.

Глаша направлялась к своему месту за последней партой, ей хотелось отогреться и отдохнуть после семикилометрового перехода, но тут звучал голос учительницы:

– Грудзинская к доске!

Она поднималась с места и шла к столу учительницы.

– Урок учила?

– Да, – с трудом произносила ученица.

– Отвечай!

Глаша кашляла, после пронизывающего ветра на улице не могла говорить. Хотела прокашляться и начать рассказывать. Материал интересный, у нее хорошая память – запомнила все, что рассказывала учительница на предыдущем уроке, но начать говорить не могла, голос не слушался ее. Замерзшее на улице тело начинало отогреваться, и по нему проходила дрожь. Класс воспринимал ее кашель за уловку, чтобы не отвечать урок, и дружно хохотал. Ребята не относились к ней враждебно, просто они были рады случаю повеселиться.

– Спасибо. Хватит. Садись, двойка, – с издевкой произносила учительница.

Постепенно у Глаши появились двойки по многим предметам. Мать не считала нужным сходить в школу и разобраться в причине двоек дочери. С наступлением сильных холодов устроила ее на жительство у знакомой женщины на окраине города около нулевого пикета. Для Глаши прекратились изнурительные ежедневные переходы по насыпи железной дороги, она перестала опаздывать на занятия. Прошел месяц, мать не заплатила хозяйке за квартиру и та

выставила квартирантку за дверь. Вернувшись домой выпившей и в плохом настроении, хозяйка квартиры заявила:

– Твоя мать не заплатила мне обещанную сумму, отправляйся домой. Когда заплатит, можешь вернуться.

Глаша оделась, взяла портфель с книгами и вышла на улицу. Северный ветер обжег холодом ее лицо, подхватил портфель и чуть не вырвал из руки. Она стояла в раздумье, обида на мать отдавалась болью в груди и комком застряла в горле, из глаз катились слезы. Мимо проходила соседка Нина Редекульцева. Увидев девочку, спросила:

– Ты куда собралась на ночь глядя?

– Не знаю, – ответила Глаша и зарыдала.

– Пойдем ко мне, расскажешь, в чем дело.

Нина жила в балке площадью два на два с половиной метра. Все убранство комнаты составляли нары, стол на козьих ножках и лавка.

Выслушав Глашу, Нина сказала:

– Поживешь пока у меня, а потом я встречусь с твоей матерью, и мы решим проблему.

Нина работала в столовой воинской части, приносила оставшуюся еду и довольно сносно кормила квартирантку. В свободное время она занималась шитьем бюстгальтеров. Глаша стала помогать хозяйке, пригодилось ее умение вышивать. Лифчики украшала вышивкой роз.

Слишком продолжительной показалась первая зима в Норильске. Температура наружного воздуха часто опускалась ниже сорока градусов, иногда ниже пятидесяти. Мороз переносился легче, чем при влажном материковом климате, хотя и обжигал нос и щеки, словно кипятком. Приходилось закрывать лицо шарфом и дышать через него. Шарф моментально обледеневал от дыхания, ресницы слипались от попадания на них влаги от дыхания. Казалось, что полярной ночи не будет конца. На холодном небе мерцали голубые звезды. Внезапно небо озарялось северным сиянием, на нем сначала появлялись яркие вспышки, затем невидимые прожектора рисовали радужные узоры.

Глаша училась в шестом классе. Прибежав в школу, она поднималась на второй этаж, молча заходила в класс и усаживалась на свое место. Она чувствовала себя чужой среди сверстниц, которые высокомерно показывали свое превосходство.

На следующую зиму Миля договорилась с лагерной подругой Галиной, которая работала кочегаром в котельной, чтобы дочь пожила у нее. Тетя Галя оказалась доброй красивой женщиной. За что она отсидела срок, неизвестно, но лагерь не исправил, а искалечил молодую женщину. Она переняла все худшие стороны заключенных: стала много пить, сквернословить и опустилась до падшей женщины. После аванса и получки неделю устраивала пьянки с мужчинами. Затем неделю голодала до следующей зарплаты. Во время застолий Глаша забивалась в свой угол и учила уроки. Мужчины часто подходили к ней и задавали вопросы:

– Что читаешь? В каком классе учишься?

– Отстань от девчонки, – пьяным голосом обычно произносила тетя Галя, – а то выгоню.

Весной начались метели. За ночь снега выпадало столько, что припаркованные во дворах автомашины заметало до крыши. Норильск расположен в долине ветров. Он является одним из самых ветреных городов страны. Скорость ветра, превышающая двадцать метров в секунду явление обычное. Ветер старался повалить девочку или погнать в своем направлении. Глаше приходилось сгибаться, чтобы не упасть, преодолевая силу ветра .

Несколько раз в году отменялись занятия в школе, когда на улице свирепствовала «черная пурга», при которой скорость ветра превышала сорок метров в секунду. «Черная пурга» – местное название метели, переходящей в ураган. Она случается несколько раз в году. Снег заметает дороги, видимость сокращается, не ходят поезда, прекращает работать аэропорт. Метель длится несколько дней и прекращается с приходом антициклона и общим похолоданием.

Когда стихли метели и подули теплые ветры, Глаша ушла от своей благодетельницы. Она решила, что лучше ходить пешком семь километров, чем жить в неприятной ей обстановке.

Перед Первым маем проходили репетиции школьной самодеятельности. Готовились к конкурсу между классами и отбирали юные дарования для участия в городском конкурсе школьных коллективов. Ребята гордились своим участием в самодеятельности, им хотелось попасть на городской конкурс.

Глаша, как всегда, стояла в коридоре с опущенным взором и, прижавшись к стене, разглядывала свои валенки. К ней никто не подходил, подружиться с девочками она еще не смогла. Неожиданно к классу подбежала старшая пионервожатая Жанна и спросила:

– Где Грудзинская?

– Я здесь.

Жанна схватила Глашу за руку и произнесла:

– Пойдем со мной.

– Куда?

– Говорят, ты поешь?

– Это я раньше пела.

Пионервожатая рассмеялась:

– Это когда раньше?

В классе по расписанию один раз в неделю был урок пения. Учительница задавала ученикам выучить современные послевоенные песни. Затем, стоя за партами, класс хором пел такие песни, как «Вставай страна огромная», «Широка страна моя родная» и другие. Учительница, видимо, обратила внимание на голос Грудзинской и поделилась своим мнением в учительской.

Пионервожатая привела Глашу в актовый зал. На сцене за пианино сидела незнакомая женщина, на первых рядах зала школьные таланты – элита конкурса. Поднявшись на сцену, Жанна сказала пианистке:

– Вот эта девочка.

Женщина с удивлением посмотрела на Глашино платье и валенки.

– Какой у тебя голос?

– Меццо - сопрано.

Зал взорвался хохотом. Мальчишки отвалились на спинки кресел и подняли вверх ноги, болтая ими в воздухе.

Пианистка, обращаясь к Глаше, спросила:

– Ты песню Дмитрия Кабалевского «Наш край» слышала? Вот слова: «Край родной навек любимый, где найдешь еще такой».

– Не слышала.

Пианистка проиграла мелодию и попросила повторить. Глаша пропела.

– А теперь давай учить, вот тебе слова.

Грудзинская сделала шаг назад, опустила глаза на текст, зал для нее перестал существовать и запела.

После первого куплета пианистка соскочила со стула, ударила по клавишам, громко сказала:

– Какое сопрано? У тебя серебряный колокольчик!

Затем обратилась к залу:

– Послушайте, какой голос!

Она посмотрела на Глашу совсем по-другому, чем в первый раз и ласково произнесла:

– Пой песню до конца.

Глаша пропела песню несколько раз. Зал притих, все внимательно слушали новое дарование, появившееся в школе. Пианистка, закончив играть, подошла к ней и сказала:

– Завтра мы с тобой разучим еще одну песню.

На школьном конкурсе самодеятельности шестой класс, в котором училась Глаша, занял первое место, а на городском конкурсе среди пяти школ их школа стала победительницей.

Отношение к Глаше резко изменилось. На переменах девочки окружали ее, каждой хотелось с ней поговорить. Узнав, что она живет на окраине города, наперебой приглашали к себе в гости с ночевкой. Жанна предложила после уроков готовить домашнее задание в пионерской комнате.

Неожиданно Глаша получила записку с непонятным ей содержанием. Мальчик писал: «Грудзинская, я к тебе неравнодушен». Она подумала, что он хочет ее оскорбить, и с возмущением написала на той же записке: «Может быть, я к тебе больше не равнодушна, но молчу». Мальчик написал новую записку: «После уроков буду ждать около школы». «Наверно будет бить», – подумала Глаша и после урока убежала в пионерскую комнату. Около месяца Глаша уклонялась от встреч. Наконец, он перестал писать записки и обращать на нее внимание. Глаша решила: «Значит, бить не будет».

Незаметно подошли экзамены. По немецкому языку Глаша получила пятерку, а по алгебре двойку. Экзамен для двоечников перенесли на осень. Ей пришлось все лето ходить в школу на занятия для отстающих учеников. Она с радостью убегала из барака, из опостылевшей ей обстановки ругани и пьянства. На насыпи железной дороги, у Глаши поднималось настроение, и она переходила с шага на бег. Запыхавшись, снижала темп бега, вдыхая полной грудью воздух, насыщенный запахом тундры, в которых сильно выделялись запахи болот и

цветущего багульника. Стоило только сбавить шаг, комары моментально начинали жужжать около лица. Хлопнув ладонью по самому нахальному, усевшемуся на лоб, вновь переходила на бег. Убегая от своры кровопийц, она пробегала иногда семь километров за сорок минут.

В новом учебном году Глаша на перекличку шла в приподнятом настроении. Математику она пересдала на четверку и перешла в седьмой класс. Девочки встретили ее дружелюбно и радостно, как старую хорошую знакомую. Многие с ней обнимались. У Глаши исчезла суровость и подозрительность во взгляде. Она раскрепостилась и чувствовала себя равной среди равных. Часто выступала заводилой в играх и шалостях. Ее активную позицию заметили не только в классе. На выборах в Совет дружины школы за ее кандидатуру проголосовали единогласно.

К празднику 7 ноября лучших учеников, которым исполнилось четырнадцать лет, приняли в комсомол. На первом комсомольском собрании класса секретарь комсомольской организации школы спросил:

– Какие предложения по кандидатуре комсорга класса?

Все дружно закричали: «Грудзинская».

Став комсоргом, Глаша была заводилой во многих мероприятиях и поддерживала любые начинания одноклассников.

Уроки по физкультуре проходили в актовом зале. На время занятий стулья устанавливались вдоль стен, а посредине зала ставились спортивные снаряды: «конь» и «козел». Переодевались девочки в классе. Одна девочка, переодевшись в спортивный костюм, стала неумело отбивать чечетку. Глаша научилась у отчима прекрасно отбивать чечетку с несколькими коленами. Ей захотелось блеснуть своим мастерством. Она забралась на стол, и звонкая дробь чечетки понеслась по классу. Дробное постукивание сменялось присядкой. После подпрыгивания и удара каблуками друг о друга, вновь рассыпалась бешеная дробь с пристукиванием каблуками. Зрители гудели от восторга. Неожиданно шум смолк. Глаша остановилась и посмотрела на дверь. Там стояла директор школы. Она вошла в класс и произнесла:

– Конечно, комсорг должен быть на кафедре.

Глаша моментально соскочила со стола и остановилась, потупив взгляд.

– Идите на урок физкультуры, а то опоздаете, – произнесла Наталья Ивановна.

Глаша выскочила из класса и понеслась со всех ног на первый этаж в спортзал. За беготню по коридорам учеников ставили к стене до конца перемены, но она об этом не думала. К счастью, по пути никто из учителей не встретился. На следующем уроке немецкого языка она сидела с опущенным взором, ей было стыдно посмотреть в глаза учительнице, которую не только уважала, но по-своему любила. Шло изучение предлогов. Выслушав урок у нескольких учеников, Наталья Ивановна спросила:

– Как сказать по-немецки: стрекоза на столе?

Глашино сердце замерло, она испугалась, что спросят ее, но учительница видела состояние девочки и пощадила ее, спросив другого ученика.

С наступлением сезона метелей мать устроила дочь на жительство к знакомым Ждановым. Их дочь Лиля была немного старше Глаши и училась в другой школе. Она часто возвращалась из школы много позже окончания уроков. Глаша к этому времени уже успевала выучить уроки. Лиля появлялась раскрасневшаяся и взлохмаченной, с губ еще не успела сойти приятная улыбка, а глаза сияли веселой задорной радостью. Мать всегда встречала дочь руганью и устраивала разнос:

– Где ты опять шлялась, красючка несчастная?!

– Во Дворце пионеров, – отвечала дочь.

– Знаю я твой Дворец пионеров, в кого ты только такая уродилась?

Глаша впервые внимательно и оценивающе посмотрела на Лилю. Перед ней стояла высокая красивая оформившаяся девушка с высокой грудью и стройной фигурой. Темные волосы были разлохмачены. Красивое лицо украшали густые брови и длинные ресницы. В глазах сиял веселый задорный огонек. Немного утолщенные губы изгибались в улыбке.

В очередное воскресенье Лиля пригласила Глашу во Дворец пионеров. Там она познакомила ее со своими подругами, заявив:

– Ты оставайся здесь, а я пойду на свидание. Вечером зайду за тобой.

Мать Лили с облегчением вздохнула, видя, что девочки подружились и вместе ходят во Дворец пионеров.

Перед Новым годом город накрыла «черная пурга», и Глаша не смогла уехать к родным. Она пошла с Лилей во Дворец пионеров на новогодний праздник. Девочки принесли большой рулон марли, и Глаша подключилась шить платья, к которым спереди приклеивали гербы союзных республик. Лиля, как всегда, убежала на свидание.

Веселье вокруг елки продолжалось до глубокой ночи. В тот период года стояла полярная ночь, и люди ориентируются во времени только по часам. В новогоднем маскараде участвовали взрослые и дети, водили хороводы, пели песни, выступали артисты.

После окончания веселья Глаша вместе со всеми вышла на крыльцо. Ветер немного утих, но на город по-прежнему сыпал снег, на небе ни единой звездочки. Она подождала, когда все разошлись, и стала искать взглядом Лилю. Ее не было видно, и Глаша решила ехать домой в барак к матери. Автобусы еще ходили по городу, и она доехала до остановки «Первый пикет». Здесь выяснилось, что поезд на Алевролиты не пойдет, а автобус, на котором она приехала, был последним. Возвращаться в Норильск к Ждановым было не ближе, чем до барака матери, и девочка в полночь зашагала по шпалам, занесенным снегом.

В метель сильных морозов не бывает. Она даже не стала кутать в платок нос, как обычно делала при низких температурах воздуха. Ветер дул в попутном направлении, но не помогал в движении, а часто препятствовал ходьбе, когда вытаскивала ногу из очередного намета, порыв ветра толкал ее вперед, и нога вновь оказывалась в сугробе. Приходилось наклоняться, сдерживая напор ветра. Затем рукой помогать ноге вытаскивать валенок из снега. Выбиваясь из сил, она повторяла про себя: «Надо дойти, в доме будет тепло».

Когда свернула с насыпи, которую снег сровнял с окружающей местностью, оказалась в снегу выше пояса. По-пластунски проползла больше десяти метров, поднялась на ноги и побрела по тундре, утопая в снегу выше колен и оставляя за собой снежную траншею. Барака она не увидела, его до крыши замело снегом. Перед ней оказался огромный сугроб, на вершине которого в нескольких местах пробивался дым. С большим трудом ей удалось разыскать место тамбура. Днем жители расчищали от дверей траншею для выхода из барака. В ней снег был мягче, чем слежавшийся по бокам траншеи. Из последних сил она пробилась к двери, ухватилась за металлическую ручку мокрой рукавичкой и остановилась перевести дух. Шерстяная рукавичка моментально примерзла к металлу. Дверь, открывающая внутрь барака, легко отворилась. Оказавшись в коридоре, Глаша захлопнула дверь и присела на корточки, чтобы отдышаться.

Миля, услышав стук в дверь, поднялась с кровати, зажгла лампу и пошла ругаясь к двери:

– Кого там черти носят по ночам?

Когда перед ней оказалась дочь с головы до ног обсыпанная снегом, ее взорвало как бомбу, осколки которой полетели в Глашу:

– Язва тебе в душу! Какие черти тебя носят по ночам!? Посмотри на часы, уже три часа ночи! Если замерзнешь – черт с тобой, но мне отвечать придется.

Глашу колотила дрожь от холода, она не могла ничего сказать матери, язык не поворачивался. От поднятого шума проснулся отчим:

– Миля! Прекрати ругань! Ребенок замерз, хочет есть.

Он поднялся, подошел к окну, взял бутылку со спиртом и налил половину граненого стакана. Подавая стакан падчерице, произнес:

– Пей!

Глаша поднесла стакан ко рту, зубы стали стучать по стеклу. «Выбивают чечетку», – подумала она. Выпила, не поморщившись, как воду. Мать закатила тираду ругани:

– Прекрати спаивать девчонку, бабник недоделанный. . .

От шума проснулась Тома. Испугавшись криков начала плакать. Глашу колотил озноб во всем теле. Отчим налил в кружку молока и подал ей. Она не смогла его выпить. Скорее разделась и нырнула под одеяло. Засыпая, слышала слова отчима:

– Прекрати истерику!

– Не гавкай, – ответила мать.

Продолжение ругани Глаша не слышала, погрузившись в крепкий сон. Утром отчим спросил:

– Как себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Голова болит?

– Нет.

Шли зимние каникулы. Глаша включилась в домашнюю работу. Уходя из дома, мать давала ей поручения, которые надо было выполнить до возвращения с работы взрослых. На попечении школьницы оставались трое маленьких детей. Нона родила второго ребенка. Глаша успевала прибрать в квартире, приготовить

обед, истопить печь. За дровами и углем выскакивала в одном платье. Ей не всегда удавалось выполнить все поручения матери, которая никогда не хвалила ее, но не оставляла без внимания ни одного промаха. Обычно свою ругань она начинала так:

– Что ты за человек? Сделала то, что я не просила, а когда что-нибудь прошу, никогда не выполняешь просьбу.

Каникулы пролетели в заботах о детях и в выслушивании постоянной ругани матери. Глаша обрадовалась, когда они закончились, и за день до начала занятий в школе отправилась к Ждановым. Вышагивая по шпалам, вспомнила Лилю и подумала: «Интересно, что она придумала сказать матери, вернувшись домой с новогодней елки без меня». Затем начала вспоминать последние события в школе, ей захотелось скорее увидеть школьных подруг и расспросить, как они провели каникулы. С радостным чувством шла ускоряя шаг. Ее настроение испортилось, когда вспомнила, что не притронулась к книге, которую задали прочитать на каникулах.

Седьмой класс Глаша закончила без двоек, но радоваться причин не было. Большинство ребят уезжали на короткое северное лето в пионерский лагерь, а ей предстояло заниматься домашним хозяйством и нянчиться с детьми.

Все лето Глаша работала как заводная, она уставала до полного бессилия. Мать не хотела этого замечать, отчим старался подбодрить и похвалить девочку:

– Глашенька, какой вкусный суп ты сегодня приготовила!

Миля тут же взрывалась:

– Значит, я готовлю хуже этой молокососки!

Начиналась привычная перебранка и ссора родителей.

Как-то, отправляя дочь в город с поручением, мать сказала:

– Нарви по дороге жарков и продай, хватит быть дармоедкой.

Оранжевые полянки цветов сияли под ярким полярным солнцем между озер и болот. Стоило Глаше ступить на мягкий моховой покров, на нее набросилось полчище комаров и мошек. Переходя от одного кустика цветов к другому, она обмахивала лицо букетом, но это мало помогало. Мошки жалили в лоб, щеки, лезли в нос и уши. Неожиданно у нее из-под ног вылетел выводок белых куропаток. Их было много – больше десяти. Птицы, не поднимаясь высоко, сделали полукруг и опустились на тундру.

Выбравшись на насыпь, Глаша почувствовала, что ее лицо горит и чешется, словно его отстегали крапивой. Прижимая букет одной рукой к груди, второй чесала лицо, расцарапывая до крови. Понюхав цветы, обратила внимание, что они не имеют запаха. На улице Норильска около автобусной остановки она с букетом в руках остановилась возле женщин, торгующих черникой. Рядом стоящая бабушка в фартуке с карманом на груди сказала:

– Так у тебя цветы никто не купит. Вот тебе газета, разложи на ней их букетами.

Проходящие мимо люди смотрели на цветы и поднимали глаза на молодую продавщицу. Под их любопытным взором Глаше становилось не по себе, и она старалась делать вид, что цветы не ее. Стоявший в стороне на автобусной остановке мужчина, долго наблюдавший за девочкой, подошел к ней и спросил:

– Сколько стоит букет цветов?

Этот вопрос застал Глашу врасплох, она не знала цены цветов. Стояла и молчала. Соседка выручила ее:

– Все продают жарки по десять рублей за букет, а девочка дешевле – по семь рублей.

– Я заплачу за все цветы, если ты выбросишь их в урну, – обратился мужчина к девочке.

Глаша растерялась и не знала, что ответить. Ее соседка с возмущением произнесла:

– Иди отсюда, доброжелатель, без тебя она все цветы продаст.

Миля, приняв от дочки деньги, вырученные за цветы, пересчитала и сказала:

– Завтра пойдешь еще продавать цветы.

Женщины на базарчике встретили девочку как старую знакомую. Бабушка, взглянув на ее лицо, покрытое коростами, покачала головой:

– Нельзя чесать лицо после укусов, надо терпеть.

Глаша с нетерпением ждала нового учебного года, чтобы избавиться от домашних хлопот, вечной ругани и оскорблений матери. Собираясь в школу, спросила:

– Жить я буду у Ждановой?

– Если есть деньги заплатить за квартиру, оставайся. Я заплачу с наступлением холодов.

Начались для Глаши ежедневные изнурительные переходы по четырнадцать километров в день. Иногда она доезжала до 108 пикета на товарных поездах, следующих за углем и алевролитами. Научилась спрыгивать с поезда на ходу, когда он замедлял движение на стрелке.

После смерти Сталина, в 1953 году, многих заключенных выпустили на свободу. Некоторые не представляли жизни вне лагеря и стремились вернуться в него, совершая различные преступления. После школы Глаша шла вдоль железной дороги к вокзалу, собираясь уехать на грузовом поезде, стоящем у перрона. Уже стемнело, только перрон и вокзал сияли в электрическом свете. Когда до вокзала оставалось недалеко, из темноты вынырнул мужчина:

– Женщина, пойдемте со мной, у меня есть спирт.

Глаша ускорила шаг, он приближался сзади:

–Женщина, подождите, найдем коньяк, хорошо проведем время.

Подойдя ближе, бывший заключенный увидел в руках девочки портфель:

– Так ты школьница, пойдем со мной, найдем шампанское.

Глаша испугалась не на шутку, молчала и ускоряла шаг. Она уже подошла к вокзалу, но до дверей было далеко. Ее мысли интенсивно работали, она искала способ спасения: «Побежать – догонит, заскочить на подножку вагона поезда, который начал движение – сдернет».

Мужчина догнал ее и приставил нож к боку. Глаша остановилась, ее обдал холодный пот, а преследователь продолжал говорить:

– Ах, ты брезгуешь, так мы пропустим тебя через строй.

Глаша похолодела от страха, ее взгляд упал на дверь, на которой было написано: «Посторонним вход запрещен». Не отдавая отчета, она бросилась к

двери, распахнула и влетела в комнату. В помещении находились две женщины и двое мужчин.. Один разговаривал по телефону, второй в форме железнодорожника с офицерскими погонами стоял рядом.

– За мной гонится с ножом, – заикаясь, испуганным голосом произнесла девочка.

– Я ему сейчас покажу, – произнес дежурный в форме и выскочил за дверь.

Женщины помогли Глаше снять пальто и предложили погреться у печки. Она рассказала им, что собиралась уехать на поезде, но он уже ушел. Когда согрелась и отошла от потрясения, сказала: «Пойду пешком».

– За час дойдешь? – спросила женщина.

– Не знаю.

– Тогда сиди в тепле и жди. Через сорок минут пойдет состав за углем, за двадцать минут доедешь до своего пикета, машинист притормозит поезд.

Многое пришлось Глаше пережить и испытать на себе за время жизни в Норильске. За шестьдесят прошедших лет большинство событий стерлись из ее памяти, но экстремальные моменты до мельчайших подробностей сохранились на всю жизнь.

В восьмом классе у нее не хватало времени учить уроки. И она потеряла интерес к учебе, перестала ходить в школу.

После очередной ссоры матери и отчима, он собрался бросить семью и уехать на материк. Встретив Глашу во дворе с ведром угля, предложил:

– Дай мне ведро, я донесу.

Около крыльца остановился и тихо произнес:

– Глашенька, мать тебя не любит, а я люблю. Ты не маленькая – давно это заметила. Поедем со мной на материк, я буду работать в цирке, а ты учиться. Ухаживать придется только за мной, а не за такой оравой, какая здесь.

Глаша видела, каким слащавым взглядом отчим часто оглядывал ее стройную девичью фигуру. Она боялась оставаться с ним наедине, но, несмотря на это, дала согласие бежать вместе с ним. Она была готова ехать с кем угодно и куда угодно, лишь бы вырваться из обстановки, в которой оказалась.

Через некоторое время родители помирились. Мать знала все слабые струны в характере мужа и умело играла на них, добиваясь своего. Она боялась остаться одна с тремя детьми и удерживала его около себя всеми возможными ей способами. В порыве нахлынувших чувств Михаил рассказал супруге, что хотел тайно от нее уехать из Норильска вместе с падчерицей. Миля обняла его за шею и поцеловала.

– Неужели ты смог бы оставить меня и своего ребенка?

Произнесла она эти слова как можно ласковее. В душе же кипела злость и ненависть к дочери.

– Конечно, не смог бы вас бросить. После выпивки нашло помутнение.

Оставшись с дочерью наедине, Миля вылила на нее всю злость, которая в ней накипела:

– Бессовестная девчонка, лягушка растоптанная, хотела уехать с чужим мужиком! Только надо подумать, у матери хотела отбить мужика!

Миля долго бесновалась, выливая на голову дочери поток ругани. Она не успокоилась на этом, на следующий день пошла в Горком комсомола жаловаться на дочь.

В Горкоме комсомола Глашу расспросили об инциденте. Не чувствуя за собой вины, она подробно рассказала о своей жизни. Ей задали один вопрос:

– Почему не хочешь учиться?

– Устала, болею, – коротко ответила она.

Ее отпустили, не объявив даже устного выговора.

Возвращалась домой Глаша, спотыкаясь о щебень между шпалами железной дороги. Она шла медленно, оттягивая встречу с матерью. Ее не радовал осенний цвет тундры, моховые ковры, усыпанные красными ягодами. Когда с придорожного болота взлетел выводок уток, она даже не проводила его взглядом, хотя всегда любила наблюдать за их полетом. Около дома опустила руку в карман и обнаружила, что там нет комсомольского билета, по которому входила в здание Горкома комсомола. Потеря комсомольского билета окончательно лишила ее смысла жизни. Ей не хотелось жить. Сердце стонало от боли и горя. Войдя в дом, достала пузырек с уксусной эссенцией, выпила, запила водой и легла умирать. Ей хотелось умереть назло матери, чтобы ей стало жаль дочь. Она не знала, что мать давно развела эссенцию водой. Ее лицо и тело стали покрываться красными пятнами, в горле и желудке появилась боль. «Интересно успею ли я умереть до прихода родителей», – подумала она. В это время скрипнула дверь и в комнату вошла Нона. Взглянув на племянницу, спросила:

– Что с тобой?

– Я умираю.

– Почему ты так решила?

– Выпила уксусную эссенцию.

Нона зачерпнула из бачка кружку воды, посадила Глашу на кровать и заставила пить воду. Затем засунула два пальца племяннице в рот и вызвала рвоту. Промыв желудок спросила:

– Зачем ты это натворила?

Глаша молчала.

Когда мать вернулась с работы, Нона ей рассказала о случившемся в доме. Миля взяла в руку со стола пустой пузырек, покрутила и произнесла:

– Хотела сварить кисель, а Глашка весь уксус выпила. Умереть – не умерла, а уксус перевела.

От таких слов матери Глаша почувствовала, что внутри у нее что-то оборвалось. Она знала, что мать ее не любит, но чтобы желала ей смерти, слышала впервые. Эти слова ее потрясли, несколько дней она не разговаривала с матерью. Оправившись от шока, решила уехать в Красноярск и поступить учиться в музыкальную школу. Своих денег у нее не было, пришлось обратиться к матери:

– Мама, дай мне денег на билет до Красноярска.

– Зачем собралась в Красноярск?

– Хочу поступить учиться в музыкальную школу.

– Одну не отпущу. Скоро всей семьей поедем в отпуск в Иркутск. Там поступишь учиться.

Миля уложила в сумку приготовленные к продаже вещи и, обращаясь к дочери, кратко сказала:

– Сходи на базар, продай, нужны деньги на дорогу.

– По какой цене продавать?

– Ты, что маленькая? Бестолочь! Пройди по рядам, приценись, затем торгуй.

На базаре поношенные вещи охотно покупали освободившиеся из заключения, чтобы переодеться перед отъездом на материк. Глаша встала на свободное место между женщинами, разложила товар, куртку и брюки отчима повесила на руку. Она запрашивала цену немного ниже, чем другие

К Глаше подошли два молодых мужчины – бывшие заключенные. Одного она видела у отчима. Он приподнял куртку до подбородка девочки и стал рассматривать, завел с ней разговор, любезничал и говорил комплименты. Когда покупатели отошли в сторону, рядом стоящая женщина прошептала:

– Тот, который ниже ростом, вытащил у тебя из кармана деньги.

Глаша засунула руку в карман и, не обнаружив там денег, устремилась к жуликам.

– Верните деньги, – произнесла твердым голосом.

– Какие деньги? – удивился вор.

– Которые вытащил из кармана.

– Нет у меня твоих денег.

– Если не вернете, пожалуюсь отцу.

– Кто твой отец? – спросил высокий мужчина.

– Вы же знаете, вы были у нас.

– Не помню, напомни.

Глаша назвала отчима.

– Сколько у тебя было денег?

– Пятьдесят рублей.

– Верни в двойном размере, – сказал он товарищу.

– Не надо мне в двойном размере, верните мои деньги.

Жулик вернул деньги, и мужчины удалились.

В свой первый отпуск родители собирались тщательно. Даже Глаше купили поношенный костюм ее размера. Михаилу после долгой разлуки очень хотелось представить матери свою семью в лучшем виде.

В Иркутске

1

Мать Михаила проживала в поселке Касьяновка под Черемхово Иркутской области. Получив телеграмму о приезде сына с семьей, очень волновалась и готовилась к встрече. И все-таки, увидев гостей во дворе, растерялась. Она рассталось с сыном, когда ему было девять лет. В

тридцатичетырехлетнем мужчине трудно было узнать того мальчика, с которым она простилась двадцать пять лет назад. Материнское сердце подсказало ей, что это ее сын. Михаил узнал мать. Она сильно постарела и походила на его бабушку – свою маму.

Михаил поставил чемодан на землю, развел руки в стороны и произнес:

– Мама!

Она бросилась к нему, прижалась головой к груди и заплакала. Сын и мать стояли обнявшись, каждый вспомнил, какими они были в год расставания, когда пурга, пронесшаяся над страной, разлучила их на четверть века.

– Мама, успокойтесь, мы же встретились, надо радоваться. – Произнес Михаил, отстраняя ее от себя, не выпуская из рук. – Познакомься: это моя жена и дочки.

Вера Даниловна из писем знала, что сын женился на женщине с ребенком, и у них родилась общая девочка.

Михаил повернул мать к Глаше, которая держала за руку Тому. Бабушка подошла к внучкам и произнесла:

– Давайте познакомимся, я ваша бабушка.

Она присела около девочек и, протянув руки к Томе, пригласила:

– Иди ко мне.

Девочка смутилась и сделала шаг назад. Вера Даниловна окинула взглядом Милю и Глашу.

– Очень рада, что вы приехали ко мне, – засуетившись, произнесла она, – проходите в дом, там познакомимся. Стол давно накрыт в ожидании вашего приезда.

Проживала Вера Даниловна в небольшом домике, похожем на «завалюшку». Муж ее давно скончался, и существовала она за счет мизерной пенсии и огорода. Дорогого убранства в доме не было. Чувствовалось, что хозяйка доживает свой век, не обращая внимания на уют.

2

Глаша изучала справочник для поступающих в высшие и средние учебные заведения, купленный в Иркутске.

– Выбрала, в какой техникум идти учиться? – спросила мать.

– Мне хочется пойти учиться в музыкальное училище.

– Это что за специальность у тебя будет! – возмутилась мать. – Приобрети специальность, чтобы всегда был кусок хлеба, а затем занимайся музыкой сколько душе угодно.

В разговор вмешался отчим:

– Миля, успокойся, может ей суждено стать знаменитой артисткой, будем ходить на ее концерты.

– Заткнись! – грубо оборвала мужа Миля. – Знаю я этих артисток, моя дочь должна получить техническую специальность.

Через несколько дней Глаша поехала в Иркутск сдавать документы в машиностроительный техникум. Найти его труда не составило, адрес был указан

в справочнике. Сдав документы в приемную комиссию, Глаша отправилась знакомиться с городом.

Иркутск – старинный сибирский город, основанный как острог в 1661 году, раскинулся на берегах Ангары в месте впадения в нее реки Иркута. Старинный купеческий город сохранил много исторических памятников архитектуры давно ушедших веков. В дореволюционные годы служил местом ссылки политических заключенных. Здесь в 1791 году побывал в ссылке А. Радищев, осужденный за публикацию книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Сюда ссылались декабристы. Сегодня город – крупный административный, культурный и промышленный центр страны. На всю страну известна Иркутская ГЭС, авиационный завод, завод тяжелого машиностроения и другие предприятия.

Глаша шла по улицам города и рассматривала здания, которые по архитектуре отличались от выстроенных в Норильске. На остановке транспорта села в трамвай и доехала до старой части города. Она почувствовался, что попала в музей архитектурного зодчества. Здания не походили друг на друга, на многих красовались вывески о принадлежности их к памятникам архитектуры. Остановившись около церкви, решила зайти в нее и посмотреть убранство, но дверь оказалась закрытой. На территории, огороженной вокруг храма, стояло два домика, в которых жили прихожане, обслуживающие церковь. Из одного вышла женщина, одетая во все черное, подошла к Глаше и мягким тихим голосом спросила:

– Девушка, вы кого ищите?

– Хотела посмотреть.

– Храм откроется в шесть часов.

– Очень жаль, я живу не в городе.

– Как оказались в Иркутске?

– Приехала сдать документы в техникум.

– Пойдем ко мне, подождешь до открытия храма. Как тебя зовут?

– Глашей.

– А меня Марфой Даниловной.

Глаша почувствовала расположение к женщине и последовала за ней. Они вошли в помещение, в котором стоял запах свежей выпечки. На деревянных подносах остывали просвиры.

– Есть хочешь? – спросила хозяйка.

– Не хочу, спасибо, – ответила Глаша.

Она завтракала утром перед отъездом в Иркутск. Время давно перевалило за полдень, ей хотелось есть, но признаться незнакомому человеку стеснялась.

– Вижу, что хочешь, садись к столу, покормлю.

Утолив голод кашей и просвирами с чаем, Глаша стала рассматривать помещение и увидела на стене гитару.

– Можно я поиграю на гитаре? – попросила она.

– Конечно можно, возьми и играй, я с удовольствием послушаю.

Гитара оказалась расстроенной, Глаша подтянула струны, заиграла и запела. Женщина внимательно слушала, а когда Глаша прекратила пение, произнесла:

– Ты прекрасно поешь, тебя надо показать отцу Василию. Скоро начнется служба, пойдем в храм.

Глаша впервые попала в церковь. Полумрак, горящие свечи, лики святых на иконах и монотонный голос священника привели ее душу в состояние, которое она раньше никогда не ощущала. До ее сознания не доходил смысл проповеди, все внимание сосредоточилось на множестве икон.

Когда служба закончилась, Марфа Даниловна подвела Глашу к батюшке, поцеловала его руку и произнесла:

– Эта девушка очень хорошо поет, не могли бы вы ее прослушать?

– Обязательно послушаю, – ответил священник и, обращаясь к Глаше спросил:

– Вы крещеная?

– Нет.

– Надо бы окрестить, но без согласия родителей не могу.

После короткого разговора они пошли в домик Марфы Даниловны. Она сняла со стены гитару, подала Глаше и сказала:

– Пой.

Прослушав несколько песен, батюшка спросил:

– Православные песни знаете?

– Не знаю.

– Жаль, вы могли бы стать украшением нашего церковного хора.

В это время открылась дверь и в комнату вошли девочка и мальчик.

– Мама, – произнесла девочка, – можно мы пойдем в парк?

– Сходите, погуляйте и возьмите с собой Глашу, она еще плохо знает город.

Девочка была немного старше Глаши и довольно бойкая. Она взглянула на Глашу и произнесла:

– Меня зовут Людой, пойдем с нами.

Дети вышли на улицу, Люда тут же начала задавать вопросы:

– Как ты оказалась у моей мамы?

– Пришла посмотреть церковь, а она оказалась закрытой.

– Тебе разве в школе не говорили, что комсомольцам нельзя посещать церковь?

– Говорили, но я уже не комсомолка.

– Почему?

– Потеряла комсомольский билет.

– Разбирали на комсомольском собрании?

– Не разбирали.

– Почему?

– Я бросила ходить в школу.

– Зачем приехала в Иркутск?

– Поступать в техникум.

– А я учусь в десятом классе.

Незаметно за разговорами дети подошли к парку, из которого доносилась музыка духового оркестра. Березовая аллея привела их в центральную часть парка. На летней эстраде играл духовой оркестр, все сиденья перед сценой

заполнила публика. Глаша впервые слышала духовой оркестр и стояла зачарованная незнакомой музыкой. Люда дотронулась до ее руки и сказала:

– Пойдем, покатаемся на карусели.

– Вы идите, а я буду слушать музыку.

3

Экзамены в техникум Глаша сдала успешно, ее приняли с назначением стипендии в размере 185 рублей. О своем зачислении узнала из списка студентов первого курса, который, висел на доске объявлений. Общежитие ей, как и многим студентам, техникум не предоставил.

Несколько девочек стояли перед доской объявлений и оживленно что-то обсуждали. Глаша прислушалась.

– Я видела на столбе записку с предложением сдать комнату студентам, – произнесла одна девочка.

– Когда ты видела?

– Сегодня.

– Пойдем, посмотрим, пока кто-нибудь не сорвал.

Девочки направились к выходу, Глаша последовала за ними. Неизвестный автор объявления на кусочке тетрадного листа предлагал комнату на четыре места по улице Красногвардейской.

– Нас трое, – произнесла одна из девочек, срывая объявление со столба, – придется искать четвертого человека.

– Возьмите меня с собой, – предложила Глаша.

Девочки обрадовались и стали знакомиться с компаньонкой. Они сняли комнату у хозяйки, которая представилась тетей Зиной. Небольшая комната вмещала четыре кровати, аккуратно заправленные, и столик. Условия для жизни и учебы были вполне приемлемыми.

Среди студентов первого курса выделялись взрослые парни, отслужившие срочную службу в армии и во флоте. В то время на флоте служили по пять лет. Не успели студенты освоиться и перезнакомиться, как их отправили в колхоз на уборку картофеля. Мальчиков разместили в клубе, а девочек направили на окраину села в гараж, где жили женщины, приехавшие на заработки. Они получали от колхоза мешок картошки за каждые выкопанные десять мешков картофеля. На воскресный день все женщины уехали в город, осталась только одна бабушка.

Закончив трудовой день, девочки отправились в клуб, где для них приготовили ужин. После сытной еды многих потянуло в сон, и студентки отправились в гараж отдыхать, несколько девочек остались на танцы. Они танцевали с сельскими парнями и солдатами стройбата. После их возвращения бабушка на правах старшей и знающей установленный в гараже порядок, закрыла ворота на кованый большой крючок и вложила палку поперек ворот в скобы.

Глаша уже заснула, когда у ворот послышался мужской голос:

– Лена! Лена!

Она проснулась и прислушалась. Голос звучал громче и настойчивее:

– Лена! Лена! Выйди, надо поговорить!

Девочки еще не успели познакомиться и не знали, есть ли среди них Лена или вызывают кого-нибудь из уехавших женщин. Все притихли и молчали.

Послышались удары и скрип ворота. Неизвестные просунули плоский предмет между створками и сбросили крючок. Затем этим же предметом выдвинули из скоб палку.

В гараж вошли трое солдат и фонариком стали освещать лежащих девочек, которые ощутив на лице луч света, закрывались одеялами с головой.

– Так их тут много, – произнес один из солдат. – Федя, беги в роту, зови сюда взвод, а мы их покараулим.

Девочки лежали в страхе, ожидая дальнейших событий. Бабушка поднялась со своего места, подошла к солдатам и произнесла:

– Сынки, выпустите меня по нужде.

Солдат осветил фонариком ее морщинистое лицо и, отступив в сторону от ворот, сказал:

– Проходи.

Оказавшись на свободе, бабушка отошла несколько метров от гаража и побежала по улице насколько позволяли силы. За ней с лаем бросилась собака, выскочившая из-под ворот соседнего дома. На ее лай из других дворов выскакивали собаки, и свора с лаем гналась за женщиной. Страх за девочек и лай преследуемых собак заставляли ее бежать со скоростью, с которой никогда в жизни не бегала. Она несколько раз споткнулась о кочки на дороге, едва удержавшись на ногах. Когда до клуба оставалось около сотни метров, она уже не могла бежать, а еле переставляла ноги, сердце старой женщины готово было выскочить из груди. «Господи, помоги мне добраться до клуба, – произнесла шепотом, – не дай Господи случиться с девочками беде».   Войдя, запыхавшись в клуб, бабушка, задыхаясь, спросила:

– Кто старший у студенток?

– В чем дело? – спросил преподаватель Замякин.

– Их захватили солдаты.

Он мгновенно побежал к дверям, за ним последовали несколько взрослых ребят, отслуживших в армии. Выскочив из клуба, они помчались по пыльной дороге, освещенной лунным светом. Прибежав к гаражу, парни скрутили охранников, крепко помяв им бока. Подоспевший Замякин, задыхаясь от быстрого бега, обратился к студентам:

– Прошу вас без рукоприкладства.

Предупреждение опоздало. Студенты заломили солдатам руки за спины и крепко их держали. Преподаватель вбежал в гараж и крикнул студенткам:

– Быстро забирайте свои вещи и бегом в клуб!

Стройбатовцы приехали к гаражу на грузовой автомашине. Девушек там уже не было, их встретили побитые сослуживцы.

– Где девки? – спросил Федор.

– Их увели в клуб.

– Почему отпустили?

– За ними прибежало целое отделение парней.

– А нас взвод, едем в клуб, – предложил кто-то.

Возбужденные и раздосадованные солдаты вооружились палками, вырванными из соседнего забора, и поехали к клубу. Там они потребовали участников освобождения девушек выйти на улицу для разговора.

Руководитель студенческого отряда Замякин, опасаясь драки, позвонил в комендатуру. Через считанные минуты к клубу подкатил ГАЗ-67 с комендантом и вооруженными солдатами. Майор приказал двум солдатам с автоматами встать около входа в клуб, а сам подошел к стройбатовцам и громким голосом скомандовал:

– В шеренгу по одному становись!

Солдаты неохотно построились. Комендант продолжал:

– Давно наступило время отбоя, вам следовало находиться в расположении части. За групповую самовольную отлучку я должен всех вас отправить на гауптвахту.

Солдаты приуныли, улыбки исчезли с их лиц.

Майор сделал паузу, чтобы проступок дошел до сознания военнослужащих. Он знал, что в камере гауптвахты нет места для размещения целого взвода. Немного подумав, подал команду:

– Кто желает искупить свой проступок на гауптвахте, шаг вперед!

Никто не вышел из строя.

– В таком случае на вас наложит дисциплинарные взыскания командир батальона. Быстро в машину и в часть.

Стройбатовцы не стали ждать худшего развития событий, заскочили в машину и быстро укатили.

Студенты думали, что на этом инцидент исчерпан. Утром, не выспавшись, позавтракали и отправились в поле копать картошку. Настроения шутить и смеяться, как в первый день, не было. Выполнив задание по копке картошки, установленное колхозным бригадиром, вернулись к клубу и стояли у крыльца, обсуждая прошедший день. В это время заметили грузовую машину, несущуюся по улице с большой скоростью. Неожиданно машина свернула на толпу людей. Все успели отскочить к крыльцу, она пронеслась рядом, из нее вылетела заводная рукоятка и угодила в плечо Замякину. Опасаясь развития событий с плохими последствиями, он позвонил в техникум, и на следующий день за девочками прислали автомашину. Первый выезд в колхоз закончился для них происшествием, запомнившимся на всю жизнь.

Вскоре Глаша проводила родителей в Норильск. Она надеялась, что мать оставит ей немного денег, но они не умели экономно тратить их и к концу отпуска остались без копейки. Им пришлось давать телеграмму Ноне, чтобы та выслала деньги на обратную дорогу. Глаша из своей стипендии сто рублей платила за квартиру, а на оставшиеся восемьдесят пять рублей питалась почти одним хлебом.

С наступлением холодов ее стал мучить не только голод, но и холод. Она ходила в техникум в материнском старом габардиновом пальто. Оно ей было великовато, и она чувствовала себя в нем неуютно. Ветер забирался под широкий подол, проникал до груди и, казалось, доставал до самого сердца.

Экзамены за первый семестр Глаша сдала с одной тройкой по математике, и ей не дали стипендию. Две девочки, проживающие в комнате с Галей, экзамены завалили и уехали по домам, а третья перевелась в пушно-меховой техникум. Там давали стипендию с тройками. Глаша в комнате осталась одна, у нее не было денег не только платить за квартиру, но и на питание. Испытывая неловкость и стыд, она обратилась к хозяйке:

– Тетя Зина, можно я вам заплачу за квартиру, когда мама вышлет мне деньги?

– Конечно, можно.

Понимая положение девочки, сердобольная женщина часто приглашала ее к столу. Иногда просила позаниматься с внуком - первоклассником. Глаша, чтобы как-то отблагодарить хозяйку, по утрам чистила снег во дворе. Иногда ей становилось так голодно, что она занимала по рублю у подруг с обещанием вернуть после получения перевода.

Деньги мать прислала только весной. Глаша, первым делом, рассчиталась с хозяйкой и вернула долги подругам. Из оставшихся денег отложила нужную сумму на проезд до Норильска и купила ватную стеганую фуфайку. Это была замечательная фуфайка! Плотно облегала девичью фигуру. В ней было тепло и легко идти по улице. Глаше казалось, что все обращают внимание на ее обновку.

Еще была не забыта Великая Отечественная война. В техникуме большое внимание уделялось физической и военной подготовке. Сдавались нормы на значок «Готов к труду и обороне», регулярно в тире проводились стрельбы из малокалиберной винтовки. Глаша показывала хорошие результаты в стрельбе, записалась в стрелковую секцию и много времени проводила в тире. Военрук готовил ее к сдаче на разряд на очередных районных соревнованиях между техникумами.

Второй семестр закончился десятого июля, Глаша вышла из здания техникума в приподнятом настроении. Яркое солнце разделяло ее радость, лаская лицо и оголенные руки теплыми лучами. Она сдала экзамены с одной тройкой по математике, но это ее не огорчало.

Перед каникулами студентов направили на производственную практику. Большинство первокурсников попали в механический и сборочный цеха, а Глаша – в электроцех. Утром на практику она торопилась, чтобы не опоздать к началу рабочего дня. Шла с расстроенными чувствами. «Зачем мне электрика, – думала студентка, – мне интересно изучать механические станки».

В цехе вокруг таза с водой сидели рабочие и курили.

– Здравствуйте, – произнесла Глаша, – меня направили к вам на практику.

Молодой парень, взглянув на нее, произнес:

– Присаживайся. Покури.

– Я не курю.

– Хватит балаболить, – прервал словоохотливого парня пожилой рабочий. – Девушка, пройди по цеху, познакомься с оборудованием.

Вернувшись после обеда, Глаша вновь застала рабочих курящими.

– Когда я буду работать? – спросила она.

– Вставай к станку и работай.

– К какому?

– К токарному.

– Николай, – обратился пожилой рабочий к одному из курящих, – покажи, как нарезать резьбу в муфтах.

Николай поднялся с лавки, подошел к станку, около которого стоял ящик с нарезанными кусками трубы, показал на него рукой и сказал:

– В этих патрубках надо нарезать резьбу. Смотри, как это делается.

За время практики Глаша освоила работу на токарном, фрезерном и сверлильном станках.

После окончания практики она первым делом отправилась на железнодорожный вокзал покупать билет до Красноярска. Увиденная там обстановка ее удивила. Вокзал напоминал муравейник. После смерти Сталина многим заключенным и ссыльным была объявлена амнистия. Люди спешили уехать к местам прежнего проживания, к своим родным и близким. Они сидели на чемоданах и узлах, лежали на подстеленных газетах. Выстояв большую очередь, Глаше удалось взять билет на поезд, отправляющийся через неделю.

Посадка в поезд напоминала взятие штурмом крепости. Люди с баулами, тюками, саквояжами лезли в вагон, мешая друг другу, застревая в тамбуре. Кто-то подавал вещи через окно приятелю, успевшему пробиться в вагон. Глаша, опасаясь в давке сломать гитару, подала ее в окно неизвестному мужчине. Когда оказалась в вагоне, все места были заняты. Ее гитара лежала на верхней полке. Она тут же залезла на полку, улеглась в обнимку с гитарой, опасаясь спуститься вниз, чтобы ее место кто-нибудь не занял.

Через сутки поезд прибыл в Красноярск. Обстановка на железнодорожном и речном вокзалах мало чем отличалась от положения на иркутском вокзале. Она напоминала цыганский табор.

Очередной пароход «Сталин» отправлялся в рейс по Енисею только через пять дней. Глаша купила билет третьего класса и отправилась разыскивать мамину знакомую Марию, проживающую по улице Маерчака. Хозяйка встретила ее доброжелательно:

– Мой руки и садись к столу, с дороги, наверное, проголодалась.

– Спасибо, я сытая.

– Чем интересно могли тебя кормить в поезде?

– Я брала с собой еду.

– Значит, ела всухомятку, садись, у меня щи готовы.

Каждое утро после завтрака Глаша на целый день отправлялась бродить по городу. Она ходила по старинным улицам, читала вывески на учреждениях и магазинах, подходила к Енисею и подолгу смотрела в его голубую даль, на тружеников водных просторов – катера и буксиры. Возвращалась на квартиру только к вечеру. Считала неудобным питаться у посторонних людей.

Посадка на пароход проходила организованно. Матросы, стоящие у трапа, пропускали пассажиров по одному. Глаша спустилась в трюм, где находились места третьего класса.

Пароход медленно отчалил от причала, стуча лопастями колес по воде. Глаша собралась выйти на палубу из душного помещения. В это время заметила

молодого человека, который спустился в трюм и шел, кого-то разыскивая. Увидев Глашу, направился к ней.

– Добрый день, меня зовут Юрием Чувашевым, – представился он, – я еду с группой студентов на практику в Норильск. Мы заметили вас с гитарой и приглашаем в нашу компанию.

– Спасибо, мне здесь неплохо, – ответила Глаша, опасаясь подвоха.

– Не бойтесь, среди нас есть девушка Клара.

– Почему я должна вас бояться?

– Причин для боязни нет, мы студенты Иркутского горно-металлургического института, а вы из какого города будете?

– Из Иркутска.

– Так мы земляки, забирайте свои вещи и вперед.

Глаша оказалась в веселой компании студентов. Первым делом они попросили ее сыграть на гитаре. Она играла и пела. Затем гитару взял Юра и приятным бархатным голосом запел «Домино». Глаша впервые слышала эту песню и была ей очарована. Студенты научили ее играть в карты. Большая часть времени проходила за игрой в шестьдесят шесть.

Когда пароход проходил мимо знакомых Глаше селений, она поднималась на верхнюю палубу и пыталась увидеть знакомые дома, сохранившиеся в ее памяти. Подплывая к деревне Лебедь, Глаша любовалась красотами местности. На возвышенности на фоне соснового леса стоял знакомый леспромхоз. Песчаная коса вдоль высокого берега сияла белизной в лучах летнего солнца. Ее сердце радостно забилось, когда показалось устье реки Лебедевки. Вспомнились походы с подругами за цветами, медведь, которого они испугались; фельдшер Лидия Кондратьевна, с которой очень весело дети встречали Новый год. Вспоминались только приятные случаи, которые сохранились на всю жизнь. Все лишения и невзгоды отошли на задний план.

Глаша очень волновалась при приближении парохода к Туруханску. Она надеялась встретить в детском доме кого-нибудь из прежних преподавателей, заглянуть в столовую, в свою комнату. Хотелось узнать сохранились ли установленные раньше порядки.

Как только пароход пришвартовался к дебаркадеру, она первой сбежала по трапу и помчалась в гору. Прибежав к детскому дому, увидела пустующие строения с забитыми окнами и территорию, заросшую травой, среди которой одиноко стоял столб-мачта, на которой в торжественных случаях поднимался флаг. Исчезли аккуратные дорожки, посыпанные битым кирпичом. На душе стало грустно и печально. Исчезла надежда, увидеть то, к чему она стремилась. Детский дом, который она часто вспоминала, в котором прошли лучшие ее детские годы, перестал существовать. Она потеряла надежду, исчезли мечты увидеть то, что было близко и дорого ее сердцу.

Возвращалась Глаша на пароход медленно, как после тяжелой болезни. У встретившейся женщины спросила:

– Куда исчез детский дом?

– Его перевели в Игарку.

До Дудинки она плыла с испорченным настроением. Ей не хотелось играть на гитаре и в карты. В памяти всплывали отдельные эпизоды из жизни в детском доме.

– Почему ты грустная? – спросила ее Клара.

– Не знаю.

Глаше не хотелось делиться своими чувствами с посторонним человеком.

– Поиграй на гитаре, – попросил ее Юрий, чтобы отвлечь от грустных мыслей.

– Сыграй лучше сам «Домино», я с удовольствием послушаю.

В Норильске Глаша распрощалась с попутчиками и направилась по хорошо знакомой насыпи железной дороги к шахте алевролитов. Можно было пойти на вокзал и дождаться попутной вертушки, но ей хотелось пройтись пешком. Ее окружала тундра в летнем наряде. Оранжевые полянки жарков горели в лучах яркого солнца, легкий ветерок приносил терпкий запах цветущего багульника. Комары не заставили себя долго ждать, надоедливо жужжали около лица. «Здесь ничего не изменилось», – подумала Глаша.

Приближаясь к бараку, она заметила рядом новое строение, которое оказалось магазином. «Как хорошо, – подумала Глаша, – теперь не надо за продуктами ходить в город». Около двери комнаты матери остановилась унять волнение. « Как меня встретят родные после годичной разлуки?», – думала она.

Вся семья оказалась в сборе. Отчим радостно вскрикнул:

– Глашенька приехала! Проходи, мы давно скучаем по тебе.

Мать сверкнула глазами на мужа и грубо произнесла:

– Чему обрадовался? Собрался идти в магазин – так иди.

Каникулы у Глаши прошли в работе по дому. Она, как прежде, занималась уборкой, ухаживала за детьми, готовила еду. Уходя на работу, Миля оставляла деньги дочери и говорила, что надо купить. В Норильск впервые завезли свежую картошку. Глаша резала ее мелкими кубиками, как делала бабушка. За ужином отчим похвалил приготовленный суп, обратив внимание на нарезанную мелко картошку. Мать тут же вспылила:

– Тебе всегда кажется, что Глашка готовит лучше, чем я! Может ты опять собрался с ней убежать?!

Однажды Миля, порывшись в кошельке, произнесла:

– Надо сходить к соседям занять денег на хлеб.

– Зачем занимать, у нас есть деньги, – сказала дочь.

– Откуда они взялись?

– Сдача от тех денег, которые ты давала мне на продукты, – пояснила Глаша и выдвинула ящик тумбочки.

Денег оказалось больше чем надо на хлеб.

Глаша понимала, что ей будет трудно учиться в Иркутске и попросила мать перевести ее в Норильский горно-металлургический техникум.

– Иди сама и переводись, – ответила Миля.

В учебной части техникума Глаше отказали в переводе на второй курс.

– Если хотите, можем принять вас на первый курс без экзаменов, – предложила женщина в очках, посмотрев зачетку претендента на учебу.

Глаше не хотела терять год учебы. Она забрала документы и отправилась домой. Мать спросила:

– Перевелась?

– В учебной части отказали. Мама, может, ты сходишь к директору техникума и поговоришь с ним о моем переводе?

– Раз отказали, езжай учиться в Иркутск, – ответила мать.

Она не хотела оставлять дочь у себя. Ей было спокойнее, когда она находилась вдали от дома.

Уходила Глаша из дома с плохим настроением. Подстать ее настроению была погода. Наступила ранняя полярная осень. По небу низко ползли мрачные черные тучи.

Дудинка встретила моросящим дождем и грязью на дорогах. В речном порту толпился народ, ожидая парохода. В кассе Глаша узнала, что пароход опаздывает на двенадцать часов и прибудет только утром. Она стала прислушиваться к разговорам пассажиров, из которых узнала, что на этом рейсе отправляют большую группу призывников, возможны беспорядки и хулиганские выходки. Чтобы скоротать время, отправилась в кинотеатр посмотреть фильм «Чарли Чаплин». В фойе звучала музыка. Здесь Глаша впервые услышала полонез Генриха Лековского, мелодию которого запомнила на всю жизнь.

После бессонной ночи Глаша спустилась в трюм, устроилась в уголке, положила чемоданчик под голову и заснула. Проснувшись, почти сутки не поднималась на палубу, опасаясь встречи с призывниками. В конце концов, ей надоело сидеть в душном помещении, и она поднялась на верхнюю палубу. Проходя мимо окон кают первого класса, услышала знакомый голос:

– Глашка!

Оглянулась и увидела выглядывающего из окна Геру, с которым училась в одном классе норильской школы. Он выпрыгнул из окна, подошел к ней и предложил:

– Пойдем к нам в каюту, мы отмечаем призыв в армию.

В каюте за столом сидели молодые парни-призывники. Состоятельные родители обеспечили им плавание в каютах, а не в трюме.

– Знакомьтесь, – произнес Герман, – это моя одноклассница Глаша.

Он стал называть имена ребят. Когда назвал имя Всеволода, тот произнес:

– Мы знакомы.

– Не помню, – ответила Глаша, хотя прекрасно помнила его.

В школьные годы она иногда ходила на каток и всегда там заставала Севу. Он моментально подкатывался к ней, называл ее «Красной шапочкой» и постоянно преследовал, бегая за ней.

С этого дня Глаша гуляла по палубе в окружении парней, она уже не боялась призывников. Вскоре с ней стал гулять только Всеволод. Он рассказывал, что всегда с нетерпением ждал ее на катке, ему хотелось ее проводить до дома, но она всегда убегала от него; признался, что ему нравятся девочки-недотроги с повадками монахинь. После нескольких таких откровений поцеловал Глашу и получил сильную пощечину. Сева не обиделся, стал сильнее ее уважать.

– Молодец, – произнес он, – дай мне свой адрес, я обязательно тебе напишу, когда прибуду к месту службы.

Его направили служить в Советскую Гавань, некоторое время он переписывался с Глашей.

4

Красноярск встретил пассажиров парохода прекрасной погодой, стояли дни бабьего лета, в воздухе летали паутинки, на клумбах отцветали последние астры. Глаша простилась с попутчиками и поехала на железнодорожный вокзал. У кассы толпился народ, у каждого на руке химическим карандашом был написан номер очереди. Глаша оказалась сто двенадцатой. Она отошла в сторону и призадумалась. К ней тут же подошел молодой человек в солдатской форме и спросил:

– О чем задумалась?

– Много народа за билетами, долго придется ждать свою очередь, – сказала Глаша и показала ладошку с цифрой.

– Можно купить билет в воинской кассе, там нет народа.

– Кто мне там его продаст?

– Давай деньги, я схожу и куплю тебе билет.

Глаша обрадовалась, достала сто рублей и протянула солдату:

– До Иркутска в общем вагоне билет стоил девяносто восемь рублей.

– Стой здесь, никуда не уходи, а то я тебя потеряю, – сказал солдат и быстро вышел в дверь на противоположной стороне зала.

Время шло, а солдат не возвращался. Глаша начала волноваться. Вскоре волнение переросло в тревожное беспокойство. Она решила пойти к воинской кассе и найти там своего благодетеля. Открыла дверь, в которую ушел солдат, и оказалась на перроне. Ее охватил ужас. Это были последние деньги, которые ей дала мать.

Тетя Маруся встретила Глашу приветливо:

– Молодец, что решила навестить меня. Садись к столу, будем вместе обедать.

Глаша стояла темнее тучи, не зная с чего начать разговор о потерянных деньгах.

– Почему такая грустная? – спросила тетя Мария.

– У меня украли деньги.

– Много?

– Все.

– Не расстраивайся, я займу тебе денег.

– Займите только на телеграмму.

В тот же день Глаша отправила телеграмму матери. Миля прислала дочери сто двадцать рублей.

Приехав в Иркутск, Глаша обрадовалась, узнав, что ей дали общежитие, но стипендию из-за троек не дали. «Как нибудь проживу, – думала она, – мама

обещала высылать деньги». В общежитии царило оживление. Второкурсников отправляли на два месяца в колхоз на уборку картофеля.

Денег, оставшихся от покупки билета, Глаше хватило ненадолго. Она стала голодать. В довершение ко всему у нее поднялась температура, и она заболела. В поликлинике дали освобождение от занятий и выписали лекарства, выкупить которые она не могла: у нее не было денег. Подруга по комнате в общежитии Тамара Козлова старалась ее поддерживать и занимала немного денег. Вскоре Глаше пришлось продать спортивный костюм. Питалась только хлебом. Пропустив много занятий, решила бросить учебу и уехать в Норильск. Под Новый год все студенты пошли на новогодний бал, а Глаша больная лежала в постели и плакала. Она написала маме письмо: «Болею, не могу учиться, хочу вернуться в Норильск».

Миля выслала денег на дорогу и написала:

– Приезжай, пойдешь работать.

Тамара, узнав о намерении подруги бросить учебу, резонно заявила:

– Зачем тебе уезжать перед сессией, надо попытаться сдать экзамены.

– Я много пропустила занятий. Вряд ли смогу сдать сессию.

– Будем готовиться вместе, я тебе помогу, – ответила Тамара.

Девочки составили план подготовки к экзаменам, решили, что один предмет – математику можно завалить и оставить на пересдачу. У Тамары были хорошие конспекты, и она оказалась умелым репетитором. Глаша полностью сдала сессию, по математике получила тройку, вновь оставшись без стипендии.

Теперь не было необходимости бросать учебу и уезжать из Иркутска. На присланные мамой деньги на дорогу самолетом, она купила теплые ботинки-венгерки с меховыми отворотами и еще осталась некоторая сумма на питание.

В это время она подружилась с девочкой, приехавшей учиться из Читы. Ее звали Галкой. Она жила на квартире в районе города, называемом Шанхаем. Там Глаша познакомилась с Лорой, работающей в шляпной мастерской. Пригодились навыки в шитье, полученные в Туруханском детском доме. Глаша стала помогать шить модные в то время шапочки – «менингитки». Лора подкармливала ее густым супом из вермишели без мяса, заправленным луком и морковкой. Слухи о Глашиных способностях в шитье быстро распространились среди студентов. Она стала закройщицей в общежитии, к ней обращались девочки для кройки материала на платья и блузки. Глаша умело снимала мерки, кроила ткани, а шили девочки сами. Старшекурсники заметили ее хорошую графику и просили выполнять чертежи к дипломным проектам.

Глаша окунулась в студенческую жизнь, часто задерживалась в тире и тренировалась в стрельбе. В одну из таких тренировок в тир вошли старшекурсники. Все они отслужили срочную службу в армии. Среди них выделялся секретарь комсомольской организации техникума, сталинский стипендиат Вячеслав Ревазов. Высокого роста, с черной кучерявой головой, прядь которых спадала на лоб. Он пять лет отслужил на Тихоокеанском флоте и гордился этим. Воротничок его рубашки всегда был расстегнут и виднелись полоски тельняшки. Глаше он чем-то напоминал отца. Во время перерывов

между лекциями Вячеслав несколько раз пытался заговорить с Глашей, но она избегала разговоров с ним. Инстинктивно боялась его, как своего отца.

– Грудзинская, – обратился он к Глаше, – давай стрелять на кружку пива?

– Лучше на шоколадку, – ответила она.

Военрук дал им по пять патронов. Глаша выбила тридцать девять очков, Вячеслав – тридцать восемь.

– Ты победила, – сказал Вячеслав и удалился из тира.

Не успела Глаша начать стрелять очередную серию, он вернулся с шоколадкой и протянул ее победительнице.

– Получай приз за победу.

– Не надо! – воскликнула Глаша.

– Я долгов не делаю, всегда честно рассчитываюсь, – произнес Ревазов, взял ее руку и вложил в нее шоколадку.

– Спасибо, – тихо произнесла она, удивляясь его поступку.

Глаша никогда не ела шоколад, не знала его вкуса, чувство голода обострилось, и ей захотелось немедленно попробовать содержимое, завернутое в красивую упаковку. Развернув коричневую плитку, изрезанную на квадратики, и, протянув руку к Вячеславу, предложила:

– Угощайтесь все.

Ревазов отвел ее руку и произнес:

– Это твой приз и принадлежит только тебе.

– Как хотите, – сказала Глаша, отломила дольку от пластинки и положила в рот.

Слава обратил внимание на Глашу, когда она еще училась на первом курсе. Небольшого роста, стройная девочка напоминала ему красивую куколку, которую хотелось взять на руки.

Встретив ее в Красном уголке, неожиданно предложил:

– Глаша, давай сыграем в шахматы?

– Я не умею играть.

– Садись за столик, я научу.

Глаше понравилась шахматная игра, она быстро освоила основные правила и часто после лекций проводила время с Вячеславом за шахматным столом. Он стал приглашать ее в оперный театр. Для девочки, любящей музыку, театр стал приятным открытием в жизни. Она сохраняла все программы, знала фамилии всех ведущих артистов.

В один из студенческих вечеров Глаша танцевала с однокурсниками и посматривала по сторонам в надежде увидеть Вячеслава, но его в зале не было. В перерыве между танцами вышла в коридор и столкнулась с Ревазовым и его приятелем.

– Глашенька, ты оперу «Пиковая дама» Чайковского слушала?

– Мы же вместе ходили в театр.

– Кто играл роль Лизы?

Глаша ответила.

– Ты разрешила наш спор с историчкой. Она нам проспорила, пойдем с нами.

– Куда?

– Сейчас узнаешь.

Парни подхватили Глашу под ручки и привели в ресторан «Ангара». Там уже стоял накрытый стол на четыре персоны. Глаша присела на край стула и положила руки на белоснежную скатерть.

– Сходи, позвони Нине Александровне, что мы ее уже ждем, – попросил Вячеслав приятеля.

– Историчка не придет, – сообщил вернувшийся приятель.

– Мы проведем прекрасно время и без нее, – произнес Вячеслав, разливая в рюмки вино.

Это был второй сюрприз, преподнесенный Ревазовым.

Глаша с удовольствием ела блюда, которые никогда не пробовала, и танцевала со Славой под духовой оркестр. Он ее удивил, когда в перерыве игры оркестра, поднялся на сцену и заиграл на фортепиано. Видимо, он был своим человеком в ресторане. Еще больше ее поразило внимание гардеробщика, который помог ей надеть фуфайку. Испытывая стыд, поспешила к выходной двери, которую услужливо распахнул перед ней стоящий рядом швейцар.

Вячеслав проводил Глашу до общежития. Он много выпил и иногда покачивался, держа девушку под руку. Общего разговора не получалось. Глаша думала о том, что она попала ненадолго в мир людей, которые живут в свое удовольствие, а она завтра должна будет экономить копейки на обеде. Ей также не понравилось, что Вячеслав много пьет. Этим он еще раз напомнил отца.

Через некоторое время Слава пригласил Глашу посетить свой дом, заявив, что мама хочет с ней познакомиться. Глаша не могла не понимать, что если парень приглашает девушку знакомиться с родителями, значит, он имеет на нее серьезные намерения, но она дала согласие пойти в его дом больше из любопытства.

Обстановка в квартире Ревазовых напоминала музейные комнаты, в которых Глаша успела побывать. Высокие потолки и картины на стенах усиливали это впечатление. Мягкие диваны и кресла, пианино, столик для игры в шахматы поражали ее воображение. Вдоль стен стояли шкафы и этажерки с книгами. После комнаты матери в общежитии эта обстановка казалась ей райской.

Мать Вячеслава, светловолосая русская женщина невысокого роста, встретила Глашу доброжелательно. Она моментально накрыла стол и пригласила пить чай. Стараясь угодить девушке, постоянно подкладывала ей печенье. Видимо, сын рассказывал ей о своей подруге. Отца, выходца с Кавказа, дома не было. Он занимал ответственный пост в руководстве городом.

После чая говорили о музыке, обсуждали прослушанные оперы, Слава сыграл на пианино. Глаша наблюдала за хозяйкой и думала: «Ее рост не выше моего. Видимо, Славе нравятся женщины невысокого роста, как и его отцу». В завершение встречи поиграли в шахматы, и Вячеслав проводил Глашу в общежитие.

Экзамены за второй курс Глаша сдавала на пятерки. Оставался последний предмет – математика. Она усиленно готовилась, даже отказалась пойти с девочками в кино. Ей очень хотелось получить пятерку. На экзамене попался

билет с вопросами, которые прекрасно знала. Недолго думая, обратилась к преподавателю:

– Можно я буду отвечать без подготовки?

– Иди, отвечай, если уверена.

На все вопросы Глаша ответила правильно и надеялась получить повышенную стипендию. Экзаменатор Каминская Мария Васильевна открыла зачетку, посмотрела на пятерки и заявила:

– Ставлю тебе четверку.

– Почему четверку? Я же ответила все правильно.

– У тебя знания не систематические.

На каникулы Глаша не поехала в Норильск. Родители получили отпуск за два года и уехали в Крым отдыхать в санатории Норильского горно-металлургического комбината.

Студенты выпускного курса, которым Глаша помогала готовить чертежи к дипломным проектам, пригласили ее на банкет по случаю окончания техникума. После ресторана веселой компанией гуляли по городу до появления на улицах дворников. Затем проводили Глашу до общежития. У нее было прекрасное настроение, спать не хотелось. Она стояла у крыльца и наблюдала восход солнца и зарождение нового дня. В городской застройке солнце выглянуло из-за крыши дома, который бросал длинную тень на улицу. Ей вспомнились утренние зори в Туруханске и Норильске. Там солнце выходило из-за горизонта, освещая лучами открытое пространство, оживляя окружающую природу. Глаше захотелось покинуть каменную застройку и выйти на окраину города. Поддавшись нахлынувшим воспоминаниям, пошла по улице навстречу восходящему солнцу. Брела до тех пор, пока не оказалась около церкви, в которой познакомилась с отцом Василием. Вокруг храма стояли леса, на которых молодые парни красили фасад храма. Остановившись, с любопытством наблюдала за работой маляра, который макал в ведро с краской большую кисть, привязанную под углом к палке, и ловкими движениями растирал краску по фасаду. Парень в робе, измазанной краской, и в такой же грязной кепке обратил внимание на разодетую девчонку и грубовато спросил:

– Чего уставилась?

– Нравится, как вы работаете.

– Иди в нашу бригаду работать.

Глаше понравилось неожиданное предложение. Она подумала, что за каникулы сможет заработать деньги на питание в следующем учебном году и ответила:

– Согласна!

– Давай адрес.

Глаша назвала общежитие техникума, фамилию и спросила:

– Когда выходить на работу?

– Мы скоро перейдем работать на новый объект, я найду тебя.

Через некоторое время в общежитии появился симпатичный парень с аккуратно зачесанными назад русыми волосами.

– Где найти Грудзинскую? – спросил он у вахтера.

– Поднимитесь на второй этаж. Комната двести третья.

Появление в комнате симпатичного парня с русыми густыми волосами, зачесанными назад, было полной неожиданностью. Голубая рубашка с короткими рукавами плотно облегала атлетический торс, крепкие руки с накачанными бицепсами выдавали в нем атлета или человека, занимающегося физическим трудом. Глаша не узнала в нем маляра в одежде, заляпанной краской. Он же сразу узнал ее и заговорил, обращаясь к ней:

– Работать в нашей бригаде не передумала?

– Не знаю.

– Кто же должен знать?

– Я подумаю.

– Может, сходим, погуляем и вместе подумаем?

– Спасибо, у меня сегодня другие планы.

– Как знаешь, если надумаешь, приходи в нашу контору. – И он назвал адрес.

После ухода парня Тома спросила:

– Как звать молодого человека?

– Не знаю.

– Не вздумай связываться с незнакомыми людьми, можешь влипнуть в неприятную историю. Может тебе мало приключения с солдатами?

Глашины сомнения разрешила телеграмма от мамы. Родители после отдыха в Крыму приехали в Идринский район и остановились у брата Глашиного деда Елисея Францевича в селе Большая Ирта. Миля выслала деньги и приглашала дочь приехать повидаться с родственниками.

Деревенская обстановка вернула Глашу к далекому детству. Ей нравилось делать уборку в доме, поливать цветы, выгонять в поле корову, ходить через огород в баню. Каждый раз, проходя между грядок с разной зеленью, вспоминала бабушку Анастасию Даниловну, которая заставила ее есть луковицу, сорванную в чужом огороде. Ей даже нравилось выгонять мух из дома, предварительно завешав все окна плотной тканью.

На дорогу в Иркутск тетя Валя напекла для нее булочек и уложила в большую торбу.

– Зачем так много? – удивилась Глаша.

– Приедешь, нарежешь и насушишь сухариков.

Провожая племянницу, тетя перекрестила ее и произнесла: «Езжай с Богом».

В вагоне Глаша развязала торбу и, глядя на пышные, румяные булочки, заплакала. Мама никогда не провожала ее, как тетя Валя, никогда не давала в дорогу продукты.

5

Иркутская осень заслуживает названия золотой осени. Стояли теплые дни, солнце поднималось еще достаточно высоко и заливало теплыми лучами город. Листья деревьев под окнами общежития начинали желтеть, на ветках радостно чирикали воробьи. В такую погоду девочки любили выходить на балкон, дышать свежим воздухом и наблюдать за прохожими или читать книги. Глаша

залюбовалась офицерами-пограничниками, проходящими по тротуару мимо общежития. Они были в парадной форме, с саблями с левой стороны, которые придерживали рукой.

– Зачем пограничникам сабли? – удивилась она.

– Может быть, они кавалеристы, – ответила Тамара.

В это время кто-то из девочек уронил книгу. Она упала на тротуар недалеко от военных. Молодой офицер, придерживая рукой саблю, наклонился и поднял книгу. Затем стал внимательно рассматривать девушек на балконе второго этажа.

– Мы сейчас спустим веревку, – произнесла Шура, – привяжите, пожалуйста, к ней книгу.

– Книгу не отдам, пока за ней не спустится вот эта девушка, – сказал военный и показал на Глашу.

– Это не моя книга, – сообщила Глаша.

– Тогда я не отдам книгу.

Офицеры продолжили путь, унося книгу.

– Вот нахал, – произнесла Шура, – книга из библиотеки.

Девушки обсудили случившийся инцидент, отпустили в адрес офицера эпитеты, на которые способны студенты, и успокоились.

Через некоторое время в дверь раздался стук. Кто-то из девочек произнес студенческую шутку:

– Войдите, если не дьявол.

В комнату вошел офицер с книгой. На нем уже не было сабли. Он мило улыбался и виноватым голосом произнес:

– Извините, пожалуйста, за задержку книги.

Девочки растерялись, лицо Глаши залила яркая краска румянца. Кто-то поставил на средину комнаты табурет и предложил:

– Присаживайтесь.

– Спасибо, меня на улице ждут товарищи, – сказал офицер и, обращаясь к Глаше, произнес:

– Я приглашаю вас на танцы в Дом офицеров.

– Спасибо, у меня на сегодня другие планы.

– Прекрасно, я зайду к вам в другой раз, – произнес он и, простившись, вышел из комнаты.

Как только за ним захлопнулась дверь, подруги набросились на Глашу с упреками:

– Почему отказалась? Такой симпатичный и молодой офицер мог бы стать для тебя хорошей парой. У тебя явно не все в порядке с головой.

– Девочки, дорогие, в Дом офицеров надо идти прилично одетой, а у меня нет такой одежды.

– Если еще раз пригласит, наденешь мое платье, – твердым голосом сказала Тамара.

– В твоем платье и в растоптанных туфлях с дырами в подошвах буду очень хорошо выглядеть.

– Наденешь мои туфли, – предложила Саша.

– Твоя нога на три размера больше моей.

Через неделю офицер пришел в общежитие и пригласил Глашу на танцы.

– Я плохо танцую, – ответила она.

– Тогда пойдемте в кино.

Она согласилась. Они познакомились, его звали Володей. Глаше понравился обходительный и вежливый мужчина. Ей было приятно идти под ручку с офицером. Многие прохожие обращали внимание на молодую красивую пару. После кино бродили по городу, вышли на набережную Ангары и любовались закатом. Володя рассказывал о себе, о своей маме, которая проживала в Москве. Он ни разу не упомянул своего отца. «Видимо, отец погиб на войне, и сын пошел по его стопам, став военным», – думала Глаша. Проводив ее до общежития, он пообещал при первой возможности зайти к ней и вновь пригласить в кино.

Глаша постоянно вспоминала Володю и с удовольствием принимала его ухаживания. Во время прогулок они обсуждали просмотренные кинофильмы и прочитанные книги. Недавно впервые была опубликована книга И.А. Гончарова «Фрегат Паллада». Они оба успели ее прочитать, и она вызвала у них живое обсуждение.

– Сто лет назад Гончаров проезжал через Иркутск, интересно, каким он видел наш город? – спросила Глаша.

– Конечно не таким, какой он сегодня, но некоторые здания, которые видели декабристы, мог видеть и он, – ответил Володя. – Меня удивляет другое – он ехал на лошадях от Охотского моря до Петербурга четыре месяца. Как много времени тратили люди на дорогу.

– Зато он подробно описал свой путь, и мы сегодня из его книги узнаем историю нашего края.

– В этом ты, пожалуй, права. А знаешь ли ты, где сейчас фрегат «Паллада»?

– Деревянный корпус давно должен сгнить.

– А вот и нет. Недавно водолазы нашли корпус фрегата на дне Советской гавани. Гончаров эту гавань называл Императорской.

Во время разговоров Володя влюбленным взглядом смотрел на Глашу, был внимательным и предусмотрительным. Глаша поняла о его серьезных намерениях, когда он сказал, что она понравилась его маме.

– Она же меня никогда не видела, – удивилась Глаша.

– Я писал о тебе ей в письмах.

Глаша не была готова к серьезным отношениям и перевела разговор на другую тему.

Их встречи продолжались до наступления зимы. В декабре наступили первые небольшие морозы. Собираясь на очередную встречу, Глаша взглянула на валенки. На подошвах около носков протерлись дыры величиной больше грецкого ореха. Она всегда закрывала дыры свернутыми кусками газеты. На этот раз обернула ступни ног тряпочкой и натянула на ноги чулки.

После кино молодые люди возвращались по набережной, над Ангарой клубился пар. Володя был весел и постоянно шутил. Глядя на реку, он твердо произнес:

– В этом году Ангара не замерзнет.

– Почему не замерзнет? – удивилась Глаша.

– Потому, что замерзнет в январе.

Испарения реки оседали пушистым куржаком на ветках деревьев, которые казались хрустальными. Володя подпрыгивал, ударял рукой по веткам и осыпал Глашу снежинками. Ему хотелось развеселить ее, а она вдруг стала молчаливой, сосредоточенной и не поддерживала его веселье.

В какой-то момент Глаша почувствовала, что у нее чулок высунулся в дырку валенка, на нем образовался снежный комок, и она ставила ногу как на камень. Подошвой ноги ощущала холод снега. С ужасом подумала – вдруг чулок вылезет за пределы подошвы.

– Почему ты хромаешь? – спросил Володя.

– Мне что-то попало в валенок. Подожди меня, я зайду в подъезд и посмотрю в чем дело.

Володя присел и произнес:

– Подними ногу, я сниму валенок и вытряхну из него камень.

– Не надо, – воскликнула Глаша, – я так дойду до общежития.

Она испугалась, что Володя увидел торчащий из подошвы валенка чулок. Ее охватил стыд. Как только они подошли к общежитию, Глаша простилась и быстро убежала.

После этого случая Володя несколько раз заходил в общежитие и приглашал Глашу сходить в театр или кино, но она всегда находила причину, чтобы отказаться, и он перестал к ней заходить. Ее судьба и жизнь могли измениться в лучшую сторону, если бы не дырявый валенок. А скорее всего, она не думала о своем будущем и не была готова к серьезным отношениям с мужчиной.

6

После окончания третьего курса Глаша ехала на каникулы в приподнятом настроении – она сдала экзамены на стипендию. Ей хотелось скорее увидеть своих родных, мечтала, что мама при встрече обнимет ее и прижмет к себе. Ей всегда хотелось такой встречи, но мать встречала ее, как чужого человека.

Перед Игаркой у парохода, на котором плыла Глаша, выявились неполадки в двигателе. Пароход с трудом пристал к дебаркадеру. По трансляции объявили, что стоянка продлится до следующего дня. Капитан обратился за помощью в механические мастерские Игарского лесопильно-перевалочного комбината, а пассажиры отправились знакомиться с заполярным городом. С высокого берега Игарской протоки перед ними развернулась панорама окружающей местности. Прежде всего, их удивило большое количество морских судов, на которых шла погрузка пиломатериалов. Недалеко от причала в широком и глубоком логу протекала небольшая речка, которая делила Игарку на две части: Старый и Новый город. Старый город состоял из частных домов. На берегу протоки разместился склад пиломатериалов. Складские ряды напоминали городские улицы, а каждый штабель, прикрытый темной крышей из старых досок, казался домом.

– Какой огромный город из досок! – удивилась женщина.

Ее спутник ответил:

– Из Игарки за рубеж продают около миллиона кубометров пиломатериалов.

– Так они весь лес вокруг города вырубят?

– Его поставляют сюда со всего Красноярского края, – ответил мужчина.

В это время раздался шум винтов самолета, все повернулись в сторону протоки и увидели самолет, взлетевший с острова, на котором размещался аэродром. Самолет сделал полукруг над городом и взял курс на юг в сторону Красноярска.

Пассажиры толпой направились в центр города. В сотне метров от причала шла широкая улица, вдоль которой стояли новенькие двухэтажные деревянные дома. Они весело смотрели на прохожих окнами с резными наличниками. Высокие крыльца домов украшали точеные балясины.

– Почему у домов такие высокие крыльца? – спросила та же женщина своего спутника.

– Город построен на вечной мерзлоте. Чтобы мерзлота не оттаивала под домами от их теплоотдачи, устраивают холодные, неэксплуатируемые подполья. – ответил осведомленный мужчина.

Вдоль улицы не было деревьев, но стоял приятный крепкий сосновый запах, исходящий от домов, выстроенных из соснового бруса. Больше всего всех удивила мостовая, выполненная из досок.

– Разве здесь нет песка и щебня, чтобы строить дороги? – одолевала вопросами женщина своего спутника.

– Инертных материалов здесь достаточно. На болотистой тундре самая надежная дорога – гать из бревен, скрепленная досками. Такая дорога может плавать при подъеме воды.

В это время из-за поворота появился автобус, дорога слегка проседала и поскрипывала. Проехав мимо удивленных пассажиров парохода, он остановился на автобусной остановке.

Стоял полярный день, солнечные лучи заливали деревянные стены строений, отчего они казались ярко-желтыми. Отражаясь от стен и дороги, лучи слепили глаза. Многие экскурсанты, впервые попав в Заполярье, удивлялись и восхищались северной экзотикой. Постепенно подошли к театру. Двухэтажное здание было выстроено в традиции старинного деревянного зодчества. На афише увидели имена знакомых артистов, которые в послевоенные годы давно не появлялись на сценах столичных театров.

Вернувшись на пароход к обеду, люди узнали, что отплытие намечено на следующее утро. Глаша с группой пассажиров поехала на экскурсию в Игарскую научно-исследовательскую мерзлотную станцию, расположенную в Старом городе. Автобус из Нового города направился вдоль Енисея в южном направлении. Деревянная дорога проходила по трехкилометровому участку тундры, разделяющему город на две части. На протяжении всей дороги с правой стороны тянулись огромные штабеля досок на складе пиломатериалов, называемом биржей пиломатериалов.

Территория Мерзлотной станции, огороженная забором, включала в себя несколько аккуратных домиков, в которых размещались контора, квартира начальника станции и лаборатории. В центре на сохраняемом участке тундры стояла триангуляционная вышка. В одной из лабораторий экскурсантам

предложили спуститься в подземелье на глубину шести метров. Оно представляло туннель в вечной мерзлоте, проложенный безо всяких креплений, стены которого напоминали слоеный пирог из чередующихся прослоек льда и грунта. Под ногами посетителей из стены выступал обуглившийся ствол дерева. Экскурсовод Павел Евдокимов рассказывал о вечной мерзлоте, он обратил внимание на ствол дерева и сказал, что углеводородный анализ указывает возраст дерева более тридцати двух тысяч лет. Он интересно говорил о свойствах вечной мерзлоты, об особенностях строительства на ней. В туннеле несколько дверей вели в ниши, в которых размещались мерзлотные лаборатории. Открыв одну из дверей, экскурсовод пригласил посетителей в музей. Здесь перед ними предстали замороженные во льду рыбы, обитающие в Заполярье. В нишах, вырубленных в мерзлом грунте, стояли замороженные птицы и мелкие зверушки: соболь, белка, горностай и другие.

Вечером из клуба моряков, стоящего недалеко от причала, раздалась музыка духового оркестра. Мелодии знакомых танцев разливались над Игарской протокой и манили к себе.

– Девчонки, пойдемте на танцы, – предложила попутчица Глаши своим подругам.

Ее сразу поддержали другие девочки, и они радостной группой побежали с парохода на берег. Вахтенный у трапа предупредил:

– Девчата будьте осторожны.

– Чего нам надо бояться? – спросила бойкая девица.

– Моряки могут увезти за границу.

– Вот было бы здорово посмотреть заграницу!

– Долго не задерживайтесь, пароход рано уйдет в рейс, – крикнул вдогонку веселым девчатам вахтенный.

Поднявшись по высокому крыльцу и войдя в фойе, девочки остановились. Справа через открытую дверь виднелись столики ресторана, за некоторыми сидели мужчины в морской форме. Слева в танцевальном зале кружились редкие пары. Глаша робко вошла в зал и остановилась около входной двери, осматривая помещение. Она обратила внимание, что в зале больше мужчин, чем женщин. К вошедшим девушкам моментально подошли моряки и пригласили на танец. Перед Глашей остановился мужчина среднего роста в морской форме. Он сделал легкий поклон головой и произнес:

– Разрешите вас пригласить на танец?

– С удовольствием, – ответила Глаша.

Он подал ей руку. Она протянула свою, вторую положила ему на плечо, и они закружились в вихре вальса. «Как он легко вальсирует». – Думала Глаша.

– Вы давно живете в Игарке? – спросил моряк.

– Второй день, – ответила Глаша.

– Какое совпадение, я тоже второй день.

– Зачем вы сюда приехали?

– Случайно.

– Случайно в такую даль не заезжают.

– Вынужденная остановка в пути, я плыву до Дудинки.

В это время оркестр смолк, и партнер проводил Глашу к группе ее попутчиц. Девчата обсуждали своих партнеров. Одной танцор наступил на ногу, у другой – от партнера сильно несло водочным перегаром.

Оркестр заиграл танго. Глашу пригласил прежний мужчина, и они плавно поплыли по залу, слегка покачиваясь в такт музыке.

– Мы не закончили беседу, – начал разговор партнер. – Зачем вы плывете в Дудинку?

– Я еду к родителям в Норильск.

«Какой любопытный», – подумала Глаша и, чтобы отвлечь его от дальнейших расспросов, задала вопрос:

– Вы зачем приехали в Игарку?

Он оживился и стал подробно рассказывать о себе.

– Я помощник капитана сухогруза, пришел в Игарку за лесом, затем пойду в Испанию.

На следующем танце моряк предложил познакомиться:

– Мы танцуем третий танец, а я не знаю вашего имени. Скажите, как вас зовут?

– Глашей.

– Очень красивое имя, а меня звать Сергей Викторович. Можете называть Сергеем.

Глаша подумала, что он привык, видимо, чтобы его называли по имени и отчеству.

– Глаша, пойдемте, посидим в ресторане, выпьем чего-нибудь прохладительного.

– Спасибо, мне больше нравится танцевать, чем сидеть в ресторане.

– Хотите, я вам покажу настоящий морской теплоход.

– Спасибо. Как-нибудь в другой раз.

– Другого раза может не быть.

– Значит такова судьба.

– Очень жаль, но с судьбой не спорят.

Возвращались девушки на пароход после полуночи. На безоблачном небе сияло яркое солнце, напоминая, что в Заполярье стоит полярный день.

Пароход отошел от причала ранним утром, когда пассажиры, утомившись от знакомства с городом, крепко спали. Глаше снился сон ее постоянной мечты. Она приехала на каникулы, мама радостно встретила и, обняв, крепко прижала к себе. «Мама, дорогая мамочка, я очень тебя люблю. У меня, кроме тебя, нет никого на белом свете», – шептала девочка во сне. Ее сердце учащенно забилось в груди. От этих ударов она проснулась. Находясь под впечатлением сна, не могла заснуть и вспоминала все встречи с матерью после долгих разлук. Миля ни разу не обняла и не приласкала дочь, а девочке очень хотелось материнской ласки.

«Интересно, сколько сейчас времени и далеко ли отплыли от Игарки», – подумала Глаша и подошла к окну. Пароход проплывал устье реки Гравийки, протекающей в широкой долине между невысокими холмами. Берега реки окаймляли обточенные водой каменные глыбы. На правом высоком берегу,

выступающем в Енисей, прижавшись к сосновому лесу, стояла одинокая избушка охотника. «Ей, наверно, так же одиноко, как и мне», – с грустью подумала Глаша.

В Дудинку пароход опоздал, опоздал и к уходящему в Норильск поезду. Большинство пассажиров парохода ехали в Норильск, и им пришлось коротать время на вокзале. Глашаа предложила новым подругам сходить в местный музей народов Севера. Музей удивил девочек. Здесь были собраны интересные экспонаты одежды, предметов быта и охоты местных жителей. Больше всего их заинтересовали чучела диких животных и чум, накрытый оленьими шкурами, в котором макет женщины в национальном костюме склонился у импровизированного очага. Рядом с чумом стояло чучело оленя с ветвистыми рогами, запряженного в нарту. . .

Глаша с чемоданом в руке шла по насыпи железной дороги. Вокруг простиралась знакомая болотистая тундра, залитая солнечными лучами. Солнце светило в лицо, приходилось жмуриться. Она вспомнила сон, приснившийся ей на пароходе, и тревожно-радостное чувство наполнило ее грудь. Еще издали она увидела мать и отчима. Возле барака появился вновь выстроенный балок. Миля стояла на крыше и за веревку поднимала ведро с утеплителем, а отчим внизу лопатой наполнял ведро. Работа шла споро. Недалеко играла подросшая Тома. Никто не заметил, как к ним подошла Глаша.

– Добрый день! – как можно громче произнесла она.

Михаил воткнул в грунт лопату, повернулся в ее сторону и радостно воскликнул:

– Здравствуй, Глашенька, мы давно по тебе соскучились!

Тома бросилась к сестре, Глаша присела и обняла девочку.

Миля выпрямилась на крыше балка и что-то тихо произнесла. Рядом стояла лестница, но она не спустилась, чтобы обнять дочь.

– Есть хочешь? – услышала Глаша голос матери.

– Хочу.

– Иди в дом, мы недавно пообедали, суп еще не успел остыть.

Время каникул быстро пролетело. Глаша успела только несколько раз побывать в Норильске и встретиться со школьными подругами. Провожая дочь, Миля подарила ей два куска вельвета.

7

На четвертом курсе Вячеслав пригласил Глашу покататься на водном трамвайчике. Небольшое судно с сиденьями на верхней палубе отошло от пристани «Московские ворота» и отправилось по Ангаре в сторону Затона. Стоял теплый солнечный день, встречный ветерок приятно обдувал тело. С реки открывалась панорама городской застройки, которую трудно себе представить, гуляя по улицам города. Для Глаши все было ново и интересно, ей доставляло удовольствие плыть с человеком, который уделяет ей много внимания. Они сошли на берег в Затоне, чтобы побродить по парку. Вячеслав остановился против Глаши и произнес:

– Какая у тебя красивая кофточка и оригинальные пуговицы - шарики.

Глаша научилась в детском доме делать пуговицы из обрезков материи. Не успела она ответить, как он провел рукой по пуговицам, легонько прижимая руку к груди. Глаша вспыхнула, отскочила в сторону и убежала на причал. Прогулка не состоялась.

Ревазов понял свою ошибку и долго не подходил к Глаше. Он боялся, что она не будет с ним разговаривать, и их отношения могут разорваться навсегда.

Глаша часто вспоминала Вячеслава, анализировала их отношения. Они периодически встречались в течение трех лет, но Ревазов ни разу не предложил ей дружбу, не говоря уже об объяснении в любви. Он вел себя независимо, не хотел связываться обязательствами. Иногда она видела его в компании с девушками со старшего курса. В девичьей душе закипала ревность, она старалась успокоить себя: «Он же не давал мне никаких обещаний».

Неожиданно после занятий Вячеслав подошел к ней и, поздоровавшись, сообщил:

– Мама просила тебя зайти к нам домой.

– Раз мама просила – я готова пойти с тобой.

Разговор у молодых людей не получался. Глаша думала: «Даже не извинился за свой поступок при последней встрече. Если бы не приглашение мамы, я бы не пошла к нему в дом».

Маргарита Петровна встретила Глашу приветливо, но словом не обмолвилась о том, что приглашала ее. «Вячеслав меня обманул, чтобы заманить к себе», – подумала Глаша.

После этой встречи дружеские отношения между молодыми людьми восстановились. Они посещали музеи, ходили в театр. Проводив в очередной раз Глашу до общежития, Вячеслав спросил:

– Должен ли мальчик спрашивать разрешения у девочки, чтобы ее поцеловать?

Глаша не успела ответить, в небе над городом раздался шум летящего самолета. Она подняла вверх голову, чтобы его увидеть. Вячеслав воспользовался моментом и поцеловал ее в губы. Девушка оттолкнула его двумя руками и убежала в общежитие.

Отношения между молодыми людьми испортились надолго. Глаша ждала извинений. Для Ревазова такое поведение с девушками, видимо, было обычным, и он считал Глашу недотрогой.

На новогодний бал из подаренного мамой вельвета Глаша сшила костюм пажа. Из накрахмаленной марли сделала высокий воротник жабо и украсила рукава. На куртке сверкали прикрепленные кусочки слюды. Ее постоянно приглашал танцевать мужчина в костюме водолаза и металлическом шлеме на голове. Ребята часто подходили к ним и стучали водолазу по шлему. Во время перерыва в танцах водолаз пригласил Глашу в буфет. Он налил в стаканы морс и предложил тост:

– За здоровье!

– За здоровье пьют воду только дураки, – ответила Глаша.

Он рассмеялся от души и обнажил золотые зубы. Глаша узнала в партнере по танцам преподавателя по подъемным машинам.

После выпускных экзаменов и прохождения практики Глашу распределили работать конструктором в проектное бюро. Ей очень хотелось увидеть маму, обнять и прижаться к ней. Хотя понимала, что это вряд ли произойдет. Она пошла к директору техникума и со слезами на глазах произнесла:

– Хочу домой, хочу к маме.

Директору стало жалко ее, и он разрешил выдать диплом без направления на работу.

Вячеслав уже второй год работал на металлургическом заводе, часто задерживался на производстве, осваивая новую технику. Периодически вспоминал Глашу, но к встрече не стремился по причине задетого самолюбия. Наконец его терпение иссякло, и он направился к общежитию, где проживала Глаша, решив поздравить ее с окончанием учебы в техникуме. У дежурной попросил вызвать Грудзинскую.

– Она выписалась из общежития и уехала, – ответила дежурная.

– Когда уехала?

– Сегодня.

– Куда уехала?

– На вокзал.

Вячеслава охватило чувство обиды и жалости к себе. Он не мог представить, что девушка могла покинуть город, не простившись с ним. Выскочив на улицу, поймал такси и помчался на вокзал. Глашу застал на перроне, положил руки ей на плечи и, глядя в глаза, спросил:

– Почему ты уезжаешь?

– А почему я должна остаться?

– Всех выпускников оставляют работать в Иркутске.

– Я соскучилась по родным и еду в Норильск.

По решительному выражению лица Глаши Вячеслав понял, что ее намерение серьезное и решился на отчаянный жест, чтобы ее удержать.

– Останься в Иркутске! Я хочу на тебе жениться.

«Где слова о любви? Так предложение не делают», – подумала Глаша.

За время их встреч он не смог воспламенить в ее груди чувство любви или хотя бы привязанности. Она еще не была готова к семейной жизни. Паровоз подал третий свисток, Глаша подхватила чемоданчик и поднялась в тамбур вагона. Оглянувшись, увидела Вячеслава, у которого катились слезы по щекам.

Кондуктор закрыла дверь, и поезд повез мою героиню к новой, насыщенной событиями, жизни.

Эпилог

Судьба Глафиры Александровны сложилась благополучно: удачно вышла замуж по любви. Она энергична и активна в свои семьдесят пять лет. Преподает в школе польский язык и руководит художественной самодеятельностью. Ее коллектив участвует и часто побеждает в конкурсах самодеятельных коллективов, выезжает за границу. Она неоднократно посещала Польшу и имеет там много

друзей. Сын и дочь подарили ей троих внуков, которых она очень любит и отдает им все свободное время.

Содержание